C 50/78

РСФСР
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. Ленина
Ф 2114-41
2007041004

Подъ редакціею артилеріи генералъ-маіора Чернявскаго.

Офицерамъ 3-го кавказскаго стрѣлковаго баталіона.

Оставляя службу по причинѣ тяжкой неизлечимой болѣзни и разставаясь съ вами дорогіе товарищи, приношу баталіону послѣднюю дань моихъ трудовъ въ предлежащемъ описаніи подвиговъ оказанныхъ имъ въ теченіи столь краткаго, всего лишь двадцати-двухлѣтняго его существованія. Пусть эти подвиги увѣковѣчатся въ памяти грядущаго поколѣнія!

Вамъ, товарищи, обязанъ баталіонъ и громкими побѣдами, и почетными наградами которыми навсегда будетъ гордиться. Хотя не моему безвѣстному и скромному перу слѣдовало бы внести ихъ въ исторію, но оставаясь въ баталіонѣ послѣднимъ изъ старослужилыхъ и видя, что изглаживаются воспоминанія о прошедшихъ его дѣяніяхъ, я рѣшился записать ихъ въ настоящій разсказъ, чтобы не угасли безслѣдно. Отъ души желаю, чтобы наши послѣдователи, читая его и вспоминая о быломъ, одушевлялись и запечатлѣвали въ душѣ своей любовь и привязанность къ славному имени части, въ которой имъ прійдется служить, и гордясь ея отличіями, свято хранили честныя преданія и неуклонно слѣдовали по пути своихъ предшественниковъ, не теряя никогда случая освѣжать лавры, имъ завѣщанные.

Въ виду такой цѣли, прошу смотрѣть на мой трудъ не болѣе, какъ на записки лѣтописца, завѣщающаго потомству славныя преданія и дѣянія его современниковъ, не ищущаго за то ни мзды, ни славы. Если указанная цѣль будетъ мною достигнута, я сочту себя безгранично счастливымъ и вознагражденнымъ не по заслугамъ.

Александръ Цезарскій.

ГЛАВА I.

Значеніе стрѣлковъ въ средѣ кавказской арміи. Формированіе 20-го стрѣлковаго баталіона. Участіе его въ походахъ и дѣлахъ противъ непріятеля въ большой и малой Чечнѣ съ 19-го мая 1857-го года по 29-е апрѣля 1858-го года.

Исторія бывшаго 20-го, нынѣ 3-го стрѣлковаго баталіона, болѣе или менѣе тѣсно связана съ эпохою послѣдней боевой жизни всего Кавказа; почему, излагая эту исторію, нельзя хотя вкратцѣ коегдѣ не коснуться и исторіи самаго края.

Формированіе стрѣлковыхъ баталіоновъ на Кавказѣ вообще подошло къ тому времени, когда для непокорныхъ горцевъ былъ обдуманъ послѣдній ударъ и, такъ сказать, предрѣшено навсегда ихъ враждебное для Россіи существованіе. Поэтому, всѣмъ кавказскимъ стрѣлковымъ баталіонамъ, въ томъ числѣ и бывшему 20-му, выпала завидная доля участвовать въ самыхъ крупныхъ и многозначащихъ явленіяхъ жизни боеваго Кавказа. Стрѣлковые баталіоны (въ числѣ, конечно, и прочихъ кавказскихъ войскъ) приняли послѣдній вздохъ непокорнаго Кавказа, а съ тѣмъ вмѣстѣ и неувядаемую славу.

Формированіе баталіоновъ подоспѣло, можно сказать, вполнѣ вовремя, именно тогда, когда Шамиль и подвластные ему горцы болѣе или менѣе хорошо сознавали, что наступаютъ послѣдніе дни ихъ существованія, и когда, вслѣдствіе этого, они готовы были драться съ нами до предѣла крайней возможности. Усовершенствованное оружіе стрѣлковыхъ баталіоновъ и лучшій цвѣтъ закаленной кавказской арміи, вступившій въ ряды ихъ, здѣсь являлись очень кстати;—и оружіе, и люди, владѣвшіе имъ, сослужили добрую службу отечеству.

И вправду, нужно было самому быть дѣйствующимъ лицомъ въ бояхъ, чтобы видѣть и знать, въ какое отупѣніе, въ особенности въ 1857-мъ и 1858-мъ годахъ, приводили горцевъ наши штуцера и мѣткость выстрѣловъ со стороны стрѣлковъ: горецъ, стоя гдѣ нибудь на холмѣ на цѣлую версту отъ насъ и воображая себя едва замѣтнымъ, а въ тоже время вполнѣ безопаснымъ отъ нашихъ выстрѣловъ, вдругъ падаетъ и прощается навѣки и съ своею уда-

лью, и съ своею жизнью. Позже, когда непріятель узналъ въ чемъ дѣло, ему страшно не нравился свистъ зловѣщей штуцерной пули и, отгадывая по ней пребываніе въ колоннѣ нашихъ стрѣлковъ, онъ не всегда рѣшался подходить къ намъ на близкое разстояніе. Конечно, это не могло не имѣть вліянія на исходъ битвъ и не могло не придавать нашимъ стрѣлкамъ особеннаго значенія не только у непріятеля, но и въ глазахъ сотоварищей прочихъ частей войскъ, смотрѣвшихъ на стрѣлка уже съ нѣкоторымъ уваженіемъ. А такъ какъ не было случая, чтобы стрѣлки и дома, и на полѣ битвы не поддержали бы о себѣ хорошаго мнѣнія, то отсюда идетъ и начало ихъ славы, и вниманіе къ нимъ начальниковъ, и тѣ награды и почести, которыя достались имъ по заслугамъ.

Кавказскія войска всегда были, есть и, конечно, будутъ хороши—по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока среди нихъ сохранятся прошлыя преданія. Такъ же хороши всегда были и части 20-й пѣхотной дивизіи: тенгинцы и навагинцы, стяжавшіе славу еще въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ на восточномъ берегу Чернаго моря, куринцы и кабардинцы—составлявшіе въ теченіи всей войны грозу большей части непокорнаго восточнаго Кавказа, ознаменовавшіе себя поистинѣ чудесными подвигами.

Изъ этихъ четырехъ полковъ былъ сформированъ 20-й стрѣлковый баталіонъ, въ ряды котораго съ самаго же начала вошли лучшіе солдаты и офицеры всей дивизіи.

Высочайшее повелѣніе о сформированіи кавказскихъ стрѣлковыхъ баталіоновъ въ трехъ дивизіяхъ отдѣльнаго кавказскаго корпуса послѣдовало 6-го декабря 1856-го года(*). На укомплектованіе 20-го стрѣлковаго баталіона поступило вначалѣ отъ каждаго полка по двадцати унтеръ-офицеровъ и шестидесяти рядовыхъ штуцерныхъ стрѣлковъ и кромѣ того еще по 120-ти рядовыхъ изъ общаго числа нижнихъ чиновъ. Впослѣдствіи къ этому числу людей было еще добавлено понемногу отъ каждаго полка. Выборъ этихъ ста двадцати человѣкъ былъ произведенъ съ крайнею разборчи-

---

(*) Пр. воен. мин. 6 декабря № 281. По отд. кавк. корп. 15 декабря № 722.—Первый стрѣлковый баталіонъ былъ сформированъ ранѣе.

востью. На обязанность командировъ полковъ было возложено назначеніе въ стрѣлковый баталіонъ наилучшихъ офицеровъ, съ тѣмъ, что еслибы какой либо изъ нихъ оказался несоотвѣтственнымъ требованію, то долженъ быть возвращенъ обратно. Нижніе чины вступили въ баталіонъ обмундированные и вооруженные бывшими въ полкахъ на стрѣлкахъ литихскими штуцерами. Роты получили свою нумерацію соотвѣтственно послѣдовательности нумеровъ тѣхъ полковъ, изъ которыхъ были комплектованы, а именно: нижніе чины 77-го тенгинскаго полка составили собою первую роту баталіона, 78-го навагинскаго—вторую, 79-го куринскаго—третью и 80-го кабардинскаго—четвертую.

Штабъ-квартирою баталіона была назначена крѣпость Грозная.

Первымъ днемъ дѣйствительнаго существованія 20-го стрѣлковаго баталіона слѣдуетъ считать 4-е марта 1857-го года, когда въ завѣдываніе имъ вступилъ навагинскаго полка капитанъ Тюриковъ(*), положившій, съ своею ротою, основаніе баталіону. Затѣмъ, впредь до прибытія перваго командира подполковника князя Голицына(**), временное командованіе баталіономъ и окончательное сформированіе и устройство его было возложено на командира линейнаго № 9-го баталіона полковника Берсеньева (***).

Когда князь Голицынъ прибылъ къ баталіону (****), онъ засталъ его вполнѣ устроенною цѣльною единицею и скоро убѣдился, что лучшаго выбора нижнихъ чиновъ и въ особенности офицеровъ произвести было невозможно (1).

Въ этотъ годъ приступлено было систематически, назойливо къ осуществленію той идеи фельдмаршала князя Барятинскаго о покореніи восточнаго Кавказа, которую онъ взлелѣялъ еще въ 1852-мъ году, когда нанесъ первый и рѣшительный ударъ большой и малой Чечнѣ, вполнѣ ознакомился съ этою частью края и ждалъ только минуты для того, чтобы порѣшить навсегда и съ нею, и съ

(*) Пр. по 20 п. д. и войск. лѣв. кр. 4 марта № 56.

(**) Высоч. пр. 1 января 1857 года.

(***) Предп. нач. 20 п. див. 19 марта № 2595.

(****) 17 мая 1857 года.

Дагестаномъ, и съ лезгинскою линіею. Для достиженія цѣли медлить было невозможно вопервыхъ потому, чтобы не дать опомниться Шамилю и горцамъ, вовторыхъ потому, что слишкомъ надоѣла уже эта полувѣковая борьба и слишкомъ много высосала она у насъ и крови, и денегъ. Понятно, что при полномъ стремленіи главнокомандующаго и командующихъ войсками къ скорѣйшему разрѣшенію старой задачи, всѣ боевыя силы края были напряжены донельзя, и ни одна часть войска—у себя дома и на полѣ—не оставалась въ бездѣйствіи. При общемъ взаимодѣйствіи, каждой изъ нихъ досталось въ эти послѣдніе годы потрудиться на благо родины и на пользу дѣла, и труды эти выражались только въ двухъ видахъ: въ работѣ топоромъ, ломомъ, киркою и въ схваткахъ съ непріятелемъ. О домашнихъ ученіяхъ, о разнаго рода умственныхъ занятіяхъ некогда было думать. Лучшею военною въ то время наукою и лучшею, вполнѣ практическою школою, развивавшею и совершенствовавшею солдата и офицера, была самая война и сопряженныя съ нею невзгоды, всегда болѣе страшныя, чѣмъ непріятельскія пули и ядра.

Всѣ эти условія—въ большей или меньшей степени—выпали и на долю юнаго 20-го стрѣлковаго баталіона, тотчасъ по сформированіи его, такъ что не успѣлъ онъ, такъ сказать, опериться и самоукрѣпиться, какъ очутился уже въ составѣ дѣйствующаго отряда.

Прежде всего, 19-го мая выступили въ походъ 2-я и 4-я роты, подъ общимъ командованіемъ капитана Журавлева, и въ тотъ же день примкнули къ отряду и стали лагеремъ у бердыкельскаго поста. Съ этого пункта и отъ раззореннаго аула большаго Чеченя, у котораго была ставка командующаго войсками, генералъ-лейтенантъ Евдокимовъ предпринялъ дорожныя работы въ глубь большой Чечни, цѣлью которыхъ было—соединить Грозную съ кумыкскою плоскостью посредствомъ открытыхъ и свободныхъ сообщеній, этимъ путемъ отбросить непріятеля въ горы и заставить населеніе большой Чечни—нежелающее остаться на мѣстѣ и тѣмъ сберечь все свое достояніе—смириться, покориться намъ и ежеминутно ожидать нашего посѣщенія или отъ Аргуна и Сунжи, или отъ Мичика. Къ

концу года соображенія генералъ-лейтенанта Евдокимова осуществились вполнѣ: мы прочно владѣли всею большою Чечнею; но пока этого достигли—прошли чрезъ многія тягости и испытанія.

При рубкахъ лѣсовъ и проложеніи просѣкъ и дорогъ роты стрѣлковаго баталіона въ этихъ собственно работахъ не участвовали, но обязанность ихъ была если и менѣе трудная, за то болѣе отвѣтственная: имъ приходилось прикрывать и охранять, т. е. обезпечивать собою безопасность колоннъ, дѣйствовавшихъ съ топоромъ въ рукахъ. Почти ни одинъ день не обходился, конечно, безъ перестрѣлокъ (впрочемъ, по большей части незначительныхъ) которыя столько же разнообразили жизнь стрѣлковъ, сколько и упражняли ихъ въ стрѣльбѣ.

Съ 17-го іюня двумъ ротамъ баталіона стало нѣсколько веселѣе, потому что къ нимъ примкнули и остальныя двѣ (2-я и 3-я) прибывшія въ лагерь подъ командою младшаго штабъ-офицера маіора Конопляпскаго (2).

Въ это время года Чечня, обиловавшая всякаго рода посѣвами, приступала къ заготовленію запасовъ столько же для себя, сколько и для тавлинцевъ и дагестанцевъ, которыхъ Шамиль присылалъ къ нимъ обыкновенно на зиму. Цѣль этой посылки состояла частью въ подкрѣпленіи, которое онъ оказывалъ чеченцамъ, а большею частью въ стремленіи поддержать и прокормить свою горскую кавалерію, которую въ горныхъ трущобахъ нечѣмъ было продовольствовать. Такая уловка Шамиля издавна была намъ знакома, и для того, чтобы помѣшать осуществленію ея, наши военачальники употребляли ежегодно лѣтнее время для уничтоженія въ Чечнѣ всѣхъ непріятельскихъ посѣвовъ. Такъ случилось и въ 1857-мъ году. При истребленіи генералъ-маіоромъ Кемпфертомъ сѣна и кукурузы 3-го и 5-го іюля на устарханскомъ полѣ, участвовалъ и 20-й стрѣлковый баталіонъ. Когда колонна разорила хутора и отступала въ лагерь, стрѣлки находились въ арріергардѣ—и тутъ въ первый разъ по сформированіи они участвовали въ довольно жаркой перестрѣлкѣ, въ которой былъ раненъ шт. к. Андрейченко, одинъ стрѣлокъ первой роты и два—второй. Затѣмъ, въ теченіи цѣлаго мѣсяца баталіону не привелось вторично встрѣтиться такимъ же

образомъ съ непріятелемъ, хотя онъ и не оставался въ бездѣйствіи: съ 13-го по 31-е іюля, т. е. до дня перемѣны позиціи отряда у Дахинъ-Ирзау, роты чередовались или на рубкѣ лѣса, или въ прикрытіи при движеніи транспортовъ и т. п.

5-го августа значительная партія горцевъ, пользуясь отступленіемъ отряда отъ Грозной и Бердыкеля, задумала отбить скотъ, принадлежавшій грозненскимъ ауламъ и пасшійся на Сунжѣ. По тревогѣ, на перерѣзъ горцамъ была отправлена, между прочимъ, и 1-я рота 20-го стрѣлковаго баталіона, которая встрѣтила непріятеля при обратной переправѣ чрезъ Сунжу и въ жаркой съ нимъ перестрѣлкѣ лишилась одного раненаго стрѣлка.

Къ концу августа отрядъ возвратился къ Бердыкелю—для дѣйствій въ малой Чечнѣ; 1-я и 4-я роты, не покидавшія его все время, находились при немъ, а 2-я и 3-я, которыя временно были спущены на отдыхъ въ кр. Грозную, примкнули вновь къ отряду лишь 31-го августа.

Опять полтора слишкомъ мѣсяца прошли для баталіона болѣе или менѣе безъ особенныхъ боевыхъ тревогъ, и только 17-го октября привелось ему участвовать въ значительной перестрѣлкѣ, въ которой убитъ одинъ рядовой (4-й роты) и раненъ также одинъ (3-й роты).

Не прошло трехъ дней, какъ стрѣлки ознаменовали себя новымъ подвигомъ мужества и стойкости, при взятіи и раззореніи 20-го октября аула Чижнахоя (Дубы аулъ). Объ этомъ дѣлѣ и до сихъ поръ сохранились воспоминанія между старослужилыми кавказцами. Горцы дрались отчаянно, защищали каждую саклю своего аула группами и въ одиночку и причинили намъ потерю чувствительную—хотя, конечно, отстоять своего гнѣзда не могли. Вся тягость боя выпала на долю куринцевъ и стрѣлковъ, которые, впрочемъ, вышли изъ дѣла гордые исполненіемъ своего долга и побѣдою. Въ баталіонѣ въ этотъ день ранено два унтеръ-офицера, десять рядовыхъ и контужено четверо (3).

Вслѣдъ затѣмъ, при раззореніи 27-го октября непріятельскихъ ауловъ на р. Энгеликѣ, въ 4-й ротѣ раненъ еще одинъ унтеръ-офицеръ и двое рядовыхъ.

Сдѣлавъ свое дѣло въ малой Чечнѣ, генералъ-лейтенантъ Евдокимовъ 1-го ноября двинулся опять въ большую Чечню, гдѣ, по полученнымъ имъ свѣдѣніямъ, жители имѣли въ виду принести окончательную покорность. 1-я и 4-я роты баталіона слѣдовали въ авангардѣ, въ колоннѣ полковника Алтухова, а 2-я и 3-я — въ арріергардѣ, въ колоннѣ полковника Баженова. Главными силами, составлявшими центръ, гдѣ находились и тяжести отряда, командовалъ генералъ-маіоръ Кемпфертъ.

Шамиль, узнавъ о намѣреніи чеченцевъ вступить окончательно въ наше подданство, явился на Джалку и привелъ съ собою скопища изъ Дагестана; но мѣстные жители ни содѣйствовать ему, ни драться съ нами не хотѣли. Толпами они выходили изъ своихъ ауловъ и были выселяемы въ наши предѣлы. Перестрѣлки, происходившія при этомъ у Чухумъ-Барза, на Джалкѣ и Шавдонѣ, въ которыхъ участвовалъ и баталіонъ, были незначительны.

Шестаго декабря, послѣ семимѣсячной походной жизни и всѣхъ ея тревогъ, баталіонъ возвратился въ кр. Грозную, на отдыхъ,—впрочемъ, на самое короткое время.

Во второй половинѣ декабря кончилась зимняя экспедиція собственно въ большой Чечнѣ; нѣсколько тысячъ семействъ выселилось къ намъ на линію, и эта сторона края стала русскою провинціею (*).

Когда, такимъ образомъ, мы были обезпечены въ большой Чечнѣ и, съ другой стороны, болѣе или менѣе обезпечили кумыкскую плоскость, генералъ Евдокимовъ рѣшилъ предпринять движеніе въ глубину такъ называемой нагорной Чечни, главный и единственный входъ въ которую открывался изъ аргунскаго ущелья.

Изъ этого ущелья берутъ начало рѣчки, орошающія малую Чечню, по теченію которыхъ сообщалось населеніе между Сунжою и верховьями Аргуна.

Проникая въ глубину нагорной Чечни, мы разрѣзывали надвое эту сторону края и лишали малочеченцевъ возможности имѣть у себя за плечами свободное сообщеніе съ горами и воинственными племенами, всегда готовыми имъ на подмогу. Изолируя

этимъ порядкомъ малую Чечню, мы по необходимости привлекали и ее къ окончательной покорности.

Движеніе въ аргунское ущелье послѣдовало двумя колоннами: по лѣвому берегу рѣки Аргуна отъ кр. Воздвиженской и по правому—отъ Бердыкеля. Колонны наступали одновременно въ ночь съ 15-го на 16-е января 1858-го г., и къ разсвѣту первая изъ нихъ атаковала дефиле. Вторая подоспѣла нѣсколько позже, потому что ее задержали глубокіе, едва проходимые, снѣга; притомъ, и обходное движеніе этой колонны требовало, по разстоянію, вдвое большаго времени. Въ обходной колоннѣ, состоявшей подъ начальствомъ г. м. Рудановскаго, находился и 20-й стрѣлковый баталіонъ.

По обѣимъ сторонамъ Аргуна бой былъ жаркій; но взятіе штурмомъ полковникомъ Рихтеромъ господствующей надъ ущельемъ высоты порѣшило его къ десяти часамъ утра. У стрѣлковъ не было потери.

Вскорѣ послѣ взятія аргунскаго ущелья, именно 26-го января, въ командованіе баталіономъ вступилъ подполковникъ Клингеръ, назначенный, впредь до Высочайшаго утвержденія, распоряженіемъ главнокомандующаго, изъясненнымъ въ отзывѣ начальника штаба войскъ лѣваго крыла отъ 15-го ноября 1857-го г. № 207.

Утвердившись въ аргунскомъ ущельи, при сліяніи рѣкъ Шаро-Аргуна и Чанты-Аргуна, генералъ Евдокимовъ началъ понемногу очищать отъ непріятеля близлежащіе аулы и затѣмъ—пролагать дорогу и просѣку на гору Даргинъ-Дукъ, отрѣзывая нагорную Чечню отъ Дагестана и открывая нашимъ ударамъ непріязненныя общества въ верховьяхъ Шаро-Аргуна.

При этихъ движеніяхъ двѣ роты 20-го стрѣлковаго баталіона участвовали при взятіи, 5-го февраля, на правомъ берегу Аргуна, ауловъ: Дуютина, Измаилъ-Юрта и Улусъ-Керты, а другія двѣ при занятіи Дачу-Барзоя (5); 20-го февраля баталіонъ прикрывалъ колонну на рубкѣ дровъ на правомъ берегу Чанты-Аргуна, а 28-го, въ составѣ всего отряда, совершилъ трудное и вполнѣ кавказское восхожденіе на гору Даргинъ-Дукъ, гдѣ участвовалъ въ аванпостныхъ почныхъ перестрѣлкахъ съ 3-го на 4-е, съ 4-го на 5-е и съ 5-го на 6-е марта.

По случаю перемѣщенія штабъ-квартиры баталіона изъ кр. Грозной во Владикавказъ, 1-я рота, укомплектовавъ частью своихъ людей остальныя роты, оставила Даргинъ-Дукъ и отправилась устроивать новую штабъ-квартиру.

Тѣмъ временемъ, жители малой Чечни, усмотрѣвъ, что, съ занятіемъ аргунскаго ущелья и съ проложеніемъ дороги и просѣки по Даргинъ-Дуку, предоставлены на волю судьбы, изъявили желаніе покориться. Это заставило генерала Евдокимова усилить находившіяся тамъ войска, и онъ отправилъ 2-ю и 4-ю роты стрѣлковъ къ р. Энгелику, которыя и участвовали тамъ въ перестрѣлкахъ съ 1-го по 8-е апрѣля, а потомъ, вернувшись на Даргинъ-Дукъ, дрались съ горцами 28-го апрѣля.

ГЛАВА II.

Усмиреніе назрановскаго мятежа. Пораженіе скопищъ Шамиля при р. Ачхоѣ. Участіе 1-й, 2-й и 3-й ротъ стрѣлковаго баталіона въ лѣтней экспедиціи 1858-го года.

Для болѣе удобнаго управленія мирными горцами сдѣлано было распоряженіе, чтобы они, оставивъ свои разъединенные хутора, централизовались въ отдѣльныхъ большихъ селеніяхъ. Такая система поселеній доставляла намъ случай имѣть лучшій за туземцами надзоръ, а ихъ лишала возможности вступать въ сношенія съ Шамилемъ и его наибами; притомъ, она вполнѣ отвѣчала нашимъ цѣлямъ—предупрежденія на большихъ дорогахъ кражъ, грабежей и разбоевъ.

Общества мирныхъ горцевъ очень неохотно приняли такое распоряженіе,—потому-ли, что всякое переселеніе сопряжено съ нѣкоторымъ разстроеніемъ и вообще убыточно, или потому, что прежній порядокъ имъ былъ болѣе по душѣ—трудно опредѣлить. Сильнѣе всѣхъ противодѣйствовало такому требованію назрановское общество, населявшее собою верховья рѣкъ Сунжи и Камбилеевки.

Шамиль, пользуясь неудовольствіемъ на этотъ разъ противъ насъ назрановцевъ, старался поддержать ихъ упрямство, подсылалъ къ нимъ своихъ агентовъ съ увѣщаніемъ не поддаваться объявленному имъ приказанію и, въ концѣ концовъ, обѣщалъ, въ случаѣ возстанія, прислать имъ на подмогу свои войска.

Вступивъ съ Шамилемъ 15-го мая въ рѣшительную сдѣлку, главный аулъ общества--Назранъ, находящійся въ тридцати верстахъ отъ Владикавказа, бокъ-о-бокъ съ нашимъ укрѣпленіемъ того-же имени, возмутился. Сперва мятежъ выразился съ ихъ стороны въ отдѣльныхъ разбояхъ, потомъ въ умерщвленіи нѣсколькихъ нашихъ солдатъ внѣ укрѣпленія, далѣе въ нападеніи на оказію, проходившую изъ Владикавказа и имѣвшую слабое прикрытіе и, наконецъ, 24-го мая, въ открытомъ возстаніи и нападеніи на самое укрѣпленіе. Небольшой гарнизонъ заперся внутри его и ожидалъ прибытія къ нему на помощь какой либо части войскъ.

Въ этотъ день во Владикавказѣ 1-я и 3-я роты стрѣлковаго баталіона находились на стрѣльбѣ. Тутъ застало ихъ извѣстіе о назрановскомъ возмущеніи. Захвативъ мимоходомъ въ казармахъ торбочки съ хлѣбомъ и не промывъ даже штуцеровъ, роты бѣгомъ пустились по дорогѣ къ Назрану. Ночью онѣ прибыли на мѣсто.

На другой день, въ два часа пополудни, назрановцы возобновили съ удвоенною силою вчерашнее нападеніе. Они двинулись на укрѣпленіе двумя массами: съ нагорной стороны на батареи, и отъ Сунжи, откуда укрѣпленіе было вполнѣ открыто. Тутъ попали они подъ выстрѣлы 1-й роты, расположенной на подъемѣ отъ рѣки въ крѣпость, которая поражала ихъ навыборъ. Разстроенные, понеся большую потерю, мятежники отступили, бросились къ селенію и въ свои хутора, наскоро захватили тамъ свои семейства и спѣшили удалиться въ горы, оставивъ на волю случая все свое имущество. Но побѣгъ не удался: они были настигнуты и возвращены. Спустя нѣкоторое время, зачинщики мятежа были казнены, общество лишено прежде дарованныхъ ему правъ и привилегій, и жители разселены были такъ, какъ отъ нихъ требовалось прежде.

Шамиль, стремясь поддержать, съ одной стороны, назрановцевъ, съ другой—возмутить противъ насъ галашевцевъ и галгаевцевъ,

одновременно съ обѣщаніемъ, даннымъ мятежникамъ, задумалъ прорваться, между р.р. Ачхоемъ и Нетхоемъ, въ малую Чечню и тамъ, еслибы удалось, угрожать Владикавказу, частью наказать, а частью возвратить подъ свое владычество отпавшія отъ него общества.

Для воспрепятствованія его цѣлямъ, генералъ Евдокимовъ выдвинулъ на разные пункты пять колоннъ: полковника Алтухова—близъ ст. Ассинской, для прикрытія Сунжи; полковника фонъ-Кауфмана на высоту горы Сейвыдукъ (*); полковника Шостака на Камбилеевку—для прикрытія Осетіи; полковника Баженова на тарскую долину—для охраненія Владикавказа; полковника Бѣлика въ Урусъ-Мартанъ.

Всѣ эти мѣры и распоряженія были предприняты въ ту минуту, когда планы Шамиля только-что созрѣли. А это было за недѣлю слишкомъ до нападенія назрановцевъ на наше укрѣпленіе. Тогда же, именно 16-го мая, изъ Владикавказа была отправлена въ колонну Алтухова, еще не выступавшую на Ассу и находившуюся пока на Аргунѣ, 4-я рота стрѣлковаго баталіона подъ командою поручика Радіонова. Затѣмъ, 26-го мая, 2-я рота изъ Владикавказа выступила въ кр. Воздвиженскую, куда должны были въ свое время стянуться колонны для составленія отряда, предназначеннаго открыть лѣтнюю экспедицію въ горы; 3-я рота была на-время оставлена въ Назранѣ, а 1-я выступила 27-го мая на Аки-Юртъ, въ составъ колонны полковника фонъ-Кауфмана. Полковникъ Алтуховъ съ Аргуна слѣдовалъ на Геху. Здѣсь онъ засталъ еще полковника Баженова и самого генерала Евдокимова, которые были пока заняты выселеніемъ чеченцевъ.

28-го мая, 4-я рота была отдана въ распоряженіе полковника Баженова и того же числа двинулась къ р. Шалажи для прикрытія переселенцевъ; 29-го она возвратилась въ колонну полковника Алтухова и чрезъ ст. Нестеровскую, въ составѣ прочихъ частей войскъ, направилась въ Ассинскую.

Вскорѣ послѣ того, какъ полковникъ Алтуховъ прибылъ въ Ассинскую, онъ узналъ, что Шамиль долженъ будетъ идти на ачхоевскій аулъ. Тогда, чтобы ближе слѣдить за непріятелемъ, Алту-

(*) На границѣ галашевскаго общества.

ховъ передвинулся къ р. Нетхою. Шамиль, какъ видно, не зналъ объ этомъ движеніи, и на другой день по прибытіи Алтухова къ Нетхою, именно 9-го іюня, съ трехтысячнымъ скопищемъ выступилъ изъ лѣсныхъ трущобъ и потянулся у подножія Черныхъ горъ. Алтуховъ, держась въ сторонѣ и скрывая свое присутствіе, отправилъ полковника Никорицу, съ драгунами и казаками, въ обходъ Шамилю, а самъ поспѣшилъ за нимъ форсированнымъ маршемъ.

Кавалерія попеслась на рысяхъ и близъ Ачхоя встрѣтилась съ непріятелемъ. Завязался отчаянный бой; драгуны дрались, какъ львы, но уже слабѣли, потому что были окружены со всѣхъ сторонъ въ нѣсколько разъ сильнѣйшимъ непріятелемъ. Вдругъ, подоспѣлъ Алтуховъ, пустилъ въ дѣло пѣхоту, въ томъ числѣ и стрѣлковъ, выручилъ драгунъ, засыпалъ горцевъ картечью и нанесъ имъ такое пораженіе, котораго они ужъ давно не испытывали.

Несмотря на все это, Шамиль все-таки вторгся на другой день въ галашевское общество и занялъ аулы Мужичъ и Алкунъ. Алтухову велѣно было тотчасъ соединиться съ колонною фонъ-Кауфмана; въ Нестеровскую послана была особая колонна подъ командою полковника Черткова.

Между тѣмъ, 3-я рота находилась въ Назранѣ до 7-го іюня. Въ этотъ день она выступила въ свою штабъ-квартиру и оттуда, послѣ дневки, т. е. 9-го іюня, должна была идти въ колонну Алтухова на смѣну 4-й роты. Но вмѣсто того, она, 13-го іюня, на маршѣ, была неожиданно включена въ небольшую колонну тенгинскаго полка маіора Денибекова, отряженную отъ колонны полковника Баженова для преслѣдованія появившейся партіи, и исполнивъ это назначеніе, 14-го іюня возвратилась во Владикавказъ. Пробывъ здѣсь три дня, 3-я рота выступила 18-го іюня опять-таки на смѣну 4-й роты и 20-го іюня прибыла въ Алгусъ-Али. Тутъ она застала двѣ соединившіяся колонны Алтухова и фонъ-Кауфмана и смѣнила 4-ю роту, которая ушла во Владикавказъ.

Шамиль, предупрежденный на всѣхъ пунктахъ, отказался отъ своихъ замысловъ и скрылся въ большой Чечнѣ. Тогда колонна полковника Алтухова снялась съ позиціи у Алгусъ-Али, 22-го іюня перешла Сейвыдукъ и чрезъ Назранъ, потомъ по Сунжѣ, далѣе

чрезъ р. Нетхой и укр. Урусъ-Мартанъ, соединившись 30-го іюня съ колонною полковника Баженова, отступившаго, въ свою очередь, изъ владикавказскаго округа, прибыла того же числа въ кр. Воздвиженскую.

Въ ночь съ 30-го іюня на 1-е іюля войска двинулись нѣсколькими эшелонами въ аргунское ущелье. Авангардною колонною командовалъ полковникъ Зотовъ, арріергардомъ—полковникъ Баженовъ, въ хвостѣ арріергарда шелъ полковникъ фонъ-Кауфманъ. Въ колоннѣ полковника Зотова находилась 1-я рота стрѣлковаго баталіона, у полковника Баженова—2-я и 3-я.

Непріятель ожидалъ насъ по лѣвому берегу Аргуна и приготовилъ тамъ надлежащую встрѣчу; но полковникъ Зотовъ пошелъ по правому берегу Чанты-Аргуна, къ утру (1-го іюля) подступилъ къ ур. Ярашъ-Марды, взялъ его при перестрѣлкѣ, оттуда, мимо подошвы горы Бинъ-Дука, переправился по бревнамъ на лѣвый берегъ Аргуна и съ боя занялъ аулъ Соси-Ирзау. Вслѣдъ за авангардомъ прибыли къ Бинъ-Дуку остальные эшелоны и тотчасъ приступили къ постройкѣ моста чрезъ Аргунъ.

При движеніи полковника Баженова отъ Дачу-Барзоя къ Бинъ-Дуку въ стрѣлковыхъ ротахъ раненъ одинъ рядовой.

Втораго числа 1-я рота стрѣлковаго баталіона, въ составѣ небольшаго эшелона, открыла сообщеніе съ укр. Аргунскимъ по лѣвую сторону Аргуна, причемъ происходила незначительная перестрѣлка.

Въ достопамятномъ бою 4-го іюля 1858-го г. при взятіи штурмомъ семи уступовъ на Мескендукѣ, всѣ три роты стрѣлковаго баталіона находились въ средней колоннѣ полковника Баженова и въ дѣлѣ имъ участвовать не пришлось. Въ тотъ же день войска, въ томъ числѣ и эти роты, стали лагеремъ на варандинской полянѣ, близъ аула малаго Варанды.

Съ слѣдующаго же дня началась рубка лѣса по направленію къ аулу большому Варанды, и среди этихъ трудовъ ни одинъ часъ не обходился для насъ безъ перестрѣлокъ и потерь—иногда достаточно чувствительныхъ.

7-го іюля, генералъ Евдокимовъ предпринялъ рекогносцировку къ большому Варанды и въ составѣ колонны, сопровождавшей его, находились 2-я и 3-я роты стрѣлковаго баталіона. При отступленіи, горцы крѣпко насѣли на арріергардъ; перестрѣлка была жаркая, но для стрѣлковъ это дѣло обошлось безъ потерь.

8-го іюля, за часъ до разсвѣта, 1-я и 2-я роты, въ составѣ колонны полковника Баженова, выступили для рубки лѣса и разработки дороги къ б. Варанды.

На полпути, у кладбища, оставлены были, подъ командою маіора Копопляпскаго, вторая рота стрѣлковаго баталіона и стрѣлковая рота тенгинскаго полка. Остальныя войска двинулись впередъ, причемъ 1-я рота слѣдовала въ авангардѣ и, ставъ на позицію, прикрыла собою взводъ орудій легкой № 6-го батареи (прапорщика Щурскаго).

Мгновенно загремѣла ожесточенная пальба, въ особенности въ авангардѣ, гдѣ артилеристы едва успѣвали заряжать орудія. Въ десять часовъ утра горцы усилились подошедшими къ нимъ подкрѣпленіями и намѣревались броситься въ шашки, но орудія и стрѣлки 1-й роты ихъ не допустили. Спустя нѣкоторое время, они съ полною рѣшимостью повторили атаку, но стрѣлки встрѣтили ихъ штыками, а артилерія картечью — почти въ упоръ. Затѣмъ, горцы попробовали еще разъ осилить стрѣлковъ, но они снова приняли ихъ въ штыки и отбросили въ глубину лѣса.

Съ самаго начала зимней экспедиціи въ аргунскомъ ущельи, горцы еще ниразу не дрались съ такимъ ожесточеніемъ. 1-я рота стрѣлковаго баталіона почти исключительно вынесла на себѣ огонь непріятеля, лишилась раненымъ своего командира, шт. к. Воронова, убитымъ одного и ранеными пятерыхъ нижнихъ чиновъ.

На смѣну ей была призвана съ кладбища 2-я рота.

Затишье продолжалось около четырехъ часовъ. Наконецъ, снова раздались залпы горцевъ.

Немного спустя, непріятель ползкомъ подобрался къ краю лѣсистаго оврага, гдѣ лежала стрѣлковая цѣпь, и думалъ безъ выстрѣла кинуться на нее въ шашки. Но въ цѣпи его замѣтили и отбросили штуцернымъ огнемъ и картечью.

Такъ все продолжалось до вечера. По приказанію генерала Евдокимова, полковникъ Баженовъ наскоро устроилъ засѣку тамъ, гдѣ стоялъ его авангардъ, и остался въ ней ночевать.

При той храбрости и стойкости, которыя 3-го іюля оказали двѣ роты стрѣлковъ, этотъ день должно отнести къ одному изъ славныхъ дней въ исторіи ихъ баталіона. Во второй ротѣ убитъ одинъ рядовой, ранено три унтеръ-офицера и десять рядовыхъ (7).

Вторая рота баталіона осталась въ засѣкѣ, устроенной полковникомъ Баженовымъ, и на дальнѣйшее время. Каждый день на работахъ, и нерѣдко ночью, происходили перестрѣлки, но не ознаменовались ничѣмъ особеннымъ; только 19-го іюля, на рубкѣ лѣса, горцы вновь думали прорвать цѣпь, которую держала 2-я рота, но подъ градомъ пуль ея и орудійной картечи должны были отступить.

Наконецъ, насталъ знаменательный день 30-го іюля, въ который, послѣ сильнаго артилерійскаго боя, мы овладѣли долиною Шатоя; 8-го августа, на ур. Гакко, заложили укрѣпленіе Шатоевское, постепенно привлекли къ покорности всѣ окрестныя общества, даже злѣйшаго нашего врага наиба Батоку, и включили въ нашу географическую карту все пространство непокорной до того времени земли между верховьями Терека и Аргуна.

При наступленіи отряда на варандинскія высоты (г. Саюпъ-Дукъ) участвовали всѣ три роты стрѣлковаго баталіона, но въ открытомъ бою не были (8).

Все послѣдующее время до конца года, за исключеніемъ немногихъ стычекъ съ непріятелемъ, занято было работами, передвиженіями войскъ, выселеніемъ жителей и т. п. Среди этихъ движеній, изъ ротъ стрѣлковаго баталіона только одна 3-я рота имѣла перестрѣлку съ непріятелемъ, при движеніи, 4-го октября, колонны отъ Чухумъ-Барза къ укр. Шалп. Въ этой перестрѣлкѣ былъ раненъ одинъ рядовой.

4-я рота, находившаяся въ штабъ-квартирѣ съ 20-го іюня, 14-го октября выступила оттуда, подъ командою шт. к. Погорѣлова, въ

главный чеченскій отрядъ (*) и смѣнила 2-ю роту, отправленную во Владикавказъ.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ чеченскій отрядъ, въ составѣ котораго находились 1-я, 3-я и 4-я роты стрѣлковаго баталіона, отступилъ къ кр. Грозной и расположился здѣсь лагеремъ—для кратковременнаго отдыха и впредь до открытія зимней экспедиціи(9).

ГЛАВА III.

Участіе ротъ баталіона въ 1859-мъ году при занятіи басскаго и хулхулаускаго ущельевъ и при штурмѣ Веденя. Пожалованіе знамени. Участіе въ движеніяхъ и дѣйствіяхъ отряда во время лѣтней экспедиціи 1859-го года. Приказы. Возвращеніе въ штабъ-квартиру. Награды.

По распоряженію командующаго войсками лѣваго крыла кавказской линіи отъ 13-го декабря за № 520, ротамъ баталіона, расположеннымъ около кр. Грозной (1-й, 3-й и 4-й) (10) предписано было выступить въ зимнюю экспедицію. 18-го декабря онѣ двинулись въ походъ подъ командою прикомандированнаго къ баталіону для участія въ военныхъ дѣйствіяхъ флигель-адъютанта Его Величества, гвардіи капитана барона Корфа (11). Съ переходомъ за Аргунъ на шалинскую поляну, 3-я и 4-я роты имѣли перестрѣлки съ горцами, 31-го декабря, при занятіи редута и заваловъ, замыкающихъ входъ въ ущелье р. Басса, причемъ потеряли ранеными четырехъ стрѣлковъ (12) и затѣмъ, 14-го января 1859-го года, роты эти, подъ начальствомъ г. м. Кемпферта, участвовали во взятіи заваловъ, устроенныхъ горцами въ ущельи р. Басса и въ занятіи аула Тауженя.

Въ этотъ періодъ времени войска наши подвигались впередъ неторопливо, потому что басское ущелье было сильно укрѣплено. Только 27-го января генералъ Кемпфертъ двинулся къ аулу Алистанжи, находившемуся на полпути между Тауженемъ и Веденемъ, и

(*) Предп. шт. в. лѣв. кр, № 1686.

занялъ позицію въ разстояніи одной версты отъ него. Шамиль отступилъ; мы стояли на порогѣ у Веденя.

7-го февраля роты, въ составѣ отряда, подошли къ Веденю, участвовали въ этотъ день въ перестрѣлкѣ при рекогносцировкѣ аула и потомъ, въ числѣ прочихъ войскъ, обложили резиденцію Шамиля. Начались почти ежедневныя перестрѣлки, въ которыхъ 14-го и 27-го марта ранено два стрѣлка (1-й и 4-й ротъ).

При осадѣ Веденя всѣ три роты находились въ средней колоннѣ г. м. барона Розена, которая вела подступы съ фронта къ андійскому редуту. Во время самой осады, 4-я рота оставила отрядъ по слѣдующему обстоятельству: въ началѣ 1859-го года для перевооруженія стрѣлковаго баталіона доставлены были во Владикавказъ парѣзныя ружья образца стрѣлковъ Императорской фамиліи. Хотя литихскіе штуцера имѣли за собою всѣ превосходныя качества, но неудобны были тѣмъ, что трудно заряжались почью; поэтому, командующій войсками, воспользовавшись, что 2-я рота, остававшаяся во Владикавказѣ, была уже перевооружена, вызвалъ ее въ Ведень, а 4-ю роту, 29-го марта, отправилъ для перевооруженія въ штабъ-квартиру. 2-я рота, подъ командою шт. к. Ольшевскаго, подоспѣла очень вовремя—если только имѣлось въ виду испробовать по непріятелю новое оружіе: 1-го апрѣля послѣдовалъ знаменитый въ лѣтописяхъ кавказской арміи штурмъ Веденя, и мы видимъ впереди штурмовой колонны двѣ „штуцерныя“ роты и во главѣ ихъ команду подпоручика Любимова. Эти двѣ роты были 1-я и 2-я, которыя, по сигнальной ракетѣ, бросились съ тешгинцами съ фронта на андійскій редутъ и тамъ перебили послѣднихъ защитниковъ столицы имама ([13]).

Государь Императоръ, въ награду мужества и храбрости, оказанныхъ 20-мъ стрѣлковымъ баталіономъ при штурмѣ Веденя 1-го апрѣля 1859-го года, Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать баталіону *знамя*.

Такою высокою Монаршею милостью увѣнчалась служба молодаго стрѣлковаго баталіона, существовавшаго всего только два года (*).

(*) Прик. по кавказ. арм. 22 августа 1859 г.—Отз. воен. мин. 3 августа № 9047.

Подобной неоцѣненной для войска награды баталіонъ могъ не получить долгое время, такъ какъ отдѣльнымъ баталіонамъ знамена даются только за важныя военныя отличія. Баталіонъ, пріобрѣвъ знамя своею кровью, съ этого времени окончательно вошелъ въ семью славныхъ кавказскихъ полковъ, и объ немъ заговорили съ тѣмъ же уваженіемъ, съ которымъ относились къ стрѣлковому баталіону кавказской гренадерской дивизіи, стяжавшему лавры на поляхъ Башъ-Кадыкъ-Лара и Кюрюкъ-Дара въ кампанію $18^{55}/_{56}$ годовъ.

Штурмомъ Веденя не закончилась зимняя экспедиція $18^{58}/_{59}$ годовъ: она незамѣтно перешла въ лѣтнюю экспедицію того же года, и роты баталіона, командиромъ котораго былъ тогда назначенъ маіоръ князь Святополкъ-Мирскій (14), не оставили отряда, хотя, отступивъ отъ Веденя, разошлись на разные пункты Чечни. Такъ, 17-го апрѣля, 3-я рота стала на р. Маюртупѣ, а 25-го перешла на правый берегъ р. Гудермеса. 2-я рота 25-го апрѣля выступила къ аулу Эрсеною для прикрытія новаго сообщенія съ Веденемъ, открытаго по хулхулаускому ущелью. 4-я рота, отправленная во Владикавказъ для перевооруженія и возвратившаяся въ отрядъ 10-го мая, сперва стала на позиціи Ахки-Бердъ, потомъ перешла къ аулу Ялхой-Мохка и наконецъ, 28-го числа, въ виду изъявленнаго ичкеріцами желанія принести намъ покорность, заняла гору Кетинъ-Кортъ, куда того же числа пришла съ отрядомъ изъ Эрсеноя и 2-я рота, а изъ Владикавказа — 1-я рота, ходившая туда въ концѣ апрѣля для перевооруженія.

2-го іюля, 1-я, 2-я и 4-я роты вновь перешли въ Ведень и при движеніи имѣли перестрѣлку съ горцами. Со дня прибытія ихъ на эту позицію, онѣ начали готовиться къ лѣтней экспедиціи, которая открылась для нихъ 20-го числа движеніемъ къ аулу Хорачаю. Тамъ, впереди всего чеченскаго отряда, роты, находясь въ колоннѣ г. м. Кемпферта, производившей разработку подъема на андійскій хребетъ, ежедневно, до 4-го іюля, ходили въ прикрытіе работъ; 4-го же іюля, 2-я и 4-я роты поднялись на андійскій хребетъ и заняли позицію на высотѣ 7 т. фут. на урочищѣ Яшп-Амъ, возлѣ озера того же имени. На прежней позиціи осталась только первая рота — для прикрытія пути при проѣздѣ главнокомандующаго.

14-го числа, при громѣ пушечной пальбы, князь Барятинскій поднялся на Яни-Амъ и на другой же день произвелъ рекогносцировку мѣстности и дорогъ, ведущихъ въ общество Анди. Послѣдствіемъ этой рекогносцировки была перемѣна позиціи всего отряда (въ томъ числѣ 1-й, 2-й и 4-й ротъ) къ озеру Эзень-Аму.

18-го числа главнокомандующій предпринялъ рекогносцировку мѣстности и дорогъ, ведущихъ въ Технуцалъ. Для прикрытія пути, по которому онъ долженъ былъ проѣзжать, въ два часа пополуночи, съ 17-го на 18-е число, выслана была колонна подъ начальствомъ свиты Его Величества г. м. князя Дадіана, въ составъ которой вошли и три роты стрѣлковаго баталіона. Колонна двигалась въ обходъ, сперва вокругъ озера Эзень-Амъ, а потомъ чрезъ Чаберлой и къ вершинамъ Андо. Переходъ былъ до тридцати верстъ; на разстояніи почти двадцати верстъ не было воды. Войска, торопясь занять мѣстность къ десяти часамъ утра, почти бѣгомъ поднимались по крутизнѣ тридцати слишкомъ градусовъ. Задыхаясь отъ жары, наступившей съ ранняго утра, отъ жажды и усталости, роты разбросали по пути болѣе трехсотъ человѣкъ. При обратномъ движеніи эти нижніе чины были подобраны дежурнымъ по баталіону и, къ счастью, благополучно приведены на другой день въ лагерь.

Спустя три дня, именно 22-го іюля, роты, въ составѣ главныхъ силъ чеченскаго отряда, перешли на позицію Аржи-Ламъ, къ Андійскому озеру, и 25-го находились въ перестрѣлкѣ на горѣ Шери-Ламъ, гдѣ прикрывали переселеніе чаберлоевскаго аула. При этомъ, взводомъ 1-й роты было отбито 250 барановъ (*).

27-го іюля, въ приказѣ по кавказской арміи, отданномъ въ главной квартирѣ при аулѣ Тандо, главнокомандующій выразилъ войскамъ слѣдующую благодарность:

„Сегодня доношу Государю Императору о покореніи Его Державѣ: Аваріи, Койсубу, Гумбета, Салатавіи, Андіи, Технуцала, Чаберлоя и другихъ верхнихъ обществъ. Благодарю войска дагестанскаго и чеченскаго отрядовъ, всѣхъ отъ генерала до сол-

(*) Подъ командою юнкера Цезарскаго.

дата, за столь радостную вѣсть для сердца возлюбленнаго Монарха. Особенную мою признательность объявляю генералъ-адъютанту барону Врангелю и генералъ-лейтенанту графу Евдокимову". Въ дополненіе къ этому приказу, 22-го августа послѣдовалъ другой, въ которомъ былъ объявленъ отвѣтъ Государя Императора на донесеніе главнокомандующаго: „*скажи вновь отъ Меня кавказскимъ молодцамъ искреннее спасибо, и что они Мнѣ опять доказали, что для нихъ невозможнаго нѣтъ*".

Тѣмъ временемъ, войска подвигались все впередъ: 4-го августа 2-я и 4-я роты спустились съ частью отряда къ аулу Ботлихъ, на рѣкѣ андійскомъ Койсу; 6-го числа здѣсь же, но лишь немного выше вновь занятой позиціи, было заложено укрѣпленіе Преображенское.

10-го августа князь Барятинскій выѣхалъ изъ чеченскаго отряда къ Гунибу. До урочища Ашильты его сопровождали всѣ три роты стрѣлковаго баталіона. По возвращеніи оттуда въ лагерь, роты оставались въ немъ до дня, ознаменовавшагося окончательнымъ покореніемъ восточнаго Кавказа, т. е. до 25-го августа. 26-го августа была спущена въ штабъ-квартиру 1-я рота, а 4-го октября, по роспускѣ чеченскаго отряда, 2-я и 4-я роты.

Хотя во время лѣтней экспедиціи 1859-го года въ чеченскомъ отрядѣ и не было кровавыхъ дѣлъ, такъ какъ послѣ пораженій, понесенныхъ горцами зимою, они не могли, да и не хотѣли вступать съ нами въ битвы; тѣмъ не менѣе, въ виду блестящихъ результатовъ всей кампаніи вообще, а въ особенности въ виду того, что эта экспедиція была послѣднимъ случаемъ на восточномъ Кавказѣ, представлявшимъ возможность и, такъ сказать, законное основаніе для вознагражденія войскъ за боевыя отличія и понесенные труды, разрѣшено было представить къ наградамъ тѣхъ, которые оставались до тѣхъ поръ ненагражденными. Награды эти объявлены въ приказахъ по арміи въ 1860-мъ году. Тутъ, какъ и прежде, на долю стрѣлковаго баталіона выпали особыя милости ([15]).

ГЛАВА IV.

Выступленіе въ походъ на правое крыло и пребываніе въ лабинскомъ отрядѣ. Возвращеніе въ Чечню. Взятіе съ бол аула Беной. Фуражировка. Подвигъ унт. оф. Курскаго. Перестрѣлки. Усмиреніе ичкерійскаго возстанія. Потери баталіона. Награды.

Собравшись, съ 4-го октября, въ г. Владикавказѣ въ полномъ составѣ, баталіонъ въ первый разъ со времени сформированія воспользовался дѣйствительнымъ отдыхомъ на довольно продолжительное время. Послѣ трудовъ и тягостей войны—для всѣхъ казались ничѣмъ обыкновенныя служебныя занятія, которыя состояли въ обмундированіи и снаряженіи людей, въ исправленіи штабъ-квартиры, въ удовлетвореніи потребностей по ротному хозяйству и въ несеніи караульной службы. Уже достаточнымъ своего рода блаженствомъ было то, что люди жили въ домахъ всухѣ и втеплѣ; спали не на снѣгу или на голой землѣ, а на нарахъ; ѣли вдосталь, а не впроголодь, и ѣли не сухари—а хлѣбъ; увидѣли русскія и, кромѣ того, женскія лица. Отъ всего этого мы такъ отвыкли, что не будь кратковременныхъ посѣщеній штабъ-квартиры, о которыхъ сказано выше, то, пожалуй, мы потеряли бы и всякое понятіе объ обыкновенныхъ удобствахъ казарменной и притомъ городской жизни. Пользуясь благами, въ которыхъ другіе блага и не подозрѣваютъ, баталіонъ простоялъ во Владикавказѣ до января мѣсяца 1860-го года, когда предписаніе командующаго войсками (*) напомнило, что время стрѣлкамъ готовиться къ новымъ боевымъ подвигамъ. Западный Кавказъ тогда былъ усмиренъ только вполовину; и потому, предстояло покончить и съ нимъ: 20-ть баталіоновъ съ восточнаго Кавказа отъ разныхъ полковъ, въ томъ числѣ и 20-й стрѣлковый баталіонъ, должны были усилить собою войска праваго крыла, гдѣ дѣйствовала до сихъ поръ одна 19-я пѣхотная дивизія.

16-го февраля баталіонъ выступилъ въ походъ, направивъ свой путь чрезъ г. Пятигорскъ, по правому берегу Кубани, на Прочный-Окопъ въ ст. Лабинскую—въ 50-ти верстахъ отъ лѣваго берега

(*) 21 января № 23.

Кубани. Въ день выступленія, погода, бывшая до того совершенно лѣтнею, измѣнилась, начались вьюги и бури, въ особенности по Кубани, гдѣ морозы доходили до 20°; образовались снѣговые заносы. Вѣтры были такъ сильны, что опрокидывали казенные полуфурки съ тяжестями. Несмотря однако на все это, баталіонъ совершилъ походъ вполнѣ благополучно, не оставивъ на протяженіи почти четырехсотъ верстъ ни одного больного. 17-го марта роты стали по квартирамъ въ двухъ станицахъ: двѣ роты въ ст. Лабинской, а другія двѣ въ 14-ти верстахъ, въ ст. Родниковской.

Едва только вскрылись окончательно снѣга и рѣки, и представилась возможность предпринять наступательныя дѣйствія, графъ Евдокимовъ, на котораго возложено было умиротвореніе западнаго Кавказа, открылъ движеніе за Лабу и Бѣлую. 20-му стрѣлковому баталіону выпало на долю вступить въ составъ лабинскаго отряда, находившагося подъ командою генералъ-маіора Преображенскаго. 26-го апрѣля роты двинулись. На этотъ разъ лабинскій отрядъ долженъ былъ занять урочище Хамкеты и построить тамъ укрѣпленіе. 28-го апрѣля онъ прибылъ на это урочище и расположился на немъ лагеремъ.

Во время стоянки на Хамкеты, вплоть до 14-го августа, вся служба баталіона состояла по преимуществу въ охраненіяхъ и прикрытіяхъ на рубкѣ лѣса, на пастьбѣ табуна, въ сопровожденіи еженедѣльныхъ оказій въ ст. Лабинскую и т. п. Она ничѣмъ особеннымъ не отличалась отъ обыкновенной домашней службы и составляла собою какъ бы продолженіе отдыха, которымъ баталіонъ пользовался въ станицахъ. Въ ст. Лабинскую баталіонъ не ходилъ, а бѣгалъ, совершая переходъ около сорока верстъ отъ 7-ми часовъ утра до четырехъ и не далѣе, какъ до пяти часовъ вечера. Наконецъ, за такое излишнее усердіе, доказывавшее развитіе шага, весьма вредно отозвавшееся на казачьихъ транспортныхъ быкахъ, баталіонъ получилъ выговоръ. Съ этой минуты онъ укоротилъ свой шагъ и нѣсколько умѣрилъ свое усердіе.

11-го августа, около десяти часовъ утра, курьеръ привезъ предписаніе о высылкѣ 20-го стрѣлковаго баталіона на лѣвое крыло, по случаю возмущенія въ Ичкеріи и во всей нагорной Чечнѣ. Прика-

зано было выступить того же числа (*). Въ это время двѣ роты были въ прикрытіи табуна; въ 12-ть часовъ ихъ потребовали. Пока онѣ явились, весь лагерь баталіона былъ собранъ, и другія двѣ роты ожидали ихъ на бивакѣ. Въ два часа пополудни баталіонъ выступилъ въ ст. Лабинскую и оттуда, чрезъ ст. Отрадную, рѣку Зелепчукъ, р. Кубань, чрезъ Пятигорскъ, Моздокъ, Магометъ-Юртъ прибылъ въ Слѣпцовскую, минувъ свою штабъ-квартиру. Въ Слѣпцовской, отдохнувъ съ недѣлю, баталіонъ выступилъ чрезъ Грозную на Ведень и прибылъ въ Ичкерію 16-го сентября. Здѣсь онъ вошелъ въ составъ отряда подъ командою полковника Головачева. Отрядъ былъ расположенъ близъ извѣстнаго еще съ 1845-го года аула Белгатоя. Такимъ образомъ, баталіонъ совершилъ походъ отъ Лабинской (около 600 верстъ) съ недѣльнымъ отдыхомъ въ теченіи одного мѣсяца.

Главными зачинщиками ичкеринскаго возстанія были беноевцы, которые и въ 1859-мъ году отказались принести намъ покорность, вслѣдствіе чего были объявлены командующимъ войсками внѣ покровительства нашихъ законовъ. Къ нимъ направилась, 27-го сентября, особая колонна, подъ командою подполковника князя Святополкъ-Мирскаго, состоявшая изъ 20-го стрѣлковаго баталіона, 3-й роты куринскаго полка и взвода горной артилеріи.

Спустившись отъ Белгатоя къ рѣкѣ Аксаю, баталіонъ переправился чрезъ нее взводами. Солдаты, держась другъ за друга, составили цѣпь, чтобы преодолѣть чрезвычайно быстрое теченіе воды, доходившей до пояса. Подъ прикрытіемъ густаго тумана, колонна начала подниматься на противуположный хребетъ по узкой крутой тропѣ, въ одного человѣка, среди непроходимой чащи орѣшника. Свернуть въ сторону было немыслимо и на полшага. Только полнѣйшая тайна и неожиданность движенія дали баталіону возможность, подъ покровомъ ночи, пройти эту тропу, перегороженную въ двухъ мѣстахъ завалами, хотя и незначительными. Еслибы по этой тропѣ, тянувшейся на три версты среди непроглядной чащи, взбираться среди боя съ непріятелемъ, то непремѣнно пришлось бы

(*) Предпис. начальн. окр.

потерпѣть полную неудачу и понести потери въ родѣ тѣхъ, какія оставались въ памяти бенойцевъ отъ 1845-го года.

Но тайна, тишина движенія и кстати подоспѣвшій сентябрьскій горный туманъ дали возможность свершить этотъ путь счастливо и безъ выстрѣла. Часовъ въ семь утра колонна вышла на покатую поляну, уступомъ спускавшуюся отъ Беноя. Здѣсь она остановилась въ ожиданіи другой колонны, правой, которая должна была явиться на просѣкѣ. Въ это время горцы замѣтили наше наступленіе, и занявъ опушку лѣвой стороны поляны, затѣяли безвредную перестрѣлку.

Прождавъ часа полтора, пока показалась голова правой колонны, баталіонъ двинулся впередъ. 3-я рота куринскаго полка заняла правую цѣпь въ перелѣскахъ кустарника, которымъ была покрыта поляна; 2-я рота стрѣлковаго баталіона (подъ командою шт. капитана Ольшевскаго)—лѣвою цѣпью заняла опушку лѣса, мимо котораго пролегала дорога въ Беной; въ авангардѣ наступной колонны назначено было слѣдовать 4-й ротѣ баталіона подъ командою капитана графа Орлова-Давыдова 2-го; центръ колонны составили 1-я и 3-я роты баталіона. Замѣтивъ наше построеніе и предугадывая атаку, горцы притихли, засуетились и куда-то скрылись. 4-я рота отдѣлилась и двинулась впередъ въ ротной колоннѣ. Ротный командиръ, полгода тому назадъ бывшій кавалергардомъ, ѣхалъ спокойно впереди, не обезпечивъ себя цѣпью, хотя бы изъ нѣсколькихъ паръ. Вдругъ, шагахъ въ двадцати отъ него раздался залпъ, и нѣсколько человѣкъ свалилось. Графъ Орловъ въ недоумѣніи остановилъ лошадь; за нимъ остановилась и рота. Минута была критическая... Еслибы горцы успѣли вновь зарядить винтовки и сдѣлать второй выстрѣлъ, то могли бы уничтожить полроты. Князь Святополкъ-Мирскій и н. д. младшаго штабъ-офицера капитанъ Кубатіевъ ринулись въ карьеръ къ ротѣ, а за ними и вся колонна бѣгомъ. Мигомъ нагнала она 4-ю роту и всей массой бросилась на уступъ, изъ за котораго сдѣлана была встрѣча. Горцы загикали и выхватили шашки, показавъ намѣреніе отстаивать себя холоднымъ оружіемъ. Но когда баталіонъ вынесся на уступъ, то тамъ уже не было ни одного человѣка.

Въ разстояніи одной версты, на горѣ, на второмъ уступѣ

видпѣлся самый аулъ и на немъ другія толпы. Баталіонъ побѣжалъ къ цѣли мимо самой опушки, не обращая вниманія на отдѣльные выстрѣлы въ упоръ, которые оттуда вырывали изъ рядовъ жертву за жертвою. Чрезъ десять минутъ, задыхаясь отъ усталости, баталіонъ уже стоялъ у самаго аула, подъ крутою террасою. Послѣдовалъ новый залпъ, отъ котораго свалился командиръ 3-й роты графъ Орловъ-Давыдовъ 1-й. Въ отвѣтъ ему, баталіонъ, съ крикомъ „ура!“ ворвался въ аулъ. Горцевъ снова уже не было, и только изрѣдка раздавались съ разныхъ сторонъ опять-таки отдѣльные выстрѣлы. Но теперь они были болѣе или менѣе безопасны и безвредны, потому что баталіонъ, занявъ аулъ, получилъ возможность спокойно отвѣчать на каждую непріятельскую пулю и держать горцевъ въ приличномъ отдаленіи.

Такимъ образомъ, взятіе Беноя принадлежитъ одному 20-му стрѣлковому баталіону, такъ какъ правая колонна пришла спустя часъ. Штурмъ аула стрѣлковому баталіону обошелся сравнительно дешево: убито нижнихъ чиновъ двое; ранены—оберъ-офицеръ одинъ, нижнихъ чиновъ одиннадцать (16).

Верстахъ въ пяти, ниже Беноя, видна была даргинская поляна, на которой въ 1845-мъ году стоялъ отрядъ съ главнокомандующимъ княземъ Воронцовымъ, потерявшій тогда, въ такъ называемой сухарной экспедиціи, до трехъ тысячъ человѣкъ. Наши противники, конечно, это помнили. Занявъ только-что пройденную нами мѣстность, они не давали намъ минуты покоя, стрѣляя по колоннѣ изъ различныхъ овраговъ и трущобъ.

По прибытіи всего отряда, начали готовиться къ фуражировкѣ. Предполагалось убрать ближайшія къ аулу копны сѣна, находившіяся на той дорогѣ, которую мы только-что прошли, въ разстояніи не болѣе одной версты отъ занятой позиціи. Отправились. Въ прикрытіе назначенъ былъ стрѣлковый баталіонъ.

При начальникѣ отряда полковникѣ Головачевѣ находилось человѣкъ десять почетныхъ жителей аула Белгатоя, которые сопровождали его во все время движенія къ Беною. По взятіи нами этого аула, они принесли ему поздравленіе, пожелали всякихъ успѣховъ и на будущее время и отправились будто-бы восвояси по

дорогѣ, которою только-что мы овладѣли съ боя. Отъѣхавъ отъ насъ на дальній ружейный выстрѣлъ, они свернули къ опушкѣ и вступили въ переговоры съ скрывавшимися тамъ бепойцами; затѣмъ, нимало не стѣсняясь нашимъ присутствіемъ, стали принимать ихъ къ себѣ за сѣдла. При такомъ вѣроломствѣ нашихъ мнимыхъ пріятелей и вѣрноподданныхъ, нѣкоторые нижніе чины открыли по нимъ бѣглый огонь; но тѣ уже успѣли разсыпаться по полянѣ и ссадить бепойцевъ за копны. Копны быстро запылали. Видя, что вмѣсто желанной добычи можетъ оказаться одинъ только пепелъ, баталіонъ бросился внизъ, оцѣпилъ поляну и, опрокидывая копны, началъ тушить огонь. Со всѣхъ сторонъ, въ разстояніи 200—300 шаговъ отъ лагеря, по фуражирамъ раздались выстрѣлы. Для установленія связи между ними и лагеремъ, отъ котораго они такимъ образомъ являлись какъ-бы оторванными, и для болѣе свободнаго прохода запоздавшихъ вьюковъ, выслана была, въ видѣ резерва, вправо, къ опушкѣ, рота ряжскаго полка, которая расположилась въ лощинѣ подъ холмомъ, и чрезъ ея головы пули летѣли въ колонну фуражировъ. Чтобы разрѣшить это неудобное положеніе, единственно свободные 15-ть человѣкъ стрѣлковъ, составлявшіе резервъ авангарда, посланы были занять безпокойный холмъ. Стрѣлками командовалъ старый кавалеръ, унтеръ-офицеръ Петръ Курскій. Подойдя къ холму и увидѣвъ, что ряжцы его не заняли, Курскій перегляпулся съ своими стрѣлками, самъ крикнулъ „ура!“ и во главѣ своихъ 15-ти человѣкъ бросился на гребень. Раздалось нѣсколько торопливыхъ выстрѣловъ, но стрѣлки были уже наверху.

Фуражировка стоила намъ шести ранепыхъ стрѣлковъ. Но за то, сѣно было спасено и свезено въ отрядъ, обезпечивъ его фуражемъ дня на четыре.

Съ слѣдующаго же дня былъ предпринятъ рядъ дѣйствій, имѣвшихъ цѣлью лишить бепойцевъ всевозможныхъ средствъ къ существованію и сдѣлать этотъ уголъ доступнымъ для насъ во всякое время. Рѣшено было уничтожить всю еще неснятую кукурузу, сжечь всѣ разбросанные въ лѣсахъ хутора и прорубить просѣку по Беной-Корту и Энгели-Корту до Хасавъ-Юрта.

Работы въ этомъ родѣ время отъ времени перемежались фу-

ражировками. Со стороны Энгели-Корта пролагалъ просѣку къ намъ навстрѣчу отрядъ генералъ-маіора Кемпферта. При производствѣ всѣхъ этихъ операцій стрѣлки постоянно исполняли роль охранителей. Партизанская война, которую мы вели на этотъ разъ съ непріятелемъ, хотя и не угрожала, за малочисленностью бенойцевъ, никакими катастрофами, но рѣдкій день обходился для насъ безъ жертвъ. Требуя неусыпнаго вниманія и бдительности въ цѣпи, она, вслѣдствіе такого постояннаго напряженія силъ, изнуряла всѣхъ донельзя. Лучшимъ доказательствомъ упорства бенойцевъ служатъ наши потери, которыя до окончательнаго усмиренія бепоевскаго общества и взятія въ плѣнъ его представителя Байсепгура, выразились въ одномъ только стрѣлковомъ баталіонѣ въ слѣдующихъ цифрахъ: 28-го сентября ранены двое, 29-го двое; октября 2-го двое, 6-го одинъ, 14-го двое, 18-го пятеро, 20-го одинъ, 23-го убитъ одинъ; 24-го, при штурмѣ устроеннаго горцами завала, смертельно раненъ прапорщикъ Николай Черницкій, убитъ одинъ и ранено четыре стрѣлка; 25-го октября убитъ одинъ, ранено двое; 28-го ранено четверо. Въ ноябрѣ, послѣ того, какъ лагерь передвинулся по Беной-Корту версты на три—для производства просѣки къ сел. Датыхъ, перестрѣлки продолжались точно такъ-же, и въ баталіонѣ была слѣдующая потеря: 11-го раненъ одинъ, 15-го три стрѣлка, 28-го на поискахъ хуторовъ Атабай ранено пять стрѣлковъ; въ декабрѣ, 2-го числа ранено три стрѣлка ([17]). Только 14-го января 1861-го года, по поимкѣ Байсенгура, отрядъ былъ распущенъ, и стрѣлковый баталіонъ возвратился въ свою штабъ-квартиру. Такимъ образомъ, баталіонъ былъ въ походѣ почти цѣлый годъ.

Какъ ни маловажна кажется съ виду ичкерпнская экспедиція, но въ общемъ итогѣ классическіе лѣса этой мѣстности обошлись баталіону дороже, чѣмъ экспедиціи предыдущихъ лѣтъ. За то же, и экспедиція эта увѣнчалась полнѣйшимъ успѣхомъ: ичкерпцы покорились безусловно и въ числѣ 1218 душъ разселены были на плоскости въ указанныхъ правительствомъ мѣстахъ. Въ приказѣ по Терской области 21-го февраля 1861-го года за № 10, помощникомъ командующаго войсками генералъ-маіоромъ Кемпфертомъ

выражена войскамъ благодарность за неутомимость, мужество и твердость, вслѣдствіе которыхъ достигнуты эти блистательные результаты.

Труды и мужество баталіона въ эту экспедицію, какъ и въ предыдущія, были достойно оцѣнены и награждены: командиръ баталіона кн. Святополкъ-Мирскій получилъ орденъ св. Станислава 2-й ст. съ мечами; 4-е оберъ-офицера получили слѣдующіе чины, двое—ордена св. Владиміра 4-й ст. съ мечами и бантомъ, пять юнкеровъ произведены въ прапорщики; двумъ нижнимъ чинамъ пожалованы знаки отличія военнаго ордена 3-й ст. съ бантомъ, семи—знаки отличія военнаго ордена 4-й степени[13].

ГЛАВА V.

Мирныя занятія. Смотръ г. л. Ольшевскаго. Пребываніе въ отрядахъ въ 1861-мъ, 1862-мъ и 1863-мъ годахъ. Учебныя занятія и успѣхи. Походъ противъ зикистовъ въ 1864-мъ г. Лагерныя занятія и результаты ихъ. Смотръ Великаго Князя Главнокомандующаго. Несчастный случай. Смотръ гр. Нирода.

Ичкеринская экспедиція закончила собою періодъ боевой кавказской службы баталіона. Хотя военныя дѣйствія на лѣвомъ крылѣ время отъ времени еще продолжались, но онѣ были направлены уже не противъ непріятеля, а противъ мятежниковъ и бунтовщиковъ, такъ что и самые сборы отрядовъ въ томъ или другомъ пунктѣ имѣли видъ и значеніе учебныхъ лагерей. Строевыя ученья, практическая стрѣльба, теорія стрѣлковаго искусства—вотъ были лагерныя занятія, о которыхъ при существованіи непокорнаго Кавказа имѣли весьма малое представленіе. Эти столь необходимыя для арміи познанія прививались въ баталіонѣ довольно медленно, въ теченіи почти трехъ лѣтъ. Медленность эта происходила не отъ неразвитости или неспособности нашего солдата, а отъ причинъ, истекавшихъ изъ всей предыдущей жизни и службы на Кавказѣ, неизбѣжно условливавшихъ за собою нетолько недостатокъ всякой

другой подготовки, кромѣ выносливости человѣка ко всѣмъ походнымъ бѣдамъ и нуждамъ, но даже нерѣдко и прямое нерасположеніе къ тѣмъ требованіямъ, которыя не согласовались съ этими заповѣдными привычками и наклонностями. Солдатъ свыкся вполнѣ съ прежнею жизнью, она ему нравилась, во многомъ онъ гордился ею, вслѣдствіе чего, несмотря на всѣ ея невзгоды, отдавался ей всею душою и любилъ ее искренно,—а тутъ вдругъ приходилось все это забыть, оставить, преобразоваться, перевоспитаться. . . . .

Понятно, что кавказскій солдатъ не могъ сразу примириться съ своимъ новымъ положеніемъ. Не для него одного, но и для многихъ старослужилыхъ кавказскихъ офицеровъ всѣ требованія общеобразовательной строевой службы были стѣснительны послѣ той нравственной свободы, которая можетъ быть допускаема только на боевомъ полѣ. А между тѣмъ, неизбѣжно слѣдовало войти въ сознаніе необходимости этой новой службы и тѣхъ познаній, которыя всегда понадобятся на боевомъ полѣ, гдѣ прійдется дѣйствовать уже не баталіонамъ, а цѣлымъ дивизіямъ. Какъ ни медленно и туго кавказская армія воспринимала всѣ новыя начала, однако все-же достигла наилучшихъ результатовъ,—что доказали впослѣдствіи отчеты спеціальныхъ инспекторовъ и боевые подвиги тамъ, гдѣ уже не было мѣста малой войнѣ, и гдѣ двигались и сражались корпуса. Другою причиною замедленія, о которомъ сказано выше, было еще то, что баталіонъ, не взирая на закончившуюся войну, все-таки продолжалъ цѣлые три года вести бродячую жизнь, странствуя по отрядамъ, возникавшимъ въ разныхъ мѣстахъ края вслѣдствіе тревогъ во вновь покоренныхъ мѣстностяхъ или вслѣдствіе предупрежденія ихъ. Безъ сомнѣнія, это его отвлекало отъ учебныхъ занятій, а жизнь въ станицахъ, по квартирамъ, далеко не способствовала къ образованію его.

Чтобы дать нѣкоторое понятіе о той малой долѣ уставныхъ знаній баталіона (да и вообще кавказской того времени арміи), приведу слѣдующій случай: въ 1860-мъ году, во время стоянки въ хамкетскомъ отрядѣ, пріѣхалъ инспектировать баталіонъ дежурный генералъ главнаго штаба кавказской арміи генералъ-лейтенантъ Ольшевскій. Въ опредѣленный часъ онъ велѣлъ завѣдывавшему ба-

таліономъ вывести его на мѣсто. Баталіонъ вышелъ, чисто одѣтый въ походную форму, съ мѣшками (вмѣсто ранцевъ). Завѣдывавшій, не получивъ особаго приказанія о строѣ, въ которомъ баталіонъ долженъ былъ представляться, сталъ въ недоумѣніе—какой строй выбрать для этого. Собрались офицеры, подумали, порядили и рѣшили за наилучшее—построиться изъ середины въ полувзводную колонну... Пріѣхалъ генералъ Ольшевскій; отдали ему честь „на плечо“... Ружья были заряжены, съ капсюлями на стержняхъ. Поздоровался. Видитъ, что баталіонъ стоитъ въ строю неудобномъ для смотра; посмотрѣлъ и заключилъ, что, „пожалуй“, негдѣ построиться развернутымъ строемъ. Приказалъ капитану К. перестроить баталіонъ въ ротныя колонны на тѣсныхъ интервалахъ. Завѣдывавшій скомандовалъ что-то крайне-неопредѣленное. Но однако, такъ или иначе, а роты повернулись, розошлись и стали въ ротныя колонны въ одну линію. Затѣмъ, нужно было первому полубаталіону перестроиться изъ колонны слѣва въ колонну справа. Начали ротные командиры перестраивать. Строили, строили — и такъ, и этакъ; водили и туда, и сюда. Ольшевскій стоитъ, ожидаетъ, любуется... Наконецъ, говоритъ: „ну, довольно, господа! оставьте такъ, какъ есть“! Подходитъ къ ротамъ, начинаетъ разбирать; оказывается, что одна изъ ротъ стоитъ, имѣя въ головѣ своей 3-й полувзводъ; одна изъ ротъ 2-го полубаталіона, бывшая справа въ колоннѣ, забывъ о томъ, перестроилась почему-то въ колонну слѣва. Ольшевскій счелъ достаточнымъ сдѣланнаго опыта, для оцѣнки съ этой стороны баталіона, и не сказалъ по этому поводу ни одного слова. „Ну, говоритъ, стрѣлки, покажите-ка мнѣ патроны“! Открыли сумки... У кого патроны завернуты поодиночкѣ въ бумажку и разложены въ гнѣзда, у кого безъ бумажекъ, запыленные и замуслепные отъ подтаявшей обсалки. „Ну, стрѣлки, вотъ этого я уже не ожидалъ, чтобы патроны были у васъ грязные“! Но сколько ни смотрѣлъ—ни у одного не нашелъ патроновъ помятыхъ и подмоченныхъ, несмотря на то, что баталіонъ былъ уже болѣе 6-ти мѣсяцевъ въ экспедиціи, а что ни у одного солдата и офицера не было галстуха на шеѣ—на это даже и не посмотрѣлъ. Окончивъ такимъ путемъ осмотръ, отправился къ начальнику отряда генералу Преображенскому и спро-

силъ: доволенъ ли онъ службой баталіона? Въ отвѣтъ онъ получилъ самый похвальный отзывъ. Офицеры по окончаніи смотра собрались вмѣстѣ; говору и смѣху не было конца; смѣялись самымъ добродушнѣйшимъ образомъ; видно было, что ни одинъ не считалъ смотръ окончившимся неблагопріятно, не считалъ себя виновнымъ въ какой либо неудачѣ,— ни одинъ не краснѣлъ. Неужели-же это происходило отъ отсутствія чувства долга, нравственности? Нѣтъ... Этого ни въ какомъ случаѣ нельзя предположить, такъ какъ всѣ офицеры—люди во всемъ чрезвычайно щекотливые, самолюбивые. А просто отъ того, что они вовсе не считали недостатокъ этихъ знаній пробѣломъ столь важнымъ, за который бы слѣдовало краснѣть. Такими же глазами, какъ видно, взглянулъ и самъ инспектировавшій генералъ,—иначе онъ не отнесся бы къ этому такъ снисходительно.

Въ такомъ положеніи былъ баталіонъ, когда въ командованіе имъ, 13-го мая 1861-го года, вступилъ кабардинскаго генералъ-фельдмаршала князя Барятинскаго полка маіоръ Николай Карловичъ фонъ-Крузенштернъ. Новый командиръ былъ счастливѣе другихъ въ томъ отношеніи, что принялъ баталіонъ на мѣстѣ, въ штабъ-квартирѣ, три слишкомъ мѣсяца пробылъ съ нимъ во Владикавказѣ безвыходно, и только 25-го августа двѣ роты назначены были въ отрядъ, собранный у Аллероя, подъ командой полковника Іедлинскаго (*). Оттуда онѣ были спущены въ концѣ декабря и расквартированы въ станицахъ Камбилеевской и Сунженской.

Весь слѣдующій, 1862-й годъ, баталіонъ простоялъ во Владикавказѣ, неся караульную службу по четыре дня въ недѣлю.

Въ 1863-мъ году, 23-го января, 4-я рота, подъ командою капитана Ольшевскаго, выступила въ отрядъ (**), расположенный у аула Шалажи, подъ командой полковника Дешибекова; отрядъ этотъ былъ собранъ для производства дорожныхъ работъ въ шалажинскомъ ущельи. Туда же, 19-го апрѣля, направлены были еще 1-я и 2-я роты (***), которыя 26-го числа прибыли въ лагерь при аулѣ Шанъ-Шалажи-Юкъ.

(*) Предпис. помощ. ком. войск. № 2233.

(**) Предпис. ком. войск. № 89.

(***) Предпис. штаба войскъ лѣв. кр. № 29.

Во время пребыванія ротъ въ шалажинскомъ ущельи, подполковникъ фонъ-Крузенштернъ былъ назначенъ командиромъ кутаисскаго конно-иррегулярнаго полка, а вмѣсто него вступилъ въ командованіе баталіономъ, 10-го мая того же года, лейбъ-гвардіи семеновскаго полка полковникъ Иванъ Даниловичъ Ковалевъ.

Послѣ двухмѣсячнаго слишкомъ пребыванія въ отрядѣ, 1-я, 3-я и 4-я роты были отозваны 1-го іюля во Владикавказъ и черезъ три дня, именно, 4-го іюля, двѣ изъ нихъ—3-я и 4-я, подъ командою полковника Ковалева, вновь выступили въ ст. Ассинскую (*), а оттуда въ кр. Грозную, въ распоряженіе начальника средняго военнаго отдѣла, генералъ-маіора князя Тумапова, для занятія карауловъ. Оставшаяся въ шалажинскомъ отрядѣ 2-я рота переведена съ отрядомъ, 9-го августа, на позицію Буйламъ, а 22-го августа, вмѣстѣ съ 1-ю ротою, вошла въ составъ малочеченскаго отряда (**), расположеннаго на позиціи между рѣками Гехою и Рошнею, на урочищѣ Челхунъ-Кортъ, и оставалась тамъ до 27-го августа, когда обѣ были вытребованы обратно во Владикавказъ; 27-го ноября возвратились также 3-я и 4-я роты, такъ что баталіонъ вновь явился въ штабъ-квартирѣ въ полномъ своемъ составѣ.

Несмотря на эти постоянныя передвиженія ротъ, баталіонъ въ теченіи 1862-го и 1863-го гг. оказалъ кое-какіе успѣхи въ дѣлѣ строеваго образованія. Въ 1862-мъ году, подъ руководствомъ генералъ-маіора Есаулова и полковника Ковалева, произведены были въ баталіонѣ практическіе опыты стрѣльбы съ 200 до 1200 шаговъ, для опредѣленія высотъ прицѣла, несоотвѣтствовавшихъ разстояніямъ вслѣдствіе введенія пули съ чашечкою. Результаты этихъ опытовъ приняты въ руководство для всей кавказской арміи. Кромѣ того, изготовлены для всѣхъ кавказскихъ стрѣлковыхъ баталіоновъ приборы для нанесенія новыхъ дѣленій; ружья, до того времени никогда не пристрѣливаемыя, пристрѣляны. Началась, хотя изрѣдка, цѣльная стрѣльба и строевыя занятія. Нижніе чины выправились, привыкли къ формѣ и строю. Хотя нельзя сказать,

(*) Предп. ком. в. Терск. обл. 3-го іюля № 1374.

(**) Предп. нач. ср. в. отд. № 3158.

чтобы во всемъ этомъ успѣхи были значительные, но первые шаги къ прогресу были сдѣланы, и толчекъ данъ полковникомъ Кавалевымъ. Да и трудно было требовать въ такое короткое время какихъ нибудь блестящихъ результатовъ въ учебной жизни баталіона, который двѣ трети года находился частью въ отрядѣ, частью въ Грозной, гдѣ онъ несъ караульную службу четыре дня въ недѣлю, или на зимнихъ стоянкахъ въ станицахъ. Довольно было того, что на смотру Его Императорскаго Высочества, Главнокомандующаго армією (5-го ноября 1861-го года) 1-я и 2-я роты дали на стрѣльбѣ на 200 шаговъ среднимъ числомъ 53%, на 500 шаговъ 23% (*).

Мирныя занятія баталіона, который думалъ имъ отдаться на продолжительное время, были неожиданно нарушены новымъ возмущеніемъ въ Чечнѣ, гдѣ партія фанатиковъ секты „Зикри“ начала волновать противъ насъ все населеніе. Для усмиренія мятежниковъ и водворенія спокойствія въ краѣ, двинулся, 16-го января 1864-го года, изъ Владикавказа и стрѣлковый баталіонъ (**), который вступилъ въ распоряженіе начальника средняго военнаго отдѣла. Баталіонъ слѣдовалъ форсированнымъ маршемъ, но пришелъ уже на другой день послѣ нанесеннаго зикристамъ пораженія на шалинской полянѣ, почему и оставленъ въ Грозной вновь для караульной службы, которую исполнялъ три дня въ недѣлю, по 14-е мая. Съ этого числа онъ перешелъ въ учебный лагерь возлѣ укр. Воздвиженскаго. Лагерь этотъ былъ составленъ вслѣдствіе распоряженія Его Императорскаго Высочества (***) для войскъ: 20-й и 40-й пѣхотныхъ дивизій, сѣверскаго драгунскаго полка и казачьихъ сотенъ. Всѣ войска были раздѣлены на три части; каждая должна была пробыть въ лагерѣ не менѣе одного мѣсяца. Командованіе вступавшими поочередно въ лагерь войсками поручено было командиру стрѣлковаго баталіона полковнику Ковалеву,

---

(*) Указанный процентъ на 200 шаговъ, по тогдашней оцѣнкѣ для ружей образца стрѣлковъ Императорской фамиліи, означаетъ очень хорошіе результаты.

(**) Предп. шт. в. Терск. обл. № 113.

(***) Предп. ком. в. 11-го мая, № 1227.

подъ руководствомъ котораго должны были производиться учебныя занятія.

Это первый учебный лагерь въ Терской области, съ котораго началось образованіе всѣхъ войскъ, расположенныхъ въ ея раіонѣ.

Въ этотъ годъ встрѣчаются уже въ приказахъ по баталіону выработанныя полковникомъ Ковалевымъ инструкціи: для подготовки рекрутъ, для производства нижнихъ чиновъ въ унтеръ-офицеры, различныя наставленія относительно производства цѣльной стрѣльбы и т. п. Занятія производились уже повозможности систематически и имѣли въ виду извѣстныя цѣли. Производились также и ученья съ тактическою цѣлью, при соединеніи всѣхъ трехъ родовъ оружія. Къ концу лагеря баталіонъ усвоилъ себѣ воинскій уставъ вполнѣ, стрѣльба окончательно привилась и улучшилась при помощи теоретической подготовки; пріобрѣтена стройность движеній въ сомкнутомъ строѣ, при сохраненіи той бойкости, развязности, которыя были всегда присущи кавказскимъ войскамъ.

Чтобы получить должное понятіе объ успѣхахъ баталіона въ этомъ году, нужно обратить вниманіе на то, что только 7-го іюля слѣдующаго 1865-го года, при предписаніи штаба войскъ Терской области за № 1674-мъ, препровождены были баталіону *первые* пять экземпляровъ наставленія для обученія цѣльной стрѣльбѣ. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что 20-й стрѣлковый баталіонъ не считался отсталымъ въ средѣ другихъ войскъ нашей арміи.

20-го октября лагерь былъ распущенъ, и баталіонъ перешелъ въ Грозную, гдѣ простоялъ еще до 2-го ноября, а 10-го возвратился во Владикавказъ. Двѣ роты расположились въ казармахъ для несенія караула, а другія двѣ, по неимѣнію помѣщеній, отпущены на стоянку въ ст. Архонскую.

Положивъ прочное и хорошее начало дальнѣйшему строевому развитію баталіона, полковникъ Ковалевъ принялъ тенгинскій полкъ (*), а вмѣсто него командиромъ баталіона назначенъ состоявшій для особыхъ порученій при Главнокомандующемъ кавказскою арміею подполковникъ Михаилъ Ивановичъ Батьяновъ, вступившій въ командованіе 10-го іюня.

(*) Прик. по арм. 1865-го года № 44.

Опять, какъ и въ предыдущихъ годахъ, баталіонъ съ весны выступилъ въ кр. Грозную для занятія карауловъ; а затѣмъ, лѣтомъ перешелъ въ лагерь къ укр. Воздвиженскому. При окончаніи лагерныхъ занятій, Его Императорское Высочество Главнокомандующій кавказскою арміею посѣтилъ лагерь и осматривалъ войска,—причемъ, остался весьма доволенъ, какъ строевымъ образованіемъ баталіона, такъ и стрѣльбой его. Стрѣльба производилась по минутамъ, на 200 шаговъ въ мишень № 1-го; лучшая рота выбила въ двѣ минуты 1,63 попавшихъ пуль на человѣка, а на 500 шаговъ, въ мишень № 2-го—1,42 попавшихъ пуль.

Зимнюю стоянку баталіонъ частью провелъ въ городѣ, частью по квартирамъ въ станицахъ, мѣняясь по двѣ роты.

Въ слѣдующемъ 1866-мъ году учебный лагерь, по распоряженію командующаго войсками Терской области, былъ учрежденъ при г. Владикавказѣ, и опять подъ командою полковника Ковалева. Въ составъ лагеря вошелъ и стрѣлковый баталіонъ.

Учебныя занятія, получивъ уже разъ должное направленіе, производились съ крайнимъ усердіемъ, которое, между прочимъ, отозвалось на одномъ чрезвычайномъ и печальномъ происшествіи: въ ночь съ 24-го на 25-е іюня, во 2-й ротѣ баталіона раздался выстрѣлъ. Офицеры бросились къ мѣсту выстрѣла. Начали спрашивать дневальныхъ. Осмотръ палатокъ 2-й роты, прострѣленный уголъ одной изъ нихъ и ружье привели къ указанію убитаго наповалъ отдѣленнаго унтеръ-офицера, георгіевскаго кавалера, Александра Тимофѣева. Пуля попала ему въ грудь и прямо въ сердце. Выстрѣлъ произведенъ былъ снаружи чрезъ палатку, и, какъ видно, чрезвычайно вѣрно расчитанъ, потому что въ палаткѣ помѣщалось 15-ть человѣкъ, и тотъ, кто стрѣлялъ, долженъ былъ точно знать мѣсто и положеніе спавшаго унтеръ-офицера. По слѣдствію, которое производилось съ чрезвычайною тщательностью и съ полнымъ желаніемъ обнаружить виновнаго, ничего не выяснено. Ружье было унесено изъ пирамиды 4-й роты. Тимофѣевъ былъ изъ учебнаго баталіона, ловкій фронтовой унтеръ-офицеръ, предававшійся службѣ до увлеченія, усердный и

чрезвычайно строгій въ исполненіи своихъ обязанностей, требовавшій того же и отъ своихъ подчиненныхъ. Общій голосъ офицеровъ былъ тотъ, что Тимофѣевъ сдѣлался жертвою мести одного изъ своихъ подчиненныхъ, за строгость требованій. До перемѣны всего состава нижнихъ чиновъ роты офицеры слѣдили, не обнаружится ли какимъ либо образомъ слѣдъ преступника; но онъ такъ и остался тайною.

По окончаніи лагерныхъ занятій, 9-го октября, баталіонъ расквартированъ былъ на зимнія квартиры: двѣ роты въ казармахъ, а двѣ въ ст. Сунженской. Въ теченіи зимы роты должны были смѣняться.

1867-й годъ прошелъ въ тѣхъ же обычныхъ занятіяхъ. Въ сентябрѣ, во время лагерныхъ занятій, инспектировалъ баталіонъ помощникъ инспектора стрѣлковыхъ баталіоновъ графъ Нирод. Въ ордерѣ, имъ оставленномъ, стрѣльба найдена неудовлетворительною; но такіе результаты отнесены къ дурному оружію, которое вообще было признано по своимъ качествамъ нетолько ниже шести-линейныхъ винтовокъ, но и ниже пѣхотныхъ нарѣзныхъ семи-линейныхъ ружей. Стрѣлковое образованіе, гимнастика, фехтованіе, фронтъ найдены въ очень хорошемъ состояніи; грамотность, которая введена была только два года назадъ, дала 71%. Смотръ графа Нирода былъ первымъ многосторонним смотромъ, произведеннымъ стрѣлковому баталіону по всѣмъ отраслямъ военнаго образованія; онъ былъ первымъ образчикомъ того критическаго разбора всѣхъ годичныхъ занятій баталіона, которымъ онъ въ будущемъ долженъ былъ ежегодно подвергаться, и въ ожиданіи котораго ротнымъ командирамъ по необходимости приходилось въ теченіи цѣлаго года отдаваться неусыпно служебнымъ занятіямъ и быть среди нихъ строго послѣдовательными. Все это было новостью для кавказскаго войска, хотя, впрочемъ, стрѣлковый баталіонъ вышелъ съ честью изъ всѣхъ этихъ трудностей.

ГЛАВА VI.

Тревога въ лагерѣ и послѣдствія ея. Высочайшая награда за службу 1859-го и 1860-го гг. Введеніе новыхъ маневровъ. Перевооруженіе берданками. Смотръ Великаго Князя Главнокомандующаго. Формированіе стрѣлковой бригады и назначеніе инспекторомъ г. л. кн. Шаховскаго. Высочайшій смотръ. Очеркъ періода послѣдующихъ лѣтъ до 1876-го года.

Приказомъ по кавказской арміи отъ 23-го декабря 1867-го года за № 170, командиромъ 20-го стрѣлковаго баталіона назначенъ 14-го грузинскаго гренадерскаго полка маіоръ Евгеній Вильгельмовичъ Бардель-фонъ-Барделіусъ, который и вступилъ въ командованіе баталіономъ 23-го января 1868-го года (19).

Въ этомъ году снова былъ собранъ учебный лагерь близь гор. Владикавказа. Въ составъ его вошли: 77-й тенгинскій полкъ, стрѣлковый баталіонъ и одна батарея. Занятія должны были производиться подъ руководствомъ командира тенгинскаго полка полковника Ковалева.

Тутъ, между прочимъ, случилось одно обстоятельство, которое ясно указало на неблагопріятную встрѣчу двухъ порядковъ—стараго, хотя отжившаго, но далеко еще не угасшаго, и новаго, съ которымъ не успѣли еще окончательно свыкнуться прежнія боевыя кавказскія войска.

11-го августа, часа въ четыре пополудни, во время сильнаго зноя, все населеніе лагеря лежало въ палаткахъ болѣе чѣмъ полураздѣтое. Къ линейкѣ стрѣлковаго баталіона подъѣхалъ начальникъ лагеря полковникъ Ковалевъ и приказалъ дежурному горнисту трубить тревогу. Моментально весь лагерь встрепенулся на призывные, напоминавшіе славное боевое время, звуки тревоги. Не успѣлъ начальникъ лагеря проѣхать до слѣдующаго баталіона, какъ уже стрѣлки строились въ колонну къ атакѣ. Возвратясь сейчасъ назадъ и поздоровавшись съ баталіономъ, полковникъ Ковалевъ спросилъ старшаго офицера и велѣлъ вести баталіонъ на находившуюся впереди позицію, которую указалъ ему. Пока баталіонъ выдвинулся въ первую линію и развернулся въ ротныя колонны, весь остальной лагерь уже выстроился въ боевой порядокъ и съ

артилеріею двигался вслѣдъ за первою линіею. Начались маневры—живые, энергическіе. Солдаты исполняли все, что слѣдовало, съ особеннымъ одушевленіемъ. Въ заключеніе прошли церемоніальнымъ маршемъ поротно въ колоннахъ. Все было хорошо, и начальникъ лагеря разблагодарилъ всѣхъ, а стрѣлковъ въ особенности. Подозвавъ затѣмъ старшаго офицера, онъ велѣлъ ему передать командиру баталіона особенную благодарность за быстроту, съ которой баталіонъ выбѣжалъ по тревогѣ, за прекрасно выполненный маневръ и за церемоніальный маршъ.

Между тѣмъ, нетолько стрѣлки, но и весь лагерь представился въ слѣдующемъ видѣ: ранцевъ на плечахъ не было; всѣ остались въ лагерѣ. Старшій изъ ротныхъ командировъ продефилировалъ церемоніальнымъ маршемъ въ пальто въ рукава, безъ вицмундира и въ фуражкѣ; слѣдующій—въ какой-то бараньей шапкѣ и, вмѣсто сапогъ, въ кабардинскихъ зимнихъ чевякахъ; всѣ безъ исключенія офицеры въ азіятскихъ шашкахъ; всѣ нижніе чины въ исподнихъ или черныхъ нанковыхъ брюкахъ; знамя осталось въ лагерѣ вмѣстѣ съ командиромъ баталіона, который не успѣлъ выйдти.

Едва только возвратились въ палатки, командиръ баталіона потребовалъ къ себѣ всѣхъ ротныхъ командировъ и сдѣлалъ выговоръ—старшему изъ нихъ за то, что увелъ баталіонъ, не подождавъ командира и знамени, а остальнымъ за то, что люди вышли не въ формѣ; прочимъ же офицерамъ—за неформенныя сабли. Потомъ послѣдовало строжайшее приказаніе, чтобы неотступно, въ случаѣ тревоги, придерживаться правилъ, предписанныхъ уставомъ о лагерной службѣ.

Какъ ни чувствительны были всѣ эти неожиданныя посылки со стороны командира баталіона, но нельзя было съ ними не примириться, потому что, съ одной стороны, онѣ имѣли въ основаніи требованія справедливыя, а съ другой—указывали на новыя условія службы, клонившіяся къ той выработкѣ войска, которая въ прежней кавказской войнѣ стояла на второмъ планѣ, а на самомъ дѣлѣ должна была идти объ руку съ боевыми качествами каждаго воина. Нужно при этомъ замѣтить, что старшій офицеръ едва не

былъ арестованъ, и только спасъ его послѣдовавшій на слѣдующій день приказъ по лагерю, въ которомъ объявлена была стрѣлковому баталіону особенная благодарность.

Да, видимо настали времена иныя, а между тѣмъ и трудно было исчезнуть вкоренившимся правиламъ и обычаямъ, обусловливавшимъ собою тотъ славный духъ прежней боевой кавказской арміи, который не угасъ въ ней вполнѣ даже и до настоящей минуты.

Въ день баталіоннаго праздника, 5-го іюля, въ приказѣ по баталіону за № 142 было объявлено, что Его Императорское Величество, въ 19-й день февраля, въ ознаменованіе особеннаго Монаршаго благоволенія къ баталіону и въ награду за подвиги мужества и храбрости, оказанные имъ въ продолженіи кавказской войны, Всемилостивѣйше пожаловалъ ему знакъ на шапку съ надписью: «*За кавказскую войну*». Баталіонъ принялъ эту высокую милость, какъ лучшее вознагражденіе за труды и военныя заслуги 1859-го и 1860-го годовъ.

Чѣмъ болѣе скрывалось въ прошломъ это славное время, въ которое боевые подвиги баталіона дали случай Верховному Вождю вспомнить объ нихъ и вновь оцѣнить ихъ почти чрезъ десять лѣтъ, тѣмъ шире становилась новая дѣятельность его и тѣмъ настойчивѣе, усерднѣе и успѣшнѣе онъ шелъ къ удовлетворенію новыхъ требованій времени и къ выполненію указанной для всей арміи цѣли. Много способствовали тому и ежегодныя лагерныя занятія, и продолжительныя пребыванія его въ общемъ лагерномъ сборѣ. Такъ, въ 1869-мъ году баталіонъ провелъ въ полковомъ лагерѣ время съ 29-го апрѣля по 24-е октября. Занятія состояли въ стрѣлковомъ и фронтовомъ образованіи, а также въ систематическихъ упражненіяхъ и въ одиночныхъ и двустороннихъ маневрахъ ротъ и полубаталіоновъ. На эту отрасль военнаго образованія въ 1869-мъ году было обращено въ первый разъ то серьезное вниманіе, котораго она заслуживаетъ. Эта сторона дѣла для насъ была совершенною новостью; ею занимались только въ кавказской учебной ротѣ, и то не болѣе года или двухъ до того времени. Тѣмъ успѣхамъ, которые впослѣдствіи баталіонъ оказывалъ въ ис-

кусствѣ маневрированія, онъ обязанъ внимательной подготовкѣ именно этого года ротныхъ командировъ. Съемка и маневры привились сразу, не такъ какъ нѣкоторыя другія правила и требованія; занимались ими съ любовью и охотой, которыя впослѣдствіи выразились въ находчивости офицеровъ въ дѣлахъ только-что минувшей турецкой кампаніи.

Въ первыхъ числахъ октября баталіону былъ произведенъ смотръ состоящимъ при кавказской арміи генералъ-лейтенантомъ княземъ Шаховскимъ. Были изслѣдованы всѣ отрасли образованія съ тою тщательностью, образецъ которой баталіонъ увидѣлъ въ первый разъ въ 1867-мъ году. По повѣркѣ знаній баталіона найдено, что онъ сдѣлалъ значительные успѣхи во всемъ, за что и выражена ему княземъ Шаховскимъ благодарность. Правда, процентное содержаніе стрѣльбы, какъ видно изъ указаній въ ордерѣ, было еще невелико; но если неудачу въ этомъ случаѣ отнести опять-таки къ оружію, найденному въ свое время неудовлетворительнымъ, то ни усердіе, ни умѣнье стрѣлковъ отъ этого не подвергаются никакому нареканію. Стрѣлки сами уже видимо тяготились этимъ оружіемъ, потому что оно вторично, такъ сказать, подрывало ихъ достоинство.

Поэтому, понятно было всеобщее удовольствіе, когда въ апрѣлѣ 1870-го года капитаномъ Цезарскимъ доставлены были изъ Петербурга стрѣлковыя винтовки образца 1868-го года, извѣстныя подъ простымъ наименованіемъ берданокъ № 1-го. Со введеніемъ этого оружія совершился поворотъ въ искусствѣ стрѣльбы, и этимъ искусствомъ видимо начали отличаться въ арміи стрѣлковые баталіоны.

25-го апрѣля баталіонъ выступилъ въ лагерь у Владикавказа и съ усердіемъ началъ изощряться въ примѣненіи къ дѣлу новаго оружія. 28-го іюня онъ перешелъ въ общій учебный лагерь къ укр. Воздвиженскому, гдѣ собраны были для совокупныхъ ученій: вся 20-я дивизія, 20-я артилерійская бригада и переяславскій драгунскій полкъ—подъ командою начальника дивизіи генералъ-лейтенанта князя Тумапова. Въ августѣ мѣсяцѣ лагерь былъ удостоенъ посѣщенія Его Императорскаго Высоче-

ства Главнокомандующаго арміею, изволившаго сдѣлать смотръ войскамъ. Здѣсь Его Высочество все время лично слѣдилъ за стрѣльбою баталіона и 1-й роты его въ особенности (*). Рота стрѣляла на 1200 шаговъ на такой позиціи, гдѣ можно было стрѣлять сидя только съ одного пункта. На этотъ пунктъ люди садились поодиночкѣ—на что Его Высочество обратилъ особое вниманіе, провѣрилъ лично по этому поводу объясненіе ротнаго командира и лично изволилъ сдѣлать выстрѣлъ. По повѣркѣ, стрѣльба дала результаты отличные и до того неслыханные, именно—40% выше оцѣнки, которая до сихъ поръ служила начальною нормою, и этотъ процентъ введенъ впослѣдствіи въ оцѣнку. Приказавъ этой же ротѣ произвести стрѣльбу залпами, Его Высочество соблаговолилъ оставаться при ней. На 300 шаговъ получился 71%. За такіе прекрасные результаты, провѣренные лично Главнокомандующимъ, ротный командиръ удостоенъ былъ три раза благодарности Его Высочества. Успѣхи остальныхъ ротъ оказались также вполнѣ удовлетворительны, и баталіонъ, въ свою очередь, получилъ благодарность.

2-го сентября баталіонъ возвратился во Владикавказъ на зимнія квартиры въ казармахъ.

Приказомъ по стрѣлковымъ баталіонамъ отъ 19-го сентября за № 2-мъ было объявлено, что въ 31-й день августа Высочайше повелѣно изъ стрѣлковыхъ баталіоновъ сформировать отдѣльныя бригады, а по вѣдомости, приложенной къ приказу по военному вѣдомству за № 251-мъ, 20-й стрѣлковый баталіонъ переименованъ въ 3-й кавказскій стрѣлковый. Высочайшимъ приказомъ 14-го сентября, начальникомъ кавказской стрѣлковой бригады назначенъ генералъ-лейтенантъ князь Шаховской. Съ выдѣленіемъ баталіоновъ въ отдѣльныя бригады, они были изъяты совершенно изъ вѣдѣнія начальниковъ пѣхотныхъ дивизій и подчинены своему инспектору.

Въ 1871-мъ году, въ началѣ мая, баталіонъ вышелъ въ учебный лагерь близъ Владикавказа, гдѣ собрано было два полка 38-й пѣхотной дивизіи, два полка 20-й дивизіи, бригада драгунъ

(*) Командиръ роты капитанъ Цезарскій.

и два казачьихъ полка, подъ командою начальника 38-й пѣхотной дивизіи генералъ-маіора Тергукасова (*).

16-го сентября лагерь осчастливленъ былъ прибытіемъ Его Императорскаго Величества. Государь Императоръ изволилъ произвести смотръ войскамъ. Оставшись доволенъ баталіономъ, Его Величество соблаговолилъ выразить благодарность командиру, офицерамъ и нижнимъ чинамъ. При этомъ, Государю Императору угодно было выразить особенное благоволеніе къ стрѣлкамъ. Вызвавъ изъ строя 1-й роты баталіона трехъ ближайшихъ нижнихъ чиновъ и назначивъ ихъ въ гвардію, Его Величество изволилъ произнести: «*Я бы взялъ больше, но не хочу обижать ротнаго командира*». Затѣмъ, вызвавъ офицеровъ баталіона, поблагодарилъ ихъ за службу, и обратившись къ орденскимъ кавалерамъ, осчастливилъ ихъ слѣдующими словами: «*Прошу васъ передать молодымъ офицерамъ тотъ духъ чести, долга къ Престолу и отечеству и мужества, которымъ всегда отличалась любезная Моему сердцу кавказская армія*», и обратясь къ молодежи—«*а васъ, господа, прошу во всемъ слѣдовать примѣру стариковъ; Я надѣюсь, что духъ этотъ перейдетъ къ вамъ и отъ васъ въ поколѣніе*». Въ этихъ достопамятныхъ словахъ Монарха баталіонъ видѣлъ вновь ту глубину расположенія, которое Государь всегда и неоднократно выражалъ къ кавказской арміи.

На слѣдующій день, по отъѣздѣ Его Величества, баталіону былъ произведенъ смотръ прибывшимъ по Высочайшему повелѣнію свиты Его Величества генералъ-маіоромъ Вельяминовымъ. Изъ ордера имъ оставленнаго видно, что по стрѣлковому образованію, по грамотности, гимнастикѣ, фехтованью баталіонъ оказалъ отличные успѣхи, а въ стрѣльбѣ въ особенности; о чемъ счелъ инспектировавшій долгомъ доложить Его Великогерцогскому Высочеству инспектору стрѣлковъ.

Такимъ образомъ, всѣ указанные выше случаи приводятъ къ заключенію, что 20-й стрѣлковый (нынѣ 3-й) баталіонъ въ нѣ-

(*) Впослѣдствіи начальникъ эриванскаго отряда.

сколько лѣтъ мирныхъ занятій достигъ той степени военнаго образованія, которою должно отличаться войско новѣйшей арміи.

Затѣмъ, въ послѣдующіе годы: 1872, 1873, 1874 и 1875 порядокъ мирныхъ занятій шелъ уже торнымъ путемъ. Баталіонъ стоялъ постоянно на высотѣ своего стрѣлковаго назначенія, совершенствуясь въ маневрированіи въ полѣ и въ рѣшеніи тактическихъ задачъ, въ которыхъ, какъ видно изъ приказовъ по стрѣлковымъ баталіонамъ: 1873-го г. за № 2-мъ, 1875-го за № 3-мъ, 1876-го за № 4-мъ, и изъ письма помощника инспектора стрѣлковыхъ баталіоновъ 1874-го года за № 172, 3-й кавказскій стрѣлковый баталіонъ отличался постояннымъ искусствомъ, послѣдовательностью и богатствомъ рѣшаемыхъ гг. офицерами тактическихъ задачъ; за что была выражаема имъ въ помянутыхъ приказахъ ежегодная благодарность.

ГЛАВА VII.

Выступленіе баталіона въ 1876-мъ году на кавказско-турецкую границу. Личный составъ и снаряженіе. Состояніе хозяйственной части. Перемѣна маршрута. Мобилизація войскъ и сопряженныя съ нею заботы. Укомплектованіе баталіона призывными нижними чинами.

Въ 1876-мъ году, среди мирныхъ занятій баталіона, который готовился къ выступленію 15-го сентября въ учебный лагерь близъ укр. Воздвиженскаго, прошелъ слухъ о томъ, что въ штабѣ командующаго войсками Терской области получена депеша о немедленной высылкѣ переяславскаго драгунскаго полка на кавказско-турецкую границу. Полкъ этотъ былъ уже на пути изъ своей штабъ-квартиры въ тотъ же учебный лагерь. Такое неожиданное распоряженіе навело всѣхъ на мысль, что вслѣдъ за драгунами потребуютъ и стрѣлковый баталіонъ. Это одновременно и радовало, и безпокоило. Радовало потому, что стрѣлки давно скучали за военными дѣлами, воспоминаніе о которыхъ еще не угасло; безпо-

конло же оттого, что, какъ говорится, «на мѣстѣ и камень обростаетъ», и баталіонъ, простоявъ 18-ть лѣтъ въ г. Владикавказѣ, изъ нихъ 15-ть лѣтъ почти безъ движеній, долженъ былъ разстаться съ своими пенатами. Но раздумывать долго было некогда, потому что вслѣдъ за мыслью наступило тотчасъ и ея подтвержденіе. На другой же день, 9-го сентября, предписано было командующимъ войсками Терской области генералъ-адъютантомъ Свистуновымъ изготовиться баталіону къ выступленію на ту же границу, въ кр. Александрополь, и по присланному на 9-е число маршруту баталіону предназначено выступить 11-го числа.

У насъ серьезной подготовки къ походу не было, и мы это замѣчали по ходу всѣхъ распоряженій; такъ напримѣръ, одновременно съ запросами: имѣетъ-ли баталіонъ обозъ, въ какомъ именно количествѣ и качествѣ, и на чемъ предполагаетъ подняться въ случаѣ похода (*),—слѣдовало вдругъ распоряженіе о томъ, какихъ годовъ нижніе чины могутъ быть уволены во временный отпускъ; затѣмъ, предписано было изготовить на нихъ списки, на случай воспослѣдованія о томъ Высочайшаго повелѣнія; интендантство цѣлые два года ежетретно присылало запросы о количествѣ въ запасѣ готовыхъ вещей и, получая отвѣты, что таковыхъ въ запасѣ вовсе не имѣется, по неимѣнію достаточнаго количества мастеровыхъ, повторяло тѣ же запросы и въ 1876-мъ году. Въ заключеніе, оно даже запросило, по какой цѣнѣ можно заказать вещи вольнымъ мастеровымъ—и оставляло дѣло недокончennымъ. Оружія для вооруженія по военному составу также не имѣлось, и только 6-го сентября, т. е. за четыре дня до выступленія баталіона, получилось распоряженіе о высылкѣ пріемщика за оружіемъ въ георгіевскій артилерійскій складъ. Составъ лошадей былъ толь-

(*) Обозъ во всѣхъ частяхъ кавказской арміи былъ почти уничтоженъ. Стараго образца тросчный и страшно тяжелый, признанный непригоднымъ, вездѣ почти погнилъ. Новаго не строили, потому что уже лѣтъ 12-ть проэктировали новый образецъ, который окончательно выработанъ не былъ,—и въ ожиданіи этихъ образцовъ, части войскъ содержали только крайне нужный обозъ для своего обихода—произвольной конструкціи, часто простые возы въ родѣ чумацкихъ, только конные.

ко въ количествѣ 12-ти штукъ. Все это такія обстоятельства, которыя никакъ не позволяли быть увѣреннымъ въ скоромъ и далекомъ походѣ—со сборами въ два дня. Какъ-бы то ни было, но изъ этихъ затрудненій баталіонъ вышелъ благополучно, какъ увидимъ впослѣдствіи, и почти настолько исправнымъ, какъ-бы онъ былъ готовъ уже давно и только ждалъ приказанія двинуться на боевое поле.

Одиннадцатаго числа, въ восемь часовъ утра, баталіонъ, въ полной походной формѣ, со всѣмъ обозомъ, стоялъ уже возлѣ казармъ, готовый къ выступленію. Прибылъ командующій войсками и, приказавъ баталіону подойти къ нему, сказалъ:

„Я нѣсколько лѣтъ командую войсками Терской области и живу съ вами близко—сосѣдями. За все время я ничего не могу сказать о васъ, кромѣ прекраснаго, и ничего не видѣлъ у васъ, кромѣ всегдашняго порядка и благоустройства. Вы всегда были у меня первыми, первыми васъ и требуютъ на поле брани. Надѣюсь, что и тамъ вы окажетесь первыми“. Эти слова имѣли для насъ большое значеніе, такъ какъ мы всѣ знали, что генералъ Свиступовъ даромъ ихъ не потратитъ. Оттуда мы вступили на соборную площадь, гдѣ напутственное молебствіе пожелалъ совершить лично владикавказскій архіерей. На молебствіе прибылъ командующій войсками съ помощникомъ своимъ, собрались члены городской управы, банка, купцы, дамы,—словомъ, почти весь городъ. По совершеніи служенія и окропленія св. водою знамени и баталіона, архіерей сказалъ слово и благословилъ баталіонъ. Граждане предложили солдатамъ водку и закуску, а офицеровъ пригласили къ столу—здѣсь-же, на площади. Командующій войсками произнесъ рѣчь и предложилъ тостъ за баталіонъ; затѣмъ, говорилось много рѣчей и другими лицами. Въ одиннадцать часовъ баталіонъ тронулся въ путь. Онъ выступилъ въ слѣдующемъ составѣ: штабъ-офицеровъ 2, оберъ-офицеровъ 10 ([20]), унтеръ-офицеровъ 40, горнистовъ 14, рядовыхъ 380, нестроевыхъ 19, деньщиковъ 5, съ 12 казенно-подъемными и 16 артельными ротными лошадьми. Для подъема тяжестей баталіонъ имѣлъ: 12 фургоновъ произвольной конструкціи на желѣзныхъ осяхъ, 1 таковую же лазаретную фуру,

аптечную двуколку старинаго образца, но вполнѣ соотвѣтствующую своему назначенію, и 4 крестьянскихъ повозки на деревянныхъ осяхъ. Роты имѣли по фургону (образца закавказскихъ нѣмецкихъ колонистовъ). Патронныхъ ящиковъ вовсе не было, а боевой комплектъ патроновъ на 430 человѣкъ, въ своихъ ящикахъ герметической укупорки, уложенъ на четыре фургона, немного короче предыдущихъ, но крѣпче связанныхъ. Для запряжки ихъ, съ помощью веревокъ и различныхъ приспособленій, придѣланы были ярма, и даны двадцать три пары обывательскихъ быковъ. На этихъ же фургонахъ находился 8-ми дневный сухарный провіантъ, 68 солдатскихъ и 15-ть офицерскихъ палатокъ; рабочій инструментъ на 2-хъ оружейныхъ, 2-хъ плотниковъ и 2-хъ кузнецовъ, съ мѣхами, наковальнями и тисками; запасныя оружейныя части—даже полный переснарядительный инструментъ, на случай переснаряженія патроновъ; на 28-мь человѣкъ мягкихъ лазаретныхъ вещей; лазаретный наметъ; полное количество медикаментовъ съ бинтами, повязками и необходимою принадлежностью и, на всякій случай, 12-ть вьючныхъ сѣделъ съ приспособленными къ нимъ особыми шлеями для упряжки, съ 12-ю же вьючными патронными ящиками. Однимъ словомъ, ничто не было забыто и упущено изъ вида.

Остальные чины баталіона были раскомандированы слѣдующимъ образомъ: два капитана оставлены въ штабъ-квартирѣ—одинъ, какъ завѣдывающій хозяйствомъ, для приведенія оставленнаго имущества въ извѣстность и закончанія различныхъ начатыхъ работъ, а другой, кстати больной—для завѣдыванія штабъ-квартирой; одинъ офицеръ въ учебномъ пѣхотномъ баталіонѣ, одинъ въ учебной кавказской ротѣ и одинъ въ командировкѣ за пріемкою оружія по военному составу ([21]); 24 человѣка нижнихъ чиновъ, по 6-ти отъ каждой роты, по преимуществу мастеровые, оставлены въ штабъ-квартирѣ для закончанія начатыхъ и предстоящихъ работъ на случай мобилизаціи; а затѣмъ, часть изъ нихъ должна была остаться для охраненія штабъ-квартиры, а другая—въ свое время послѣдовать къ баталіону.

Нужно замѣтить, что баталіонъ былъ расквартированъ въ

штабъ-квартирѣ очень широко—въ четырехъ казармахъ. Во всѣхъ этихъ казармахъ передъ выступленіемъ ремонтировка была въ полномъ разгарѣ: печи, рамы, двери были до половины разобраны; одна изъ развалинъ стараго госпитальнаго флигеля приспособлялась подъ складъ заручнаго оружія, которое, по неимѣнію помѣщенія въ баталіонѣ, все было распредѣлено по ротнымъ цейхгаузамъ. По всѣмъ ротнымъ аммуничникамъ была брошена вторая и третья мундирная одежда, оружіе, аммуниція—безъ всякой сдачи и вѣдомостей; всѣ онѣ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, по счету на бумажкѣ, сданы были баталіонному каптенармусу. На ротныхъ дворахъ—всякаго рода ротное хозяйство, котораго, по заведенному искони обычаю, было полное обиліе, сообразно условіямъ жизни кавказскихъ войскъ; годичный запасъ ротнаго и баталіоннаго сухаго фуража въ сѣнникахъ и въ полѣ, а въ амбарѣ—зерна, и наконецъ—въ паркѣ боевой комплектъ патроновъ до военнаго состава.

Все это нужно было собрать, сосчитать, размѣстить, сберечь; работы докончить; иначе всѣ затраченныя на нихъ деньги не только пропали бы непроизводительно, но и пришлось бы еще доплатить инженерному вѣдомству и интендантскому изъ скуднаго баталіоннаго капитала. Затѣмъ, надо было приготовить запасную мундирную одежду, которой всего ко дню выхода баталіона было въ полуготовомъ видѣ слѣдующее количество: 200 мундировъ, 100 шинелей, 100 башлыковъ и 200 паръ сапоговъ, такъ какъ предположеніе интендантства о постройкѣ запаса посредствомъ найма дальше переписки съ баталіономъ не пошло, а требовалось всего по числу 558 человѣкъ. Вдобавокъ ко всему, къ 20-му числу сентября доставлены были изъ георгіевскаго склада 388 винтовокъ Бердана № 1-го, на которыхъ смазка до такой степени сгустилась, что, растворяя ее съ помощью керосина, едва можно было промыть въ день 15-ть ружей 4-мъ человѣкамъ мастеровыхъ; штыки вовсе не были къ нимъ пригнаны, и штыковыя трубки находили на стволы не болѣе какъ до половины. Инструмента, подходящаго для сверленія трубокъ, не было, и нужно было расшаропшвать ихъ наждакомъ чрезвычайно долго и медленно. Ружья эти нужно было еще и пристрѣлять. Все это вмѣстѣ взятое составило такую массу

работы важной, спѣшной и отвѣтственной, что могло заставить призадуматься и самаго опытнаго офицера, при нѣсколькихъ помощникахъ, съ полнымъ комплектомъ всякихъ мастеровыхъ. Позже, къ этому добавлены были и другія порученія, о которыхъ будетъ упомянуто въ свое время, еще болѣе усложнявшія службу оставленныхъ въ штабъ-квартирѣ чиновъ. Но чего не дѣлаетъ усердіе и желаніе оправдать довѣріе? Недаромъ говоритъ пословица: „усердіе горы ворочаетъ“! Все было сдѣлано и устроено вовремя съ самымъ тщательнымъ соблюденіемъ баталіоннаго интереса, безъ всякихъ субсидій отъ казны, съ добавленіемъ лишь еще 20-ти человѣкъ мастеровыхъ, присланныхъ изъ баталіона по ходатайству завѣдывающаго хозяйствомъ у начальника кавказской стрѣлковой бригады, изъ которыхъ 8-мь человѣкъ были вскорѣ обратно командированы съ ремонтными лошадьми.

Вотъ наглядная картина хозяйственнаго состоянія баталіона во время и послѣ выступленія его въ походъ. Впослѣдствіи баталіонъ оказался одною изъ самыхъ благоустроенныхъ частей въ теченіи всей кампаніи по всей матеріальной части.

20-го сентября, въ селеніи Мцхетъ, баталіонъ получилъ новый маршрутъ, по которому долженъ былъ слѣдовать, вмѣсто Александрополя, въ гор. Эривань. Онъ выступилъ туда 7-го октября и въ 27-мь дней совершилъ походъ въ 448 верстъ. Изъ донесенія командира баталіона начальнику кавказской стрѣлковой бригады отъ того же числа за № 1436 видно, что баталіонъ за все время оставилъ на пути одного только больного въ гудомакарскомъ военномъ госпиталѣ, на основаніи чего можно сдѣлать несомнѣнный выводъ о томъ цвѣтущемъ санитарномъ состояніи, въ которомъ онъ находился во время пути.

Въ Эриванѣ баталіонъ сталъ лагеремъ съ западной стороны города, въ углу между р. Зангою и каналомъ. По приказанію Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго, выраженному въ предписаніи начальника кавказской стрѣлковой бригады отъ 5-го октября за № 1899, баталіонъ вступилъ во временное подчиненіе командира 2-й бригады 41-й пѣхотной дивизіи, генералъ-маіора Денибекова.

Вслѣдствіе предписанія начальника бригады отъ 22-го октября № 2121, изъ численнаго состава баталіона выдѣлены: одинъ поручикъ, одинъ капенармусъ, два унтеръ-офицера, пять ефрейторовъ и одинъ деньщикъ въ кадры запаснаго стрѣлковаго баталіона, и откомандированъ, для командованія онымъ, прикомандированный къ баталіону подполковникъ Ленцъ.

2-го ноября объявлено было Высочайшее повелѣніе о мобилизаціи войскъ, а 8-го ноября, по предписанію штаба войскъ эриванскаго отряда за № 80-мъ, баталіонъ, за наступившими холодами, перешелъ въ армянское селеніе Вагаршапатъ, при эчміадзинскомъ монастырѣ.

Но еще до мобилизаціи сдѣлано было распоряженіе по кавказской арміи о покупкѣ подъемныхъ лошадей до военнаго состава, вслѣдствіе котораго, стрѣлковому баталіону предназначено было купить въ раіонѣ владикавказскаго округа 49-ть лошадей—по цѣнѣ за каждую по 100 рублей, съ приводомъ лошадей, въ счетъ этой же суммы, до мѣста расположенія баталіона. Срокъ на доставленіе лошадей къ мѣсту назначенъ былъ къ 15-му ноября, а также разрѣшено насчетъ экономическаго капитала докупить недостающіе 5-ть фургоновъ на желѣзныхъ осяхъ. Но въ тоже время другимъ ремонтерамъ различныхъ частей предстояло въ томъ же владикавказскомъ округѣ закупить 6-ть тысячъ лошадей. Откомандировать за покупкою и приводомъ лошадей офицера, изъ числа состоявшихъ налицо при баталіонѣ 9-ти человѣкъ — к мандиръ баталіона не нашелъ удобнымъ; къ тому же, увѣдомленіе объ ассигнованіи денегъ было получено поздно, почему 15-го октября и рученіе это телеграммою возложено на оставшагося при штабъ-квартирѣ капитана Цезарскаго съ находившимися при немъ нижними чинами, изъ которыхъ нужно было выдѣлить потребное число для ухода за лошадьми, выѣздки ихъ и отправленія въ Эривань; притомъ, велѣно было заказать и дополнить количество сбруи на все число лошадей.

Такимъ образомъ, къ изложенной выше картинѣ дѣятельности въ штабъ-квартирѣ прибавлялись новыя серьезныя заботы, выполненіе которыхъ не могло быть легко, при массѣ одновременно заявлен-

ныхъ требованій всѣми войсками; такъ напримѣръ: для покупки или заказа 30-ти паръ хомутовъ съ принадлежностью—на срокъ 29-го октября, понадобилась поѣздка и разбивка заказа на два города—Георгіевскъ и Пятигорскъ. Купить лошадей, годныхъ въ упряжь, во Владикавказѣ ни въ какое время не представляется возможнымъ, а въ то время и въ особенности. Поэтому, капитанъ Цезарскій выѣхалъ въ селенія Ставропольской губерніи для покупки у крестьянъ лошадей, выѣзженныхъ и болѣе пригодныхъ къ немедленной и тяжелой работѣ. Эта предусмотрительность, какъ оказалось впослѣдствіи, принесла хорошіе результаты. Къ 25-му числу лошади въ полномъ числѣ были уже во Владикавказѣ, а 1-го ноября, во всей сбруѣ, съ 5-ю фургонами на желѣзныхъ осяхъ, при восьми нижнихъ чинахъ, были на пути къ баталіону. 7-го числа, въ гор. Тифлисѣ, по приказанію Его Императорскаго Высочества, ремонтъ былъ представленъ Главнокомандующему и найденъ соотвѣтствующимъ своему назначенію и въ прекрасномъ состояніи; за это Его Высочествомъ была выражена Цезарскому благодарность. 14-го ноября лошади были сданы въ баталіонъ.

Тѣмъ временемъ, въ штабъ-квартирѣ началось обмундированіе, снаряженіе и вооруженіе 563 человѣкъ призывныхъ нижнихъ чиновъ, подлежавшихъ на укомплектованіе баталіона. Для успѣшнаго хода обмундированія, еще въ послѣднихъ числахъ октября, съ разрѣшенія начальника бригады, были отправлены изъ баталіона въ штабъ-квартиру 20 человѣкъ нижнихъ чиновъ портныхъ и сапожниковъ.

Въ составъ призывныхъ назначено было 300 человѣкъ Алатырскаго и Корсунскаго уѣздовъ и 263 человѣка изъ разныхъ мѣстъ Терской области. Они начали прибывать частями, съ 7-го числа ноября и по 14-е декабря. Въ числѣ этихъ 563 человѣкъ было: 16 фельдфебелей, 64 унтеръ-офицера и 60 человѣкъ разныхъ нестроевыхъ и деньщиковъ; послѣдніе никогда не держали оружія въ рукахъ, а изъ остальныхъ не было ни одного изъ стрѣлковыхъ баталіоновъ, умѣвшаго обращаться съ винтовками Бердана. Къ 14-му числу декабря партія была совершенно обмундирована, снаряжена, вооружена и, снабженная боевымъ комплектомъ патро-

новъ, выступила 15-го числа, въ видѣ маршеваго баталіона, къ мѣсту расположенія 3-го стрѣлковаго баталіона.

26-го декабря, въ Тифлисѣ, Его Императорское Высочество изволилъ осмотрѣть эту партію на гунибской площади и найти все снаряженіе въ удовлетворительномъ видѣ.

9-го января партія прибыла благополучно въ Вагаршапатъ и сдана въ баталіонъ.

ГЛАВА VIII.

Движеніе въ Кульпы. Занятія. Выступленіе въ Игдырь. Объявленіе войны. Восхожденіе на чингильскій перевалъ. Занятіе Баязета. Движеніе къ Сурпъ-Оганесу. Рекогносцировки и поиски. Неудовлетворительное состояніе интендантской части отряда и возникшія отсюда особыя распоряженія. Наступленіе. Перестрѣлки. Ночь передъ битвой. Составъ нашего отряда.

Противъ устья рѣки Арпачая наша граница въ описываемое время вдавалась въ турецкую территорію клиномъ и отдѣлялась отъ Турціи агрыдагскимъ хребтомъ, съ его горными озерами Абасъ-гель и Балыхъ-гель. По обоимъ скатамъ хребта кочуютъ и имѣютъ свои зимовники курды—съ сѣверной стороны русскіе, а съ южной—турецкіе поддашные. Они снуютъ съ одной стороны на другую безъ всякихъ видовъ и разрѣшеній. По хребту, между этими зимовниками, разбросаны на извѣстныхъ промежуткахъ отъ 15-ти до 20-ти верстъ кордонные казачьи посты, силой отъ 15-ти до 25-ти человѣкъ, неимѣющіе никакихъ резервовъ на случай прорыва партій хищниковъ, къ которымъ смѣло можно причислить всѣхъ курдовъ поголовно. Въ виду этого, по распоряженію начальника эриванскаго отряда, генералъ-лейтенанта Тергукасова, стрѣлковый баталіонъ, съ четырехфунтовой № 4-го батареей 19-й артилерійской бригады, выступилъ 21-го января изъ Вагаршапата въ сел. Кульпы, находящееся въ самой серединѣ вдавшагося угла нашей границы, на правой сторонѣ р. Аракса, въ восьми верстахъ

отъ устья Арпачая. Вступивъ туда 24-го числа и составивъ, такимъ образомъ, требуемый резервъ, баталіонъ расположился по квартирамъ.

Командиру баталіона подполковнику фонъ Барделіусу было поручено наблюденіе за раіономъ границы отъ Парпаута до Балыхъгеля; но какъ близкое присутствіе регулярной арміи и пушекъ тотчасъ произвело на курдовъ моральное вліяніе, то баталіонъ простоялъ въ Кульпахъ всю зиму спокойно. Особенной охранительной службы нести не приходилось, и баталіонъ выставлялъ всего два пикета.

Зима собственно въ Кульпахъ не бываетъ сурова, поэтому баталіонъ постарался воспользоваться ею для обученія своихъ призывныхъ строю, обращенію съ оружіемъ и стрѣльбѣ, для чего получилъ разрѣшеніе издержать изъ боеваго комплекта 20-ть тысячъ патроновъ. Къ апрѣлю мѣсяцу баталіонъ уже былъ сплоченъ и дисциплированъ.

20-го марта, стоявшая въ Кульпахъ № 4-го батарея была отозвана.

Подполковникъ Барделіусъ, ознакомившись съ разными пограничными татарскими землевладѣльцами—ханами, получалъ очень обстоятельныя свѣдѣнія о количествѣ и мѣстѣ стоянки турецкихъ войскъ, о которыхъ сообщалъ въ отрядный штабъ. Свѣдѣнія были постоянно успокоительныя,—что войны не будетъ, и что турки ее не ожидаютъ. Между тѣмъ, со стороны отряднаго штаба съ половины марта начали предупреждать о соблюденіи всевозможныхъ мѣръ бдительности и предосторожности.

1-го апрѣля предписано было безотлагательно отправить на баталіонномъ обозѣ въ эриванскій складъ всѣ лишнія тяжести, которыя не могутъ быть взяты въ походъ; а затѣмъ, приказано было выступить въ Игдырь и слѣдовать туда двумя переходами—сперва къ 10-му, потомъ къ 9-му числу (*).

8-го числа баталіонъ сталъ лагеремъ въ трехъ верстахъ отъ Игдыря, при аулѣ Султанъ-Абадъ, гдѣ къ этому времени началъ

(*) Предп. шт. в. эриван. отр. №№ 1543, 1605 и 1673.

сосредоточиваться весь эриванскій отрядъ. Съ этого дня стало несомнѣннымъ, что война будетъ.

12-го апрѣля, послѣ полудня, прибылъ въ Игдыръ начальникъ отряда и привезъ извѣстіе объ объявленіи войны. Радость была общая, какъ будто состоялся великій праздникъ. Въ баталіонѣ и въ отрядѣ всѣ заранѣе были убѣждены, что побѣда останется за нами.

14-го числа, въ пять часовъ пополудни, баталіонъ, съ 4-й батареей 19-й артилерійской бригады, которая опять явилась сюда въ составѣ отряда, выступилъ на Орговскій постъ, расположенный верстахъ въ 15-ти отъ Игдыря—на скатѣ чингильскаго перевала. Тамъ уже былъ ставропольскій полкъ, разработывавшій дорогу. Перевалъ этотъ на пограничномъ агрыдагскомъ хребтѣ находится по сосѣдству съ подошвой большаго Арарата—на высотѣ 8-ми или 9-ти тысячъ футовъ. Настоящей колесной дороги чрезъ перевалъ не было, но при нѣкоторой разработкѣ его и усиленной запряжкѣ являлась возможность подняться туда съ помощью людей. Ночью, часамъ къ 10-ти, баталіонъ съ обозомъ благополучно добрался до поста, гдѣ сталъ на ночлегъ бивакомъ.

15-го числа, послѣ общаго молебствія во всѣхъ войскахъ отряда о дарованіи побѣды нашему оружію, баталіонъ двинулся уже въ авангардѣ на самый чингильскій перевалъ и, перейдя турецкую границу, сталъ на перевалѣ у озера Джингалы-гель, гдѣ вмѣстѣ съ кавалеріей имѣлъ ночлегъ и дневку, въ ожиданіи пока стянется весь отрядъ. Здѣсь мы увидѣли поле сраженія, на которомъ въ кампанію 1853—56-го годовъ турки были разбиты такимъ-же крошечнымъ, какъ и нашъ, эриванскимъ отрядомъ. Личное наблюденіе насъ убѣдило, что позиція турокъ была выгодная, а между тѣмъ они не съумѣли на ней удержаться (22).

Въ теченіи всего слѣдующаго дня наши войска стягивались на Чингиль.

17-го, съ разсвѣтомъ, началось выступленіе отряда въ предѣлы турецкой территоріи. Стрѣлковый баталіонъ, находясь въ головѣ авангарднаго отряда, подъ командою генералъ-маіора князя Амилахвари, началъ спускаться на ту сторону перевала, разработывая по пути дорогу, отваливая и убирая съ нея камни. На

ночлегъ баталіонъ расположился у зимовника Карабулахъ, выставивъ отъ себя аванпосты, вслѣдствіе особыхъ условій мѣстности, всего шагахъ въ трехстахъ. 18-го числа на разсвѣтѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что нѣсколько сотенъ кавалеріи, выступившей ночью, подъ командою полковника Филиппова, подошли къ Баязету, и съ приближеніемъ ихъ два турецкихъ табора, стоявшіе тамъ, бѣжали. Снявшись съ позиціи, баталіонъ тотчасъ поспѣшилъ къ Баязету, и часамъ къ 10-ти сталъ бивакомъ съ сѣверозападной стороны города, верстахъ въ двухъ отъ него, въ долинѣ. Самый городъ расположенъ на скатѣ хребта, на высотѣ тысячи слишкомъ футовъ надъ долиною. Подходя къ городу, баталіонъ былъ встрѣченъ армянами и ихъ духовенствомъ, вышедшимъ съ крестомъ и евангеліемъ, и съ ликующими лицами. Мы, наоборотъ, были невеселы, потому что, ожидая встрѣтить турокъ и пожать лавры первой побѣды, обманулись въ своихъ ожиданіяхъ. Одна изъ рогъ вошла въ городъ и, занявъ цитадель, водрузила на башнѣ наше знамя, при крикахъ „ура“ солдатъ и турецкихъ армянъ.

25-го числа, 3-я и 4-я роты баталіона, въ составѣ авангарднаго отряда, подъ командою генералъ-маіора князя Амилахвари, выступили на рѣку Курду-гулъ, а 26-го въ сел. Діадинъ, прикрывая въ оба дня разработку дороги къ Курду-гулу и чрезъ діадинскій перевалъ.

1-я и 2-я роты баталіона, третій баталіонъ крымскаго полка, 4-я батарея 19-й артилерійской бригады, двѣ сотни сунженскаго казачьяго полка, составившіе арріергардъ, подъ командою подполковника фонъ-Барделіуса, двинулись отъ Баязета, 26-го числа, въ 9-ть часовъ утра, къ сел. Діадину и ночевали на Курду-гулѣ. Въ томъ же порядкѣ и въ тѣхъ же колоннахъ, 27-го числа, роты перешли—авангардныя къ монастырю Сурпъ-Оганесу, а арріергардъ къ Діадину. 28-го арріергардъ присоединился къ отряду. Не доходя верстъ пять до Сурпъ-Оганеса, переправилась чрезъ Ефратъ изъ армянской деревни Кара-Базаръ депутація съ духовенствомъ, встрѣтившая колонну пѣніемъ. На хоругви по бѣлому фону отчетливо выдѣлялась надпись красными печатными буквами: „благословенъ Богъ. Благословенъ грядый во имя Господне“.

Ставъ въ Сурпъ-Оганесѣ, какъ въ стратегическомъ пунктѣ, въ которомъ сходилась эрзерумская дорога съ одной изъ горныхъ дорогъ въ долину Мушъ, отрядъ началъ предпринимать небольшими колоннами смѣшаннаго рода оружія ежедневные поиски по направленію обѣихъ дорогъ съ цѣлью: изслѣдованія мѣстности, открытія непріятеля и добыванія фуража и топлива. Армяне, опасаясь послѣдующаго наказанія со стороны турокъ, сами ничего не доставляли, и нужно было ходить по деревнямъ и искать продажи необходимыхъ продуктовъ.

30-го апрѣля баталіонъ ходилъ съ кавалеріей, подъ командой князя Амилахвари, на рекогносцировку верстъ за 30-ть, къ Кара-Килиса; 1-го мая—на фуражировку за р. Ефратъ; 2-го, по тревогѣ, за р. Ефратъ, гдѣ на фуражировкѣ кавалеріею замѣченъ былъ на горахъ Аладага непріятельскій разъѣздъ; 3-го мая баталіонъ участвовалъ въ усиленной рекогносцировкѣ къ Кара-Килиса, за рѣку Ташлы-чай. Словомъ, баталіонъ, благодаря своей ходкости, участвовалъ во всѣхъ кавалерійскихъ поискахъ, которые были вполнѣ безкровные, потому что турокъ въ этой сторонѣ нигдѣ не оказывалось. Съ удаленіемъ эриванскаго отряда отъ Баязета, они стали сосредоточивать свои силы на ванской дорогѣ, пролегающей чрезъ вдавшійся уголъ Персіи, по ту сторону аладагскаго хребта. Объ этомъ мы получили свѣдѣнія отъ баязетскаго коменданта. Чтобы убѣдиться въ справедливости подобныхъ сообщеній, составлена была летучая колонна, подъ командою генералъ-маіора князя Амилахвари: изъ двухъ баталіоновъ пѣхоты (*), переяславскаго драгунскаго полка, четырехъ казачьихъ сотенъ, четырехфунтовой конной батареи кубанскаго казачьяго войска, дивизіона коппо-ракетной батареи и сотни конныхъ курдовъ.

Тяжести были оставлены при главномъ отрядѣ. Стрѣлковый баталіонъ имѣлъ при себѣ четыре патронные фургона, лазаретную фуру, аптеку съ перевязочными припасами, двѣ артельныя фуры и

(*) Въ томъ числѣ и стрѣлковаго баталіона, подъ командою маіора Цезарскаго,—такъ какъ подполковникъ фонъ-Барделіусъ вступилъ въ командованіе всею пѣхотою отряда.

Авт.

двѣ повозки для офицерскихъ вещей. Людямъ приказано было взять трехдневный запасъ провіанта, а для лошадей двухдневный запасъ фуража и восьмидневный—зерна на фургонахъ.

4-го мая колонна выступила—съ расчетомъ сдѣлать переходъ въ 54 версты до самаго Баязета; но на рѣкѣ Курду-гулъ встрѣтила казначейство и военно-временный № 16-го госпиталь, слѣдовавшіе изъ Баязета въ отрядъ; они должны были ночевать на рѣкѣ съ весьма незначительнымъ прикрытіемъ. Вслѣдствіе этого, стрѣлковый баталіонъ остался на Курду-гулѣ для ночлега и прикрытія ихъ, а 5-го числа поутру присоединился въ Баязетѣ къ колоннѣ, гдѣ 6-го числа вся колонна имѣла дневку.

Снабдивъ людей новымъ запасомъ сухарей на пять дней, баталіонъ, въ авангардѣ пѣхотной колонны, 7-го мая выступилъ на поиски. Обогнувъ выдающійся горный отрогъ Аладага, чрезъ зимовникъ Душамъ, деревни Кизиль-Дизе и Кемерджикъ, по транзитному вьючному турецко-персидскому пути, баталіонъ поднялся на скатъ Аладага, гдѣ, соединившись съ кавалеріей, шедшей по другой дорогѣ, имѣлъ ночлегъ на вдавшемся углу персидской территоріи. Изъ ближайшей деревни персіяне, за чрезмѣрно высокую плату, доставили намъ сѣно, ячмень и топливо и, конечно, въ виду такихъ неожиданныхъ выгодъ, нимало не претендовали за то, что мы врѣзались—случайно или по необходимости—въ ихъ границы; на обратномъ пути они даже принесли намъ поздравленіе съ благополучнымъ возвращеніемъ и занятіемъ Баязета, чрезъ одного изъ своихъ уѣздныхъ начальниковъ, который былъ принятъ княземъ Амилахвари съ подобающимъ вниманіемъ.

8-го числа, съ разсвѣтомъ, колонна, имѣя въ головѣ кавалерію, начала подниматься на хребетъ по тропѣ, безъ всякой предварительной разработки. Артилерія и патронныя фуры въ усиленной запряжкѣ, при помощи людей, были вытащены на высоту около одиннадцати тысячъ футовъ. На хребтѣ, верстахъ въ пяти отъ насъ, находился кратеръ Гюре (*), залившій потоками лавы верстъ на 25-ть въ обѣ стороны долины Курду-гула и Соукъ-су.

(*) 11,600 фут.

Мы слѣдовали по ложу этой каменной рѣки. На хребтѣ въ оврагахъ лежали еще массы снѣга. За полдень баталіонъ благополучно спустился въ долину, гдѣ и сталъ бивакомъ на рѣкѣ Соукъ-су, выставивъ на ночь аванпосты.

9-го числа, послѣ утренней кавалерійской рекогносцировки въ глубину долины и обнаруженія за однимъ изъ горныхъ отроговъ турецкихъ войскъ въ неизвѣстныхъ силахъ баталіонъ отступилъ обратно съ колонной на Аладагъ, избѣгая боя вслѣдствіе особеннаго распоряженія начальника эриванскаго отряда, и имѣлъ снова ночлегъ на персидской территоріи; 10-го спустился къ Курду-гулу, а 11-го съ колонной возвратился въ Сурпъ-Оганесъ. Этотъ восьмидневный поискъ хотя и окончился безъ существенно-полезныхъ результатовъ, но самъ по себѣ переходъ чрезъ перевалъ въ 10-ть слишкомъ тысячъ футовъ по горнымъ тропамъ, съ артилеріею и обозомъ, былъ хорошей практикой и послужилъ намъ указаніемъ, чего можно достигнуть при крайне необходимыхъ обстоятельствахъ. Походъ этотъ былъ утомительный и трудный: переходы дѣлались по 30-ти и болѣе верстъ, и, несмотря на это, баталіонъ имѣлъ только три человѣка больныхъ. Изъ нихъ два заболѣли лихорадкою и одинъ отъ солнечнаго удара.

Среди всѣхъ этихъ трудностей начавшейся войны, отрядъ далеко не былъ обезпеченъ желательнымъ образомъ со стороны интендантства, и это обстоятельство не могло не отзываться на немъ съ нѣкоторою невыгодою. Такъ, сухарнаго запаса не было; печи для печенія хлѣба, сушки сухарей въ г. Эриванѣ только начали строить со времени перехода отряда заграницу; подвижной транспортъ хотя и былъ сформированъ, но въ крайне ограниченномъ количествѣ изъ верблюдовъ, которые въ маѣ мѣсяцѣ начинаютъ уже плохо работать и съ этого времени, постепенно слабѣя, становятся вовсе негодными къ службѣ. Вслѣдствіе всего этого, отрядное интендантство съ трудомъ удовлетворяло текущія требованія на провіантъ, а фуражъ и зерно съ крайними затрудненіями добывали сами войска отъ курдовъ съ нашей границы, причемъ цѣны страшно возвысились. Все это заставило привлечь войска, какъ бы въ пособіе интендантству, къ исправленію въ Сурпъ-Оганесѣ мельницы

и постройкѣ печей, къ добыванію топлива въ краѣ совершенно безлѣсномъ, которое скупали у армянъ и свозили на казенно-подъемныхъ лошадяхъ верстъ за 50-ть, въ видѣ навозныхъ плитокъ, крайне неспорыхъ для топки. Такимъ образомъ, войска были въ постоянныхъ розыскахъ насущнаго пропитанія, и отрядъ, прикованный къ нашей границѣ, отвлекался отъ военныхъ операцій.

Усмотрѣвъ такія неудобства, генералъ Тергукасовъ поручилъ маіору Цезарскому изыскать способы къ сокращенію пути для слѣдованія транспортовъ не чрезъ Баязетъ, а чрезъ перевалы Агрыдага, каравансарайскій и таузкульскій, устранить причины замедленій въ поставкѣ продовольствія и вообще, принять мѣры къ скорѣйшему обезпеченію имъ отряда. За содѣйствіемъ въ этомъ случаѣ онъ обратился къ эриванскому губернатору и къ ближайшимъ пограничнымъ уѣзднымъ начальникамъ—эчміадзинскому и сурмалинскому. Маіору Цезарскому при этомъ дано было предписаніе, по предъявленіи котораго всѣ власти могли входить съ нимъ въ соглашеніе и обязывались исполнять его требованія и указанія, а изъ казначейства отпущено 6-ть тысячъ рублей, для вученія уѣзднымъ начальникамъ на наемъ транспортовъ, и 6-ть тысячъ кредита эриванскому губернатору. Въ конвой предоставлено было Цезарскому взять съ собою взводъ сунженскаго казачьяго полка; но онъ, избѣгая большаго конвоя, который бы могъ затруднить его въ пути, взялъ съ собою только 6-ть казаковъ на лучшихъ лошадяхъ и двухъ армянъ конной милиціи за переводчиковъ.

18-го мая, въ 12-ть часовъ пополудни, Цезарскій выѣхалъ. Онъ избралъ для изслѣдованія кратчайшую, по картѣ, тропу къ нашимъ границамъ мимо Діадина на рѣку Даракъ, чрезъ дараканій перевалъ, р. Балыхъ-чай и каравансарайскій перевалъ. Сдѣлавъ въ этотъ день болѣе пятидесяти верстъ, Цезарскій ночевалъ у каравансарайскаго разрушеннаго поста.

Въ теченіи 19-го, 20-го и 21-го чиселъ мая выполняемы были порученія начальника отряда въ Игдырѣ, Эчміадзинѣ и Эриванѣ. Въ этихъ трехъ пунктахъ напяты 1000 верблюдовъ и отправлены съ провіантомъ по кратчайшему, только-что пройденному, пути, а 450 арбъ направлены на Баязетъ. Въ тоже время, по

письменному требованію, сурмалинскій уѣздный начальникъ выслалъ на разработку дороги каравансарайскаго перевала нѣсколько сотъ мѣстныхъ татаръ; такъ что къ 22-му числу половина этого пути была уже доступна арбамъ. Всѣ дѣйствія Цезарскаго начальникомъ отряда были вполнѣ одобрены. Разработаннымъ же и сокращеннымъ на 50 верстъ путемъ отрядъ воспользовался впослѣдствіи, при отступленіи въ іюнѣ мѣсяцѣ, когда долженъ былъ уклониться отъ ожидавшихъ его съ двухъ сторонъ битвъ съ непріятелемъ. Сдѣлавъ въ послѣдніе два дня 150 верстъ на некормленныхъ лошадяхъ, Цезарскій нагналъ отрядъ уже въ Кара-Килиса. Главныя силы (*), подъ командою генералъ-маіора Броневскаго, выступили туда изъ Сурпъ-Оганеса наканунѣ и ночевали бивакомъ на рѣкѣ Ташлы-чай.

Съ этого пункта баталіонъ былъ переведенъ въ авангардную колонну подъ команду кн. Амилахвари (**), и 24-го имѣлъ съ прочими войсками дневку. Съ дневки часть обоза была возвращена въ Сурпъ-Оганесъ за оставленнымъ въ печахъ хлѣбомъ. Съ 25-го по 28-е баталіонъ занимался устройствомъ хлѣбныхъ печей и пополненіемъ восьмидневнаго сухарнаго запаса, а 28-го, въ составѣ правой колонны (***), подъ командою князя Амилахвари, перешелъ въ Алашкертъ, слѣдуя вдоль горнаго хребта и прикрывая съ этой стороны главную колонну, двигавшуюся по долинѣ съ обозомъ лѣвѣе верстахъ въ 10-ти, на деревню Чилканы, на р. Хопусъ.

29-го обѣ колонны соединились въ деревнѣ Зейдеканѣ, лежащей у подошвы ахарскаго горнаго узла или, вѣрнѣе сказать, горной толчеи, за которой стелется долина истоковъ Аракса.

(*) 3-й баталіонъ 74-го ставропольскаго полка, 3-й кавказскій стрѣлковый баталіонъ, 4-я и 5-я батареи 19-й артилерійской бригады, уманскій казачій полкъ и куртинскій конно-иррегулярный.

(**) Три роты крымскаго пѣхотнаго полка, 2-я рота кавказскаго сапернаго баталіона, 3-й стрѣлковый баталіонъ, 18-й переяславскій драгунскій полкъ, 2-й сунженскій казачій полкъ, закатальскій конно-иррегулярный № 1-го полкъ и ракетная батарея.

(***) 3-й стрѣлковый баталіонъ, 18-й переяславскій драгунскій полкъ, 2-й сунженскій казачій полкъ и конная батарея кубанскаго войска.

Всѣ эти передвиженія хотя и совершены были со всѣми воинскими предосторожностями, но совершенно мирно—при такихъ-же, какъ и прежде, встрѣчахъ духовенства и армянскаго населенія. По мѣрѣ нашего наступленія, какъ нужно предполагать, небольшія турецкія силы—баталіона въ два, уходили отъ насъ впередъ перехода на два—сначала изъ Кара-Килиса, а потомъ точно также изъ Зейдекана, и тѣмъ приводили въ отчаяніе войска, которыя думали, что, пожалуй, не представится случая столкнуться съ непріятелемъ въ теченіи всей кампаніи.

По второе число іюня баталіонъ простоялъ въ Зейдеканѣ на мѣстѣ. Отрядъ устроивалъ здѣсь временный госпиталь, склады провіанта, излишняго имущества и оружія, собравшагося въ частяхъ войскъ отъ убыли заболѣвшихъ людей. Въ это время и въ баталіонѣ набралось уже до 50-ти человѣкъ больныхъ лихорадкой и простудою. Причиною заболѣванія послужили рѣзкіе переходы отъ дневной жары къ ночному холоду, происходящему какъ отъ окружающихъ горъ, такъ и отъ значительной абсолютной высоты долины Ефрата.

Въ Зейдеканѣ стало извѣстно, что турки не дадутъ намъ свободно пройти чрезъ Дахаръ, и что на немъ мы будемъ имѣть столкновеніе.

2-го іюня баталіонъ, въ составѣ той-же авангардной колонны, втянулся верстъ на десять въ ущелье горъ и, оставивъ обозъ у развѣтвленія транзитной дороги между аулами Севикъ и Курдалю, поднялся по кратчайшему пути на одну изъ вершинъ отрога Дахара, гдѣ встрѣтилъ турецкіе аванпосты. Расположивъ, съ своей стороны, двѣ роты аванпостами для прикрытія стягивавшагося къ Курдалю отряда, мы выслали двѣ другія роты, подъ руководствомъ саперъ, для разработки дороги. Тутъ аванпосты наши имѣли первую незначительную перестрѣлку съ баши-бузуками. Къ ночи весь отрядъ сосредоточился въ ущельи, гдѣ ночевалъ бивакомъ.

3-го числа, съ разсвѣтомъ, въ авангардѣ, состоявшемъ изъ четырехфунтовой батареи кубанскаго казачьяго войска и всей кавалеріи, баталіонъ, поднявшись верстъ восемь на хребетъ, сталъ въ полдень на пушечный выстрѣлъ отъ турокъ. Послѣдніе занимали

позицію на узкой сѣдловинѣ, образуемой двумя горами, отдѣленной отъ насъ котловиною, пересѣченною двумя скрещивающимися оврагами, по которой пролегала прямая дорога—прямо къ центру ихъ позиціи. Выдвинувъ батарею на позицію, роту въ цѣпь по флангамъ, а кавалерійскіе пикеты по горамъ, авангардъ, прикрытый такимъ образомъ, сталъ въ сѣдловинѣ бивакомъ. Всѣ офицеры, поднявшись къ батареѣ съ бинoклями, съ величайшимъ интересомъ начали изучать турецкую позицію и разбирать выгоды и невыгоды, различныхъ къ ней подступовъ. Турки дали пушечный выстрѣлъ. Граната упала шагахъ въ 80-ти ниже батареи. Поинтересовавшись узнать калибръ орудія, артилеристы, по найденному дну гранаты величиною между нашею 4-хъ и 9-ти фунтовою, заключили, что это вѣроятно крупповская шестифунтовая. На второй выстрѣлъ, тоже неудавшійся, наша батарея, поднявъ прицѣлъ до крайняго предѣла, отвѣтила; но оказался громадный недолетъ. Этимъ взаимные опыты прекратились. Такъ какъ наша позиція была футовъ на 150-ть выше непріятельской, то рѣшили, что вѣроятно 9-ти фунтовая будетъ отсюда поражать удачнѣе.

Часамъ къ пяти пополудни весь отрядъ, оставивъ обозъ въ ущельи у Курдалю, вагенбургомъ, сосредоточился на позиціи въ резервномъ порядкѣ, прикрытый въ той-же котловинѣ: четырехфунтовыя пушки были замѣнены двумя батареями девятифунтоваго калибра. Выставивъ отъ всѣхъ частей аванпосты, отрядъ расположился бивакомъ на ночлегъ.

Спокойствіе войскъ наканунѣ сраженія было замѣчательное. Къ ночи уже всѣ успѣли хорошенько разсмотрѣть позицію противника: вся она была обрыта траншеями и имѣла на правомъ флангѣ пропасть, на лѣвомъ—скалу; подступы имѣла тѣсные, обстрѣливаемые перекрестнымъ огнемъ. И несмотря на сознаніе, что дѣло предстоитъ жаркое, врядъ-ли былъ кто-либо въ отрядѣ, сомнѣвавшійся въ нашей побѣдѣ; поэтому, закусивъ сухарями и завернувшись въ плащи, стрѣлки заснули за ружьями самымъ спокойнымъ сномъ. Слѣдуетъ ли приписать причину этого спокойствія невѣдѣнію необстрѣлянныхъ войскъ, или безграничному мужеству русскаго солдата, или, наконецъ, той жаждѣ боя, съ которою мы

столько времени гонялись за непріятелемъ—трудно объяснить. Вѣрнѣе всего, что подъ этимъ спокойствіемъ скрывалось твердое мужество, обыкновенно внушающее начальникамъ полное убѣжденіе въ неуклонномъ исполненіи всѣми подчиненными своего долга.

Составъ эриванскаго отряда въ эти минуты былъ слѣдующій: два баталіона ставропольскаго пѣхотнаго полка, четыре баталіона крымскаго пѣхотнаго полка, стрѣлковый баталіонъ (13), рота саперъ, тридцать два орудія 4-хъ и 9-ти фунтоваго калибра, ракетная батарея, четыре эскадрона переяславскаго драгунскаго полка, четыре сотни втораго сунженскаго казачьяго полка и по шести сотенъ втораго хоперскаго и перваго уманскаго казачьихъ полковъ. Всего: семь слишкомъ баталіоновъ пѣхоты, тридцать два орудія и двадцать эскадроновъ и сотенъ кавалеріи. У турокъ было 12-ть или 13-ть таборовъ пѣхоты, въ томъ числѣ болѣе половины низама, два гвардейскихъ стрѣлковыхъ баталіона, восемь орудій и полкъ или два кавалеріи.

У непріятеля было вдвое болѣе пѣхоты, чѣмъ у насъ; притомъ, онъ оборонялся и занималъ чрезвычайно крѣпкую и укрѣпленную позицію; наша же мѣстность была вовсе непригодна для дѣйствій кавалеріи, и еслибы не числительный перевѣсъ нашей артилеріи передъ турецкою, то невыгоды наши были бы чувствительны.

ГЛАВА IX.

Битва 4-го іюня на Драмъ-дагѣ. Турецкія гранаты. Фельдшеръ Абаевъ. Пораженіе непріятеля. Награды.

Четвертаго іюня, въ пять часовъ утра, генералы и командиры отдѣльныхъ частей собрались къ начальнику отряда за полученіемъ словесной диспозиціи. Два баталіона ставропольскаго полка (первый и третій) назначены были въ лѣвую колонну полковника фонъ-Шака; стрѣлковый баталіонъ и 4-й баталіонъ крымскаго полка—въ правую колонну подполковника фонъ-Барделіуса, остальные же ба-

таліоны должны были находиться пока подъ рукою у начальника отряда до выясненія обстоятельствъ дѣла.

Въ шесть часовъ и сорокъ пять минутъ стрѣлковый баталіонъ, снявъ шапки и произнеся про себя молитву, вышелъ изъ котловины, и первый началъ спускаться колонною по дорогѣ къ Эшакъ-Эльясу. Быстро выдвинувшись впередъ, онъ развернулся въ ротныя колонны въ двѣ линіи: 1-й взводъ 4-й роты высланъ былъ въ цѣпь; 2-й взводъ въ поддержку ей; 2-я и 3-я роты въ первую линію ротныхъ колоннъ, а 1-я рота, со знаменемъ, во вторую противъ интервала. Съ самаго начала движенія зашипѣли надъ баталіономъ и начали разрываться со всѣхъ сторонъ гранаты, но баталіонъ, маневрируя и прикрываясь возвышеніями, переходилъ отъ одного мертваго пространства къ другому, пока не занялъ позицію за однимъ изъ холмовъ по правую сторону дороги, совершенно прикрывъ свои сомкнутыя части и раскинувъ цѣпь за камнями на дальній ружейный выстрѣлъ (положеніе на пунк. А). За стрѣлковымъ баталіономъ послѣдовалъ 4-й баталіонъ крымскаго полка, а за нимъ 4-я батарея 19-й артилерійской бригады, которая, почти въѣхавъ въ нашу цѣпь, развернулась выше на небольшой полянѣ, надъ нашими головами. Сразу на нее и на стрѣлковъ посыпался перекрестный градъ гранатъ и пуль съ трехъ турецкихъ батарей и изъ ложементовъ, противъ центра которыхъ занята была нами позиція. Турки, какъ видно было, заблаговременно хорошо пристрѣлялись,—гранаты такъ и ложились на батарею и между ротъ, которыя они гадательно розыскивали за холмомъ. Наша батарея отвѣчала самымъ учащеннымъ огнемъ только центральной турецкой, которую чрезъ головы громили еще двѣ девятифунтовыя батареи съ вечерней позиціи... Вслѣдствіе заблаговременно отданнаго приказанія, мы почти не поддерживали ружейнаго огня, только цѣпь изрѣдка пристрѣливалась по траншеямъ и турецкимъ батареямъ.

Въ такомъ положеніи правая колонна, съ стрѣлковымъ баталіономъ, находилась на первой позиціи около часа, въ ожиданіи пока лѣвая колонна полковника фонъ-Шака выдвинулась и начала развертываться на одной съ нею высотѣ по лѣвую сторону дороги, за оврагомъ, съ интерваломъ между нами шаговъ въ семьсотъ.

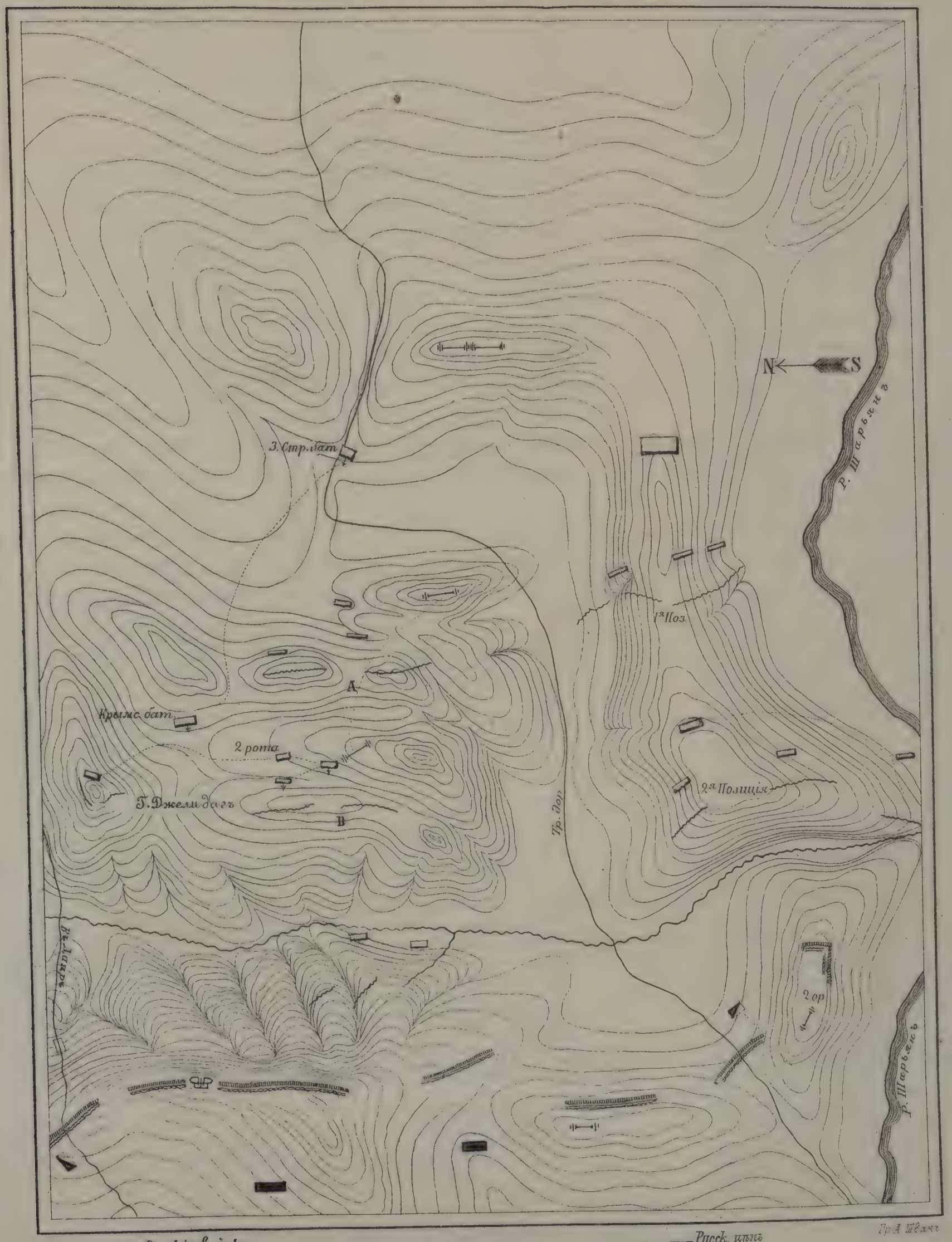
Часовъ около девяти, получивъ приказаніе наступать, баталіонъ двинулся развернутыми ротами съ разомкнутыми рядами поротно впередъ на позицію В, но прежде наступленія командующій баталіономъ маіоръ Цезарскій, видя, что по правую сторону скалистая гора Джели-дагъ никѣмъ не занята и угрожаетъ нетолько нашему флангу, но и тылу, испросилъ разрѣшеніе у начальника колонны послать туда одну роту—хотя бы даже съ рискомъ имѣть ее впослѣдствіи отрѣзанною. Распоряженіе это принесло самые благопріятные результаты: не успѣла вторая рота занять скалы, какъ увидѣла, что по даярской дорогѣ наступаютъ туда же два турецкіе табора. Встрѣченные бѣглымъ огнемъ засѣвшей за скалами Джели-дага второй роты, турки поняли, что опоздали и, не выдержавъ мѣткаго огня, повернули назадъ. Еслибы они предупредили насъ, то занятіе высотъ обошлось бы намъ очень дорого, и исходъ боя могъ имѣть совсѣмъ иной оборотъ. По отраженіи наступленія турокъ на Джели-дагъ, подоспѣли туда двѣ роты крымскаго полка.

Перейдя на вторую позицію, цѣпь была усилена остальнымъ взводомъ 4-й роты; 1-я рота изъ второй линіи выдвинута въ первую; роты снова залегли въ мертвомъ пространствѣ. Только одна цѣпь самымъ рѣдкимъ прицѣльнымъ огнемъ начала поражать турецкія центральныя траншеи.

Въ десять часовъ получено было приказаніе начальника пѣхоты генералъ-маіора Броневскаго—начинать наступленіе и атаковать центръ. Такъ какъ въ это время Джели-дагъ уже былъ занятъ крымцами, то второй ротѣ послано было приказаніе присоединиться къ баталіону и составить его правый флангъ. За долгое время пребыванія на второй позиціи, путь наступленія былъ, можно сказать, изученъ обоими начальниками—начальникомъ колонны и командующимъ баталіономъ; нужно было наступать въ самое средоточіе артилерійскаго и ружейнаго непріятельскаго огня, такъ какъ лѣвый флангъ турокъ былъ недоступенъ. Шагахъ въ трехстахъ отъ насъ, въ самой низшей точкѣ котловины, у подошвы Драмъ-дага, занятаго турками, находился оврагъ, по которому пробѣгалъ ручей отъ сел. Даяръ въ рѣку Шарьянъ; его-то и предположено было занять, и для уменьшенія потерь произвести занятіе

ПЛАНЪ

БОЯ ЭРИВАНСКАГО ОТРЯДА НА ДРАМДАГСКИХЪ ВЫСОТАХЪ 4го ІЮНЯ 1877 ГОДА



поротно. По данному приказанію, бѣгомъ пустилась къ нему цѣпь. Поиявъ маневръ, турки, оставивъ 5-ю батарею, направили весь артилерійскій огонь на поляну, по которой мы должны были проходить. Едва только 3-я рота выдвинулась изъ за кургана, тотчасъ влетѣло въ середину ея нѣсколько гранатъ, а изъ тысячъ ружей, открывшихъ бѣглый огонь, полился настоящій свинцовый дождь. Но рота, съ разомкнутыми рядами, ускореннымъ шагомъ, двигалась съ замѣчательнымъ спокойствіемъ, и оставивъ на пути своемъ жертвы, быстро скрылась въ оврагѣ. Спустя нѣсколько минутъ, повторила тотъ же маневръ, подъ личнымъ руководствомъ подполковника фонъ-Барделіуса, и 1-я рота со знаменемъ, осыпанная также гранатами и пулями. Командующій баталіономъ, двинувшись съ холма съ послѣднею ротою и спустивъ ее въ оврагъ, остановился съ адъютантомъ, жалонеромъ и горнистомъ и, осматривая поляну, достаточно усѣянную павшими стрѣлками, соображалъ свою потерю. Вдругъ, сильный залпъ прекратилъ его наблюденія; лошади подъ обоими офицерами свалились, сраженныя каждая нѣсколькими пулями.

Во время этого наступленія замѣчено одно важное явленіе, имѣвшее впослѣдствіи значительное нравственное вліяніе на солдатъ. Это—безвредность турецкаго артилерійскаго огня. Насчитывали до 30-ти гранатъ, которыя влетѣли въ самую середину ротъ, снесли съ головъ движеніемъ воздуха нѣсколько кепи, опрокидывали взрывомъ разомъ по два, по три человѣка въ сомкнутомъ строѣ, и дальнѣйшаго вреда не производили. Люди падали, барахтались, кувыркались, какъ ошеломленные, и потомъ вставали, отирали съ лицъ землю и шли дальше безъ шапокъ, со смѣхомъ поздравляя товарищамъ свое злоключеніе. Явленіе это объяснили высокимъ прицѣломъ турецкихъ орудій, при которомъ снаряды глубоко уходили въ землю и взрывались вертикально, не разбрасывая осколковъ въ стороны, или же, далеко зарывшись въ землю, только взбучивали ее безъ дальнѣйшихъ послѣдствій. Насколько это объясненіе правдоподобно—провѣрить тогда было невозможно, да и некогда. Но такъ или иначе, а безвредная, хотя и мѣткая, стрѣльба турецкой артилеріи повела къ тому, что солдаты относились къ ней и недовѣр-

чиво, и равнодушно—даже острили надъ нею, говоря, что турецкая граната бьетъ тогда, когда попадетъ въ носъ или въ глазъ.

Спустя полчаса, приказано было въ томъ же порядкѣ наступать и четвертому баталіону крымскаго полка. При движеніи каждой роты его поднимался тотъ же адъ, но теперь уже не безнаказанно для турокъ, потому что стрѣлки, засѣвшіе по всему краю оврага, осыпали траншеи прицѣльнымъ огнемъ. Пройденная мѣстность, названная потомъ поляною смерти, положительно запестрѣла павшими. Среди этихъ ужасовъ боя мы видѣли высокій подвигъ мужества и самоотверженія въ лицѣ фельдшера стрѣлковаго баталіона Абаева, юноши лѣтъ двадцати, который явился на поляну и подъ свистомъ пуль началъ перевязывать раненыхъ. Многіе изъ нихъ были добиты у него на рукахъ. Тѣхъ, которые были имъ перевязаны, онъ уносилъ, съ двумя санитарами, за холмъ и отправлялъ на перевязочный пунктъ. Такимъ образомъ онъ вынесъ маіора крымскаго полка Святницкаго и многихъ нижнихъ чиновъ, перевязавъ на мѣстѣ болѣе 80 человѣкъ. По окончаніи сраженія мы слышали, что на перевязочномъ пунктѣ, получая всѣхъ раненыхъ, удивлялись искусству и аккуратности, съ которыми они были перевязаны, и не находили нужнымъ дѣлать въ этомъ случаѣ какія либо поправки. Абаевъ дѣйствовалъ въ виду всего баталіона и приводилъ насъ въ восхищеніе. По общему приговору онъ былъ присужденъ къ представленію во главѣ всѣхъ нижнихъ чиновъ къ именному георгіевскому солдатскому кресту; но, къ сожалѣнію, по существующему законоположенію, онъ его не получилъ, и эта награда была ему замѣнена серебряною медалью за храбрость въ петлицѣ.

Размѣстивъ баталіонъ, маіоръ Цезарскій поднялся въ цѣпь, чтобы лично руководить ею и осмотрѣть позицію. По внимательномъ наблюденіи оказалось, что до траншей приходилось наступать шаговъ восемьсотъ и все на гору, какъ по гласису. Огонь съ обоихъ турецкихъ фланговъ, сначала только перекрестный, долженъ былъ превратиться въ анфиладный, а потомъ и въ тыльный; правая и лѣвая колонны, отдѣленныя глубокимъ оврагомъ, были взаимно изолированы; кромѣ того, лѣвая колонна находилась далеко назади, а подступъ ея перерѣзанъ продолженіемъ нашего оврага,

переходившаго противъ нея въ глубокую пропасть; правый флангъ нашъ, далеко выдвинувшійся впередъ, снова сталъ открытымъ и легко могъ быть взятъ съ вершины оврага во флангъ. Вторая рота баталіона еще не присоединилась; между тѣмъ, часть нашего стрѣлковаго огня била во флангъ и въ тылъ заваловъ праваго фланга турецкой позиціи, и этимъ можно было воспользоваться съ большою пользою для пораженія непріятеля.

Часовъ около одиннадцати, маіоръ Цезарскій получилъ приказаніе начальника колонны—вести стрѣлковъ на штурмъ центра. Къ этому времени еще только одна изъ ротъ ставропольскаго полка (лѣвой колонны) подошла къ пропасти, отдѣлявшей ее отъ турокъ, и, засѣвъ за камни, завязала перестрѣлку противъ заваловъ праваго турецкаго фланга, такъ что правой колоннѣ предстояло штурмовать безъ всякой поддержки съ какой бы то ни было стороны и совершенно безъ резерва. Объяснивъ всѣ эти обстоятельства начальнику колонны подполковнику фонъ-Барделіусу, командующій баталіономъ получилъ разрѣшеніе остановиться штурмомъ до вступленія лѣвой колонны на одну высоту, а тѣмъ временемъ направить весь огонь на правый турецкій флангъ—въ завалы, съ очищеніемъ которыхъ лѣвая колонна, становясь въ мертвое пространство, могла спуститься и подняться до самыхъ заваловъ безнаказанно—принявъ при этомъ на себя отвѣтственность за своевременный штурмъ центра.

Возвратясь въ цѣпь, командующій баталіономъ прекратилъ ружейный огонь противъ центра и направилъ его въ предполагаемое мѣсто праваго турецкаго фланга. Чрезъ полчаса рота ставропольскаго полка, засѣвшая противъ него, замѣтивъ разницу въ огнѣ изъ заваловъ, попыталась спуститься въ пропасть. Сначала исполнилъ это какой-то смѣльчакъ, за нимъ нѣсколько человѣкъ, а потомъ и вся рота—и притомъ совершенно безъ потерь: такъ дѣйствителенъ оказался огонь одной стрѣлковой роты. Нетолько завалы, обращенные къ ставропольцамъ, были наполовину очищены, но даже и бывшая за ними двухорудійная батарея начала сначала изрѣдка только посылать гранаты, а потомъ и вовсе замолкла. Центръ же въ это время положительно былъ забрасываемъ

гранатами нашей доброй соквартирантки въ Кульпахъ, 4-й батареи полковника Парчевскаго. Только пыль столбомъ взвивалась отъ турецкихъ центральныхъ ложементовъ. За ротою ставропольцевъ пошелъ въ пропасть и цѣлый баталіонъ. Часовъ въ двѣнадцать, спустившаяся рота уже карабкалась изъ пропасти на скалы праваго турецкаго фланга, и человѣкъ пятьдесять, подобравшись подъ самые завалы, начали поражать оставшихся тамъ турокъ въ упоръ; они съ ужасомъ покидали завалы. Турецкій главный штабъ, скрытый до сего времени съ кавалеріей за холмомъ той же горы, бросился на поддержку своего фланга, но былъ встрѣченъ такимъ мѣткимъ огнемъ стрѣлковъ, что моментально засуетился, смѣшался и исчезъ также быстро, какъ и появился (*). Считая этотъ моментъ удобнымъ для атаки, маіоръ Цезарскій скомандовалъ цѣпи „впередъ!“ повелъ свои двѣ неразсыпанныя роты (**) на штурмъ подъ фланговымъ огнемъ съ правой стороны, и когда довелъ ихъ до траншей, то увидѣлъ, что онѣ уже были очищены. Тамъ оставались только убитые, да раненые. Замѣшательство главнаго турецкаго штаба слишкомъ отразилось на дѣйствіяхъ ихъ войскъ, которыя не дождались даже своихъ резервовъ и побѣжали, не испробовавъ штыковъ. Въ часъ пополудни три стрѣлковыя роты уже гнались за ними по дорогѣ на Эшакъ-Эльясъ.

Для полноты разсказа необходимо упомянуть о дѣйствіяхъ и другихъ войскъ.

Въ началѣ боя двѣ роты изъ резерва, а потомъ и весь баталіонъ крымскаго полка, занимавшій гору Джели-дагъ, были двинуты на смѣну 2-й роты стрѣлковаго баталіона. Когда правая колонна пошла на штурмъ, крымскій баталіонъ сталъ наступать по дорогѣ на аулъ Даяръ. Другой, бывшій въ резервѣ, баталіонъ крымскаго полка спустился лѣвѣе ставропольцевъ въ долину Шарьяна, для обхода по ней праваго турецкаго фланга; но, наткнувшись на неприступную мѣстность и встрѣченный изъ заваловъ

(*) Причина впослѣдствіи объяснилась: начальникъ ихъ дивизіи былъ убитъ, начальникъ штаба и начальникъ артилеріи были ранены.

(**) Бывшая въ отдѣлѣ на Джели-дагѣ 2-я рота еще не присоединилась, и въ баталіонѣ оставалось въ центрѣ только три роты.

Авт.

убійственнымъ огнемъ, остановился. Дивизіонъ драгунъ остался въ прикрытіи перевязочнаго пункта и девятифунтовыхъ батарей на мѣстѣ ночлега; а остальная масса кавалеріи также направлена была въ долину Шарьяна—прикрыть насъ отъ обхода турецкой кавалеріи, могущей по этой долинѣ пробраться къ нашему вагенбургу, оставленному возлѣ Курдалю. Двѣ сотни 2-го сунженскаго полка, переправясь чрезъ Шарьянъ, преслѣдовали турокъ, и отъ нихъ-то едва ускакалъ англійскій военный агентъ серъ Ричардъ Кемпбль, высказавшій въ англійскихъ газетахъ, что онъ обязанъ своимъ спасеніемъ быстротѣ своего коня. Стрѣлковый баталіонъ преслѣдовалъ въ центрѣ одинъ. Верстахъ въ двухъ его нагнала конная казачья батарея, съ дивизіономъ драгунъ, которые отсюда и далѣе слѣдовали неотступно за стрѣлками. Видя безполезность своего одинокаго преслѣдованія, баталіонъ, по приказанію подполковника фонъ-Барделіуса, остановился; вскорѣ, получивъ приказаніе отъ начальника отряда, повернулъ обратно, съ музыкой, имѣвшей при атакѣ раненымъ одного кларнетиста (*).

На турецкой позиціи баталіонъ былъ встрѣченъ начальникомъ отряда, который, благодаря всѣхъ чиновъ за побѣду, выразился при этомъ такъ:

„Я любовался все время маневрами стрѣлковъ, вашимъ замѣчательно сдержаннымъ огнемъ и тактомъ, съ которымъ онъ былъ веденъ“.

Тутъ же, подъ центральными траншеями, баталіонъ сталъ бивакомъ въ средѣ расположившихся уже вокругъ него нашихъ войскъ.

Въ этотъ день въ баталіонѣ выбыло изъ строя: убитыми—нижнихъ чиновъ трое, ранеными—двадцать девять ([24]); въ правой колоннѣ всего 85-ть человѣкъ, а во всемъ отрядѣ выбыло изъ строя три офицера и 152 человѣка нижнихъ чиновъ. Вся потеря баталіона и всей правой колонны была понесена на полянѣ смерти, во время перехода на третью позицію, оказавшую такое вліяніе

(*) Баталіонъ имѣлъ нештатный хоръ роговой музыки изъ 21-го инструмента.

Авт.

на исходъ сраженія. Но болѣе всего достойно замѣчанія то, что баталіонъ выпустилъ только 2700 патроновъ, т. е. среднимъ числомъ по четыре на человѣка.

По порученію начальника отряда, маіоръ Цезарскій, съ двумя сотнями 2-го хоперскаго казачьяго полка, вооруженными шанцевымъ инструментомъ, 5-го числа предалъ погребенію на мѣстахъ тѣла турокъ, которыхъ насчиталъ 160, а всю потерю ихъ предполагали въ 300 человѣкъ, такъ какъ турокъ погребали и двѣ сотни нашихъ курдовъ, получившихъ на то разрѣшеніе. Тѣла нашихъ воиновъ были снесены на ставропольскую гору для совершенія торжественнаго погребенія въ общей братской могилѣ. Всѣхъ убитыхъ съ умершими отъ ранъ за 4-е и 5-е числа было: 1-нъ офицеръ и 26-ть нижнихъ чиновъ, которые и преданы были землѣ 6-го числа.

Такъ нанесено было эриванскимъ отрядомъ первое пораженіе туркамъ въ эту кампанію, несмотря на превосходство ихъ силъ, на замѣчательно крѣпкую по природѣ и при этомъ укрѣпленную позицію. Нашею ничтожною потерею мы обязаны своимъ искуснымъ маневрамъ и взаимной солидарности дѣйствій четырехъ баталіоновъ пѣхоты, которые собственно и вели весь бой; артилерія блистательно подготовила своимъ огнемъ центръ для атаки. И хорошо, что это сраженіе было такъ быстро и рѣшительно ведено. Двумя часами позже, намъ пришлось бы драться съ двадцатью пятью таборами, такъ какъ верстахъ въ десяти бѣжавшіе отъ насъ турки встрѣтили десять или двѣнадцать таборовъ, подъ командою самого Мухтаръ-паши, спѣшившихъ къ нимъ на помощь. Мухтаръ, не будучи въ состояніи удержать разбитый нами отрядъ, и самъ поворотилъ обратно.

За мужество и храбрость, оказанныя баталіономъ 4-го числа, начальникъ отряда присудилъ на баталіонъ одинъ офицерскій крестъ св. Георгія 4-й степени, который удостоился получить командовавшій баталіономъ маіоръ Цезарскій. Этого же креста удостоены по рапортамъ: начальникъ колонны подполковникъ фонъ-Барделіусъ и штабсъ-капитанъ Поповъ—послѣдній за удержаніе наступленія турокъ на правый нашъ флангъ. Кромѣ того, по пред-

ставленію, подполковникъ фонъ-Барделіусъ получилъ золотое оружіе; два офицера получили ордена Владиміра 4-й степени съ мечами и бантомъ, двое—св. Анны 3-й степени съ мечами и бантомъ, двое—ордена св. Анны 4-й степени на сабли съ надписью „за храбрость“ и одинъ—св. Станислава 3-й степени съ мечами и бантомъ ([25]) (*).

ГЛАВА X.

Перемѣна позиціи. Заботы о продовольствіи. Проэктъ полковника Филиппова. Пораженіе турокъ подъ Даяромъ 9-го іюня. Оцѣнка нашихъ дѣйствій. Наши потери. Награды. Отступленіе на новую позицію. Печальныя вѣсти. Приказъ по отряду.

Пятаго и шестаго іюня, стянувъ къ себѣ обозъ, отрядъ восьмаго числа перемѣнилъ позицію. Спустившись съ Драмъ-дага въ котловину футовъ на тысячу ниже, версты четыре по дорогѣ къ Эшакъ-Эльясу, онъ сталъ у рѣчки Абезгяръ, на перекресткѣ дорогъ—транзитной и той, которая идетъ изъ долины рѣки Шарьяна къ сел. Даяръ. Это перемѣщеніе было сдѣлано съ санитарною цѣлью, чтобы удалиться отъ зараженнаго поля турецкой стоянки и разбросанныхъ повсюду могилъ, въ которыхъ дурно похоронены были турки.

Вновь занятая позиція въ тактическомъ отношеніи заставляла желать многаго. Котловина была узкая и тѣсная для стоянки. Мѣстность впереди, служившая намъ защитою, была очень растянута и въ центрѣ раздѣлена долиною и транзитной дорогой; слѣва она была открыта на широкую долину къ Эшакъ-Эльясу, а справа имѣла вблизи командующія высоты и представляла для турокъ удобные скрытые обходы нашихъ флаговъ чрезъ Даяръ и Эшакъ-Эльясъ, удаленные одинъ отъ другаго верстъ на семь. При нашемъ

(*) Приказы по кавказской арміи 1878-го года за № 20 и 1877-го года за №№ 476 и 232, приказъ по баталіону № 64-й 1878-го года.

малосильномъ пѣхотою отрядѣ все это должно было составить крайнее затрудненіе для обороны. Къ этому присоединилось еще то, что впереди былъ цѣлый рядъ высотъ, господствующихъ одинъ надъ другимъ, которыя всегда могли прикрывать маневры противниковъ.

Ставъ на позиціи, войска занялись хозяйственною частью. Подвоза фуража и топлива для варки пищи совсѣмъ не было: нужно было позаботиться о пріобрѣтеніи того и другаго. Съ разрѣшенія начальника отряда посланы были сильныя фуражирскія команды къ Даяру и Эшакъ-Эльясу за покупкой или реквизиціей, смотря, что по обстоятельствамъ окажется нужнымъ примѣнить. Забота о насущномъ дневномъ пропитаніи стала снова задачей. Доставка провіанта почему-то опять замедлилась, и нужно было прибѣгнуть къ мѣстному заготовленію: поэтому, 8-го числа, посланы въ сел. Зейдеканъ, гдѣ устроенъ былъ складъ мѣстной муки, хлѣбопекарныя печь хлѣбъ; а подъемныхъ лошадей даже стали на нѣсколько часовъ пускать на пастьбу въ раіонѣ и въ тылу лагеря.

Еще 7-го числа была сдѣлана рекогносцировка къ кара-дербентскому проходу, вѣнцу нашихъ желаній. Ходилъ туда казачій полкъ и стрѣлковый баталіонъ, при двухъ легкихъ орудіяхъ. Съ Драмъ-дага было туда версгъ 25-ть, изъ которыхъ прошли верстъ около 20-ти по транзитной дорогѣ, и съ одной изъ высотъ наблюдали у Кара-Дербента лагерь непріятеля; но никакого точнаго опредѣленія о количествѣ силъ изъ этого наблюденія вывести было нельзя. Съ этого же времени начальникъ штаба эриванскаго отряда полковникъ Филиповъ началъ проэктировать форспрованіе этого прохода. Съ этою цѣлью неоднократно были приглашаемы на совѣщаніе генералы и начальники частей. Генералъ Тергукасовъ и почти всѣ высшія власти были противъ этого проэкта; но, насколько было велико желаніе полковника Филиппова осуществить свою мысль, можно судить изъ того, что онъ дважды посѣщалъ командира баталіона подполковника фонъ-Барделіуса и убѣждалъ его въ пользѣ своего намѣренія. Проэктомъ этимъ предполагалось, что стрѣлковый баталіонъ и 18-й драгунскій переяславскій полкъ, съ конной батареей, подъ командою полковника Филиппова, пойдутъ по даярской горной дорогѣ почью и, подойдя на разсвѣтѣ, по-

стараются овладѣть горами кара-дербентскаго прохода; въ тоже время остальные шесть баталіоновъ (*) будутъ наступать съ артилеріей по транзитной дорогѣ. Фонъ-Барделіусъ не только отвергалъ этотъ планъ, но даже считалъ его внѣ всякой возможности обсуждать, такъ какъ уже сдѣлалось положительно извѣстнымъ, что послѣ сраженія 4-го числа самъ Мухтаръ-паша привелъ въ подкрѣпленіе туркамъ больше десяти баталіоновъ, и что въ такомъ случаѣ кара-дербентскій проходъ долженъ быть защищаемъ двадцатью тремя или двадцатью пятью таборами. Какъ-бы эти войска ни были деморализованы, но, принимая въ расчетъ относительную малочисленность нашего отряда (семь баталіоновъ пѣхоты), историческую извѣстность недоступности кара-дербентскаго прохода, неимѣніе никакого резерва и точки опоры въ тылу болѣе чѣмъ на 200 верстъ по кратчайшему направленію къ нашей границѣ, можно было быть увѣреннымъ въ несбыточности этого плана. Входило ли овладѣніе Кара-Дербентомъ въ задачу эриванскаго отряда – намъ неизвѣстно.

Какъ-бы то ни было, но рекогносцировка, подъ начальствомъ полковника Медвѣдовскаго, назначена была на 9-е число. Въ составъ колонны подъ его начальствомъ вошли четыре сотни хоперскаго и три втораго сунженскаго казачьихъ полковъ, двѣ роты ставропольскаго полка и дивизіонъ конно-ракетной батареи. Рѣшено было разъяснить положеніе и силы противника у Кара-Дербента. Колонна должна была выступить утромъ по даярской горной дорогѣ. Одновременно съ нею назначена была и общая фуражировка, подъ прикрытіемъ одного казачьяго полка и двухъ ротъ ставропольскаго пѣхотнаго полка, подъ командою полковника фонъ-Шака, имѣвшая цѣлью отправиться въ долину Эшакъ-Эльяса косить траву. Вслѣдствіе всего этого, впереди обоихъ фланговъ нашей позиціи оказались значительныя силы.

Часовъ въ девять утра, отъ полковника Медвѣдовскаго прискакалъ казакъ съ извѣстіемъ, что турки наступаютъ. Въ предположеніи, что со стороны турокъ это также рекогносцировка, у насъ

(*) Къ этому времени 4-й баталіонъ ставропольскаго полка, оставленный въ Кара-Килиса, былъ уже притянутъ къ отряду.

Авт.

никакихъ особыхъ распоряженій не послѣдовало. Всѣ продолжали заниматься своимъ дѣломъ. Чрезъ четверть часа пришло подтвержденіе о наступленіи, а вслѣдъ затѣмъ и новое сообщеніе, что за Даяромъ уже началась перестрѣлка, и спѣшенные казаки едва сдерживаютъ наступающихъ. Одновременно прискакали и фуражиры съ долины Эшакъ-Эльяса съ вѣстью, что турки обходятъ лѣвый флангъ. Войска тотчасъ по тревогѣ были вызваны налегкахъ, безъ ранцевъ; стрѣлковый баталіонъ выдвинутъ былъ, съ пѣшей батареей 19-й артилерійской бригады, къ выходу транзитной дороги, въ котловину; по вскорѣ двѣ роты его, 1-я и 2-я, подъ командою капитана Сафонова, командированы были налѣво, на отлогую возвышенность, прикрыть отъ обхода лѣвый флангъ позиціи, а 3-я и 4-я, подъ командою командира баталіона, направлены въ центръ позиціи, на гору правой стороны дороги.

Баталіонъ крымскаго и два баталіона ставропольскаго полка пошли по даярской дорогѣ въ обходъ горы—поддержать отступавшаго Медвѣдовскаго. Конная казачья батарея и драгунскій полкъ послѣдовали за первыми двумя ротами стрѣлковъ на лѣвый флангъ; остальная артилерія, частью безъ прикрытія, начала размѣщаться въ громадные интервалы. Такимъ образомъ, позиція растянулась верстъ на пять. Для занятія ея, войска вытянулись въ ниточку—цѣпью; резервовъ не было. Въ центрѣ же долина съ транзитной дорогой на протяженіи версты или болѣе осталась никѣмъ незанятою—только подъ огнемъ обѣихъ высотъ, а за нею находился лагерь со всѣмъ артилерійскимъ паркомъ, прикрытый всего однимъ эскадрономъ переяславскаго драгунскаго полка. Словомъ, должно было начаться сраженіе при самыхъ невыгодныхъ условіяхъ. Что турокъ будетъ втрое больше насъ—это было извѣстно. Несмотря однако на неожиданность нападенія, войска пошли на позицію съ замѣчательнымъ самообладаніемъ, даже озлобленныя такою, по ихъ убѣжденію, неслыханною со стороны турокъ дерзостью.

Послѣдуемъ теперь за дѣйствіями стрѣлковъ.

Первый полубаталіонъ, командированный на лѣвое крыло, поступивъ въ распоряженіе кн. Амилахвари, по его указанію направленъ на гору, составляющую лѣвый флангъ нашей позиціи,

спускающуюся къ намъ нѣсколькими отлогими скатами. Капитанъ Сафоновъ, разсыпавъ 1-ю роту въ цѣпь, имѣя 2-ю роту въ резервѣ, началъ подниматься по скату; по мѣрѣ движенія, онъ придерживался болѣе вправо, по направленію къ вершинѣ, отчего лѣвый край гребня отходилъ все дальше. Для захвата всей линіи оказалось нужнымъ удлинить цѣпь, и на половинѣ подъема была разсыпана влѣво и 2-я рота, такъ что въ резервѣ не осталось никого. Обливаясь потомъ и задыхаясь, шли впередъ, поспѣшая захватить хотя первый гребень; но, не дойдя до него шаговъ тридцать, были встрѣчены огнемъ турокъ, предупредившихъ насъ. Не останавливаясь и не задумываясь, роты, съ крикомъ „ура!“ бросились цѣпью въ штыки, мгновенно опрокинули турецкую цѣпь и, занявъ гребень, наткнулись на таборъ; давъ цѣпью залпъ, онѣ бросились и на него. Турецкій таборъ, какъ и цѣпь ихъ, не выждавъ страшныхъ русскихъ штыковъ, показали тылъ; стрѣлки стали ихъ преслѣдовать, поражая бѣглымъ огнемъ. За первымъ гребнемъ слѣдовалъ новый повыше, отдѣленный покатой логовиной шаговъ въ шестьсотъ. Стрѣлки послѣдовали за непріятелемъ, чтобы овладѣть и имъ, какъ вдругъ изъ за гребня выѣхала турецкая кавалерія въ обхватъ лѣваго фланга цѣпи. Она показалась такъ неожиданно и близко, что крайнія звѣнья даже и не подумали отбѣжать въ кучки, а закричавъ: „кавалерія!“ повернули плеча и открыли бѣглый огонь. Вся цѣпь, какъ одинъ, сдѣлала тотъ-же маневръ и, послѣ четырехъ или пяти минутъ пальбы, когда огонь временно утихъ и дымъ разсѣялся, отъ кавалеріи осталась только груда тѣлъ, и лишь вдали скрывалось нѣсколько всадниковъ. Въ тоже время стрѣлки замѣтили, что подъ завѣсой кавалеріи двигались два табора. Опять съ крикомъ „ура!“ они пошли на нихъ въ атаку. Въ ней приняла участіе и подошедшая рота крымскаго полка. Увидѣвъ вмѣсто своей кавалеріи груды тѣлъ и наступающихъ безстрашныхъ противниковъ, оба табора повернули, какъ и предыдущій, назадъ, и стрѣлки захватили желанную позицію.

Только крайніе четыре или пять человѣкъ были жертвами кавалеріи, и они остались впослѣдствіи неубранными на полѣ сраженія, потому что были завалены тѣлами турокъ. 1-й роты

портупей-юнкеръ Хадарцевъ тоже чуть не сдѣлался жертвою этой атаки: кавалерійскій офицеръ уже занесъ саблю, чтобы его рубнуть, какъ рядомъ стоявшій рядовой той же роты Федюхинъ свалилъ его съ коня выстрѣломъ въ упоръ, а сабля его досталась Хадарцеву трофеемъ на память (*).

Помянутыя три роты, запявъ цѣпью второй гребень, завязали перестрѣлку. За слѣдующимъ господствующимъ гребнемъ засѣли массы турокъ, успѣвшихъ вырыть тамъ ложементы и поставить артилерію. Начался тотъ непрерывный свинцовый градъ, который способны производить турки, носящіе при себѣ чрезъ плечо въ хлѣбныхъ сумкахъ по 250-ть и болѣе патроновъ. Чтобы не дать себя опрокинуть, поневолѣ пришлось и стрѣлкамъ отвѣчать тѣмъ-же. Чрезъ нѣсколько времени подоспѣли еще три роты крымцевъ подъ командою командира полка полковника Слюсаренко, которыя, разсыпавшись, вошли въ рѣдкую цѣпь стрѣлковъ. Надъ всѣми принялъ начальство Слюсаренко. Положительно нельзя было показаться за адскимъ турецкимъ огнемъ; даже лежащихъ то-и-дѣло бороздили летающія сверху пули, и всѣ раненые были поражены по преимуществу въ голову и въ верхнюю часть тѣла. Полковникъ Слюсаренко, желая поддержать духъ своихъ солдатъ, поѣхалъ въ цѣпь и тамъ вскорѣ былъ тяжело раненъ. Капитанъ Сафоновъ, по приказанію кн. Амилахвари, снова принялъ командованіе надъ всѣми шестью ротами крайняго нашего лѣваго фланга.

Часу въ первомъ, по цѣпи начали раздаваться голоса стрѣлковъ: „патроновъ, патроновъ!“ Крымцы лежали въ цѣпи не стрѣляя, такъ какъ турки были внѣ предѣла ихъ стрѣльбы (**). Положеніе стало вновь критическимъ. Капитанъ Сафоновъ, желая маскировать ослабѣвшій огонь стрѣлковъ, велѣлъ крымцамъ поддерживать его. Сначала они отговаривались, что ихъ ружья не доносятъ; но, по разъясненіи, понявъ цѣль, открыли безвредную пальбу.

(*) Федюхинъ награжденъ за этотъ подвигъ знакомъ отличія военнаго ордена 4-й степени.

(**) Крымцы вооружены были ружьями Карля съ прицѣломъ на 600 шаговъ.
Авт.

Извѣстивъ начальника крыла о своемъ положеніи, стрѣлки стали ждать патроновъ. Посланному въ лагерь адъютанту сообщили, что патроны уже отправлены. Чрезъ полчаса примчался въ карьеръ другой адъютантъ, умолявшій: „ради Бога, дайте скорѣе патроновъ!“—„Да увезены еще Богъ знаетъ когда!“ отвѣчали ему. Наконецъ, посланъ третій.—А патроны, между тѣмъ, были дѣйствительно увезены еще часа за два до того, подъ наблюденіемъ квартирмейстера. Схвативъ лошадь, баталіонный казначей помчался на поле сраженія искать пропавшіе патронные фургоны, и найдя ихъ совсѣмъ въ другомъ направленіи, при второмъ полубаталіонѣ, повелъ наконецъ куда нужно. Подвезти ихъ къ цѣпи нечего было и думать, а подносить патроны въ сумкахъ—слишкомъ длинная исторія; поэтому, остановивъ ихъ въ сферѣ артилерійскаго огня, князь Амилахвари приказалъ стоявшимъ въ прикрытіи артилеріи драгунамъ набрать патроновъ въ полы и сумы и отвезти стрѣлкамъ. Такимъ образомъ, получивъ патроны, послѣ полутора или двухчасоваго ожиданія, стрѣлки, наконецъ, вздохнули и воскликнули: „ну, теперь, слава Богу, мы еще потягаемся!“ Впослѣдствіи драгуны разсказывали, что когда они повезли патроны и подъѣхали къ мѣсту пораженія турецкой кавалеріи, то не могли проѣхать за горою лошадиныхъ и людскихъ тѣлъ и должны были объѣзжать это мѣсто.

Командиръ же 2-й роты штабсъ-капитанъ Поповъ, раненый въ лѣвую ключицу навылетъ, дотащившійся самъ часа въ три пополудни до лагеря, съ горемъ, слезами, злобою и бранью выражалъ свою жалобу на неимѣніе въ цѣпи патроновъ и невозможность, какъ онъ выразился, „еще накласть туркамъ“. Вотъ каково было направленіе и духъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ стрѣлковаго баталіона въ эту чрезвычайно критическую минуту.

Второй полубаталіонъ остался подъ командою подполковника фонъ-Барделіуса—сперва, до разъясненія обстоятельствъ дѣла, на транзитной дорогѣ, съ 5-ю батареей 19-й артилерійской бригады, а потомъ сталъ подниматься на скалистую гору по правой сторонѣ дороги и составилъ лѣвый флангъ праваго крыла, которымъ командовалъ генералъ-маіоръ Броневскій. Тамъ онъ уже засталъ

цѣпь крымскаго баталіона. Выславъ одну полуроту отъ 3-й роты стрѣлковъ въ цѣпь, на усиленіе крымцевъ, остальныя 1½ роты составили резервъ. Цѣпь эта оказалась какъ-разъ во флангъ черкесамъ, насѣдавшимъ на отступавшихъ казаковъ; почему, огонь ея былъ обращенъ на нихъ, и такъ какъ черкесы, по обычаю, весьма упорно и искусно держались за камнями скалистаго обрыва, то вскорѣ цѣпь усилена была другою полуротою 3-й роты. Прямо противъ позиціи стрѣлковъ 2-го полубаталіона были двѣ вершины, занятыя турками; обѣ онѣ были расположены одна за другою, и послѣдняя господствовала надъ всею мѣстностью, а первую турки успѣли изрыть ложементами. Правѣе стрѣлковъ и ниже были расположены по баталіону крымскаго и ставропольскаго полковъ, изъ которыхъ первый находился какъ-разъ подъ огнемъ ложементовъ и несъ огромныя потери. Еще до прибытія стрѣлковъ на гору, баталіоны эти ходили на штурмъ ложементовъ, но, понеся большую потерю офицерами и нижними чинами, повернули и заняли снова прежнюю невыгодную позицію, боясь открыть даярскую дорогу въ лагерь. Для облегченія ихъ неравнаго боя разсыпана была еще одна полурота 4-й роты на той-же скалистой позиціи, и всѣ три полуроты начали обстрѣливать ложементы. Огонь ихъ былъ настолько дѣйствителенъ, что вскорѣ одна изъ ротъ ставропольскаго или крымскаго полковъ вновь рѣшилась предпринять штурмъ ненавистныхъ ложементовъ; но, встрѣченная убійственнымъ огнемъ съ обѣихъ вершинъ, смѣшалась; люди ея стали валиться, какъ подкошенные колосья. Видя гибель храброй роты, командовавшій полуротою 4-й роты поручикъ Алдатовъ безъ приказанія бросился съ своею полуротою внизъ, чтобы быть ближе, и засѣвъ за камнями, началъ осыпать ложементы съ ближайшей дистанціи самымъ частымъ огнемъ. Этотъ маневръ далъ возможность пострадавшей ротѣ отступить на свою позицію. Только пополудни взаимными усиліями артилерійскаго огня 4-й батареи 19-й артилерійской бригады и стрѣлковъ турки были настолько ослаблены, что ставропольцы, поддержанные полутора ротами стрѣлковъ и огнемъ полуроты, оставленной на горѣ, наконецъ, овладѣли ложементами и утвердились въ нихъ.

Патроны стали истощаться и во второмъ полубаталіонѣ. Подполковникъ фонъ-Барделіусъ, вмѣстѣ съ патронами, получилъ записку такого содержанія: „посылая патроны, предупреждаю: все, что было въ паркѣ, взято уже мною, и всего у меня въ запасѣ 29000, считая въ томъ числѣ и посланные вамъ“. Получивъ такое предупрежденіе, подполковникъ фонъ-Барделіусъ не велѣлъ раздавать привезенные патроны, а обходиться остатками; запасные же беречь на случай крайности.

Къ ночи огонь началъ ослабѣвать, а турки на этомъ флангѣ отступили. Стрѣлковая цѣпь была собрана и, по приказанію начальника отряда, на занятой позиціи обѣ роты стали окапываться ложементами, въ которыхъ и ночевали.

Оставленный нами давремя первый полубаталіонъ продолжалъ лежать на взятой имъ позиціи. Обѣ стороны вели самый ожесточенный ружейный огонь: ни та, ни другая не смѣли ничего больше предпринять. Только часовъ въ семь вечера огонь началъ ослабѣвать и замолкъ уже въ темнотѣ. Къ десяти часамъ турки отступили.

Часа въ два пополуночи, съ разрѣшенія начальника лѣваго фланга кн. Амилахвари, первый полубаталіонъ сталъ убирать своихъ убитыхъ и раненыхъ, которыхъ отправлялъ въ лагерь при помощи полусотни казаковъ. Убрали всѣхъ... Только четыре или пять человѣкъ остались въ безвѣстности. Предполагаютъ ихъ жертвами кавалерійской атаки, заваленными настолько тѣлами той-же кавалеріи, что до нихъ не докопались ([26]).

На разсвѣтѣ, оставивъ аванпосты, 1-я и 2-я роты отступили въ лагерь; тутъ онѣ въ теченіи сутокъ въ первый разъ подкрѣпили себя сухарями и водкой, а часовъ въ шесть утра снова отправились на свою позицію. 3-я же и 4-я роты такъ и остались на своей позиціи.

При всемъ моемъ желаніи изобразить возможно рельефнѣе участіе стрѣлковаго баталіона въ сраженіи 9-го числа, я нахожу, что изложеніе мое выходитъ бѣдно въ сравненіи съ дѣйствительностью. Судя по немъ о туркахъ, можно подумать, что они трусы, и что стоило только ихъ атаковать, чтобы они бѣжали. Такое пред-

положеніе было бы ошибочно. Турки далеко не трусы, и если мы ихъ дважды побѣдили, то потому, что сразу поставили ихъ въ невозможность драться съ нами грудь съ грудью. Мы показали имъ дѣйствительно неотразимое мужество и храбрость, пренебрегающія ружейнымъ и артилерійскимъ огнемъ,—а этого весьма достаточно для достиженія цѣли. Не преувеличивая наши собственныя дѣйствія, могу сказать, что онѣ вовсе были не такъ легки, какъ изображено въ этомъ короткомъ описаніи. Въ подтвержденіе моего воззрѣнія я указываю, вопервыхъ, на тотъ фактъ, что двѣ роты стрѣлковаго баталіона, бывшія на лѣвомъ флангѣ, вырвавъ изъ рукъ турокъ позицію и потомъ удерживаясь на ней, выпустили 60 тысячъ патроновъ и пробыли еще часа два безъ нихъ, и во-вторыхъ, на оцѣнку дѣйствій отряда генераломъ Тергукасовымъ, выраженную въ приказѣ, который сейчасъ приведу. Когда снесли всѣхъ раненыхъ на перевязочный пунктъ, то, желая облегчить страданія ихъ вниманіемъ, генералъ Тергукасовъ посѣтилъ ихъ утромъ 10-го числа. Обходя ихъ, онъ плакалъ, обнималъ и цѣловалъ солдатъ, и обращаясь къ окружавшему его штабу, восклицалъ: „это не люди, это не люди! .. Это герои, это святые!...“ Нужно полагать, что великъ былъ ихъ подвигъ, если старый посѣдѣлый кавказскій воинъ пришелъ въ такое высокое душевное умиленіе.

Мы вправѣ признать, что 9-го іюня турки понесли совершенное пораженіе, потому что оба наши фланга выхватили у нихъ позицію и не только сохранили за собою, но и заставили ихъ вовсе отступить и бросить всѣхъ своихъ убитыхъ и раненыхъ. Пораженіе турецкой кавалеріи 1-ю и 2-ю ротами, описанное англійскими корреспондентами въ иностранныхъ газетахъ, навсегда будетъ сохранено на страницахъ военной исторіи и послужитъ украшеніемъ дѣяній баталіона въ минувшую кампанію.

Изъ числа 17-ти штабъ и оберъ-офицеровъ и 860-ти нижнихъ чиновъ, бывшихъ въ этомъ сраженіи, баталіонъ имѣлъ: убитыми—нижнихъ чиновъ 25-ть, ранеными—оберъ-офицера одного (шт. капитана Попова) и нижнихъ чиновъ 63 ([27]).

Почти вся эта потеря, именно 86-ть человѣкъ, пришлась на долю 1-й и 2-й ротъ.

ПЛАНЪ
БОЯ У. С. ДАЯРЪ ЭРИВАНСКАГО ОТРЯДА 9го ІЮНЯ 1877 ГОДА

Потеря всего отряда состояла: изъ 20-ти офицеровъ и 434-хъ нижнихъ чиновъ; такъ что стрѣлковый баталіонъ потерпѣлъ пятую часть всей убыли.

Въ награду отличныхъ подвиговъ мужества, оказанныхъ въ этомъ сраженіи, капитанъ Сафоновъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й ст., шт. капитанъ Поповъ—золотымъ оружіемъ съ надписью „за храбрость", подпоручикъ Бржезовскій орденомъ св. Владиміра 4-й степени съ мечами и бантомъ, поручикъ Козыревъ орденомъ св. Анны 3-й степени съ мечами и бантомъ, поручикъ Крючковъ орденомъ св. Анны 4-й степени на саблю съ надписью „за храбрость".

Войска оставались на позиціи и на слѣдующій день утромъ, потому что положеніе еще не было выяснено, и было неизвѣстно, станутъ ли турки продолжать сраженіе, или отступили окончательно—и какъ далеко.

Между тѣмъ, по повѣркѣ парковъ оказалось, что на всѣ 36-ть орудій осталось только семьдесятъ двѣ ударныя гранаты; гранатъ съ дистанціонными трубками хотя и было достаточно, но онѣ не всегда пригодны, тогда какъ первыя постоянно необходимы; патроновъ въ войскахъ осталось: въ стрѣлковомъ баталіонѣ штукъ по 30-ти на человѣка, а въ прочихъ—немного болѣе. Въ паркахъ же вовсе ничего не осталось. Прибавивъ къ этому за два сраженія потерю нашего маленькаго отряда въ числѣ 23-хъ офицеровъ и около 586-ти нижнихъ чиновъ, убѣдимся, что при этихъ условіяхъ защищать нашу пятиверстную позицію сдѣлалось крайне затруднительнымъ. Даже выигрышъ еще третьяго сраженія на этой позиціи могъ повести за собою послѣдствіе хуже пораженія.

Поэтому, часовъ въ 10-ть утра, отдано было приказаніе объ отступленіи на болѣе сосредоточенную позицію, на Драмъ-дагъ. Войскамъ приказано было отступать уступами, съ тѣмъ, чтобы, отходя постепенно, занимать позиціи, прикрывающія отступленіе оставленныхъ позади; для того же, чтобы ввести турокъ въ заблужденіе относительно характера нашего передвиженія и избѣгнуть ихъ сильнаго натиска, начальникъ отряда даже готовъ былъ пожертвовать лагеремъ, бросивъ его на жертву. Но этого не случи-

лось: урокъ, данный непріятелю наканунѣ, былъ такъ вразумителенъ, и отступленіе исполнено было такъ медленно, съ такимъ самообладаніемъ войскъ и пользованіемъ временемъ и мѣстностью, что мы не оставили туркамъ въ этотъ разъ и старой тряпки. Прежде всего, обозъ отряда занялся перевозкой на Драмъ-дагъ, на бывшую нашу позицію 5-го, 6-го и 7-го чиселъ, всѣхъ раненыхъ; затѣмъ, возвратясь, подъ прикрытіемъ войскъ послѣдняго уступа, въ нѣсколько пріемовъ перевезъ нетолько лагерь, но даже и оставленные тамъ войсками ранцы. Стрѣлковый баталіонъ составлялъ при этомъ самый крайній уступъ и отступилъ на позицію послѣднимъ, часа въ два пополудни. Турки не рѣшились не то, что преслѣдовать насъ, даже подойти для уборки своихъ раненыхъ и убитыхъ, и прислали просить у генерала Тергукасова разрѣшенія о свободномъ допускѣ для уборки тѣлъ—что, конечно, было имъ разрѣшено. Да и просьба въ этомъ случаѣ была совершенно лишнею, потому что мы уже стояли верстахъ въ шести отъ прежней позиціи и вовсе не могли мѣшать непріятелю заняться уборкою своихъ собратовъ. Ходили слухи, что въ даярскомъ сраженіи 9-го числа турки понесли потерю около полуторы тысячи человѣкъ (*).

Для усиленія нашей защиты на новой позиціи тотчасъ приступили къ постройкѣ ложементовъ, въ которыхъ принимали участіе всѣ войска поочередно и потомъ поочередно-же ихъ занимали.

11-го числа до насъ дошло извѣстіе, что сообщеніе наше съ Эриванскою губерніею отрѣзано, и почта, отправленная пятаго іюня изъ отряда, разграблена на чингильскомъ перевалѣ; что на Сурмъ-Огапесъ было нападеніе, а баязетская цитадель въ блокадѣ. Всѣ эти печальныя новости, вдобавокъ къ нашему стѣсненному положенію, ложились тяжкимъ камнемъ на сердце войска. Лица у всѣхъ сдѣлались грустныя, хмурыя, но никому и въ голову не приходила мысль объ окончательномъ отступленіи. Насколько объ отступленіи не помышляли войска, настолько же, какъ видно, идея эта не была присуща и начальствующимъ. Всѣ распоряженія кло-

(*) Число убитыхъ и раненыхъ турокъ простиралось до двухъ тысячъ пятисотъ человѣкъ. (Офиціально).

Ред.

нились къ удержанію за собою Дахара. Ждали вѣстей изъ подъ Карса.

Двѣнадцатаго іюня послѣдовалъ приказъ по отряду за № 102-мъ, о которомъ сказано выше. Онъ служитъ наилучшимъ дополненіемъ къ сдѣланному мною изложенію сраженій 4-го и 9-го чиселъ. Подлинныя слова его слѣдующія:

„Сподвижники мои, генералы, штабъ и оберъ-офицеры и нижніе чины эриванскаго отряда! Ввѣренный мнѣ отрядъ предназначался для содѣйствія главному корпусу, облегчая ему трудности въ преодолѣніи непріятеля, защищающаго главныя преграды турецкой Арменіи, искусственныя и природныя. Вы надѣялись дать бой тотчасъ по оставленіи любезнаго отечества, но непріятель, несмотря на похвальбу оказать упорное сопротивленіе близъ границы, поспѣшно отступалъ, а Баязетъ сдался разъѣзду. Вы шли дальше, вездѣ встрѣчали возведенныя непріятелемъ укрѣпленія, которыя однако онъ покидалъ по однимъ слухамъ о вашемъ приближеніи. Наконецъ, онъ укрѣпился за высокими горами Драмъ-дага, надѣясь остановить васъ предъ недоступными позиціями, повсемѣстно укрѣпленными, и здѣсь поразить тѣмъ вѣрнѣе, что вы уже далеко ушли въ глубь Турціи. Ни недоступность горъ, ни сила укрѣпленій, ни стойкость почти втрое многочисленнѣйшаго противника не остановили васъ. Послѣ шестичасоваго боя (4-го іюня) турецкій корпусъ бѣжалъ предъ малочисленнымъ, но крѣпкимъ духомъ, эриванскимъ отрядомъ. Но этимъ славнымъ дѣломъ еще не закончились ваши обязанности: непріятель, зная какія послѣдствія будетъ имѣть ваша побѣда, смѣнилъ разбитый отрядъ свѣжимъ и еще болѣе сильнымъ корпусомъ, въ числѣ 22-хъ баталіоновъ, съ многочисленной кавалеріей, подъ личнымъ предводительствомъ самого главнокомандующаго анатолійскою арміею Мухтаръ-паши, надѣясь раздавить васъ своею многочисленностью. Такъ наступилъ бой 9-го іюня. Непріятель, пользуясь тѣмъ, что былъ почти вчетверо сильнѣе васъ, хотѣлъ обойти оба фланга, и потому нужно было растянуть позицію слишкомъ на 5-ть верстъ и противупоставить его баталіонамъ наши роты. Я сдѣлалъ это потому, что былъ увѣренъ въ геройской стойкости моего отряда—и не ошибся: въ теченіи десяти-

часоваго упорнаго боя вы отбили всѣ приступы непріятеля и показали себя такими же стойкими въ оборонѣ этого дня, какъ непреодолимыми въ наступленіи предшествующаго боя 4-го іюня. Отброшенный со всѣхъ пунктовъ, непріятель на другой день просилъ позволенія взять своихъ убитыхъ и раненыхъ съ поля битвы, усѣяннаго его тѣлами.

„Горы турецкой Арменіи, прославленныя побѣдами нашихъ предшественниковъ, старыхъ закаленныхъ кавказскихъ войскъ, предводимыхъ посѣдѣлыми въ бояхъ начальниками, теперь были свидѣтелями дивныхъ подвиговъ молодыхъ солдатъ. Войска эриванскаго отряда, вы достойно поддержали славу вашихъ боевыхъ предшественниковъ! Пѣхота, артилерія и кавалерія, соревнуя въ усердіи и во взаимной помощи, явили себя одинаково достойными. Я любовался спокойнымъ огнемъ нашей пѣхоты предъ суетливой стрѣльбой турокъ. Стойкость и хладнокровіе пѣхоты не уступали искусству и достойному удивленія самоотверженію артилеріи, лихости и бдительности кавалеріи. Драгуны и казаки показали себя такими же лихими наѣздниками, какъ и ловкими пѣхотинцами. Я счастливъ, командуя такими войсками, я счастливъ, что могу донести нашему Августѣйшему Главнокомандующему о ихъ мужествѣ и о доблести и распорядительности ихъ достойныхъ начальниковъ.

„Врачи, фельдшера и санитары эриванскаго отряда! Чины общества Краснаго Креста и сестры милосердія! Выражаю вамъ мою глубокую, сердечную благодарность въ дѣлѣ братолюбивой помощи раненымъ. Вы достойно соревновали съ доблестными подвигами вашихъ боевыхъ товарищей.

„Войска эриванскаго отряда! Ваши славные подвиги, порадуя нашего возлюбленнаго Государя и отечество, возлагаютъ на васъ обязанность и впредь быть столь-же достойными имени русскихъ и столь-же грозными противнику“.

ГЛАВА XI.

Отступленіе отряда въ Зейдеканъ. Движеніе летучей колонны навыручку Баязета. Возвращеніе ея въ отрядъ и дальнѣйшее отступленіе, при преслѣдованіи со стороны турокъ, къ нашей границѣ.

Съ 11-го по 15-е іюня отрядъ простоялъ въ томленіи давно ожидаемыхъ вѣстей съ Согаплуга. Наконецъ, четырнадцатаго числа получены свѣдѣнія, что карсская колонна, понеся подъ Зивиномъ 13-го числа пораженіе, отступила. Съ этого времени стало уже невозможнымъ наше дальнѣйшее пребываніе на Драмъ-дагѣ, и началось то страдное время для эриванскаго отряда, когда онъ, почти безъ патроновъ, обремененный всѣми лишеніями, пятьюстами своихъ раненыхъ и тысячами армянскихъ семействъ, совершалъ свое отступленіе, имѣя на хвостѣ ободренныхъ побѣдою турокъ, а впереди баязетскій блокадный корпусъ. Оцѣнка этого отступленія уже сдѣлана: оно сравнено германскимъ стратегомъ съ отступленіемъ Ксенофонта съ десятью тысячами грековъ.

Выдѣливъ дѣйствія одного баталіона изъ общаго хода отступленія, нельзя будетъ составить правильнаго представленія о серьезности и опасности его, а вмѣстѣ съ тѣмъ о трудахъ, лишеніяхъ и необычайномъ мужествѣ и порядкѣ, съ которыми оно выполнено всѣми войсками. Поэтому, я буду излагать вообще ходъ отступленія—насколько это оказывается нужнымъ.

Въ ночь съ 14-го на 15-е іюня начали собираться на позицію жительскія арбы для подъема раненыхъ. Предполагали отправить ихъ къ разсвѣту подъ прикрытіемъ кавалеріи, и потомъ начать отступленіе; но выполнить это къ утру оказалось невозможнымъ. Нужно было видѣть эту допотопную колесницу, въ которой низенькія колеса сдѣланы изъ двухъ скованныхъ досокъ, съ толстою осью изъ сосноваго бруса, закрѣпленною наглухо въ колесахъ, запряженную парою или двумя упрямѣйшихъ буйволовъ, чтобы судить о томъ хаосѣ и безпорядкѣ, которые ежеминутно возникали въ такомъ обозѣ отъ поломки, опрокидываній и сворачиваній буйволовъ съ пути на узкихъ, крутыхъ горныхъ дорогахъ,

прорѣзанныхъ оврагами и косогорами. Шумъ, гамъ при движеніи арбъ и удары палокъ по хребтамъ трехсотъ буйволовъ невообразимы. Вмѣсто разсвѣта, раненые едва отправлены были къ полудню 15-го числа; за ними потянулись обозъ, паркъ и артилерія, и только часовъ съ пяти пополудни двинулась уступами пѣхота. Въ хвостѣ отряда послѣднимъ остался стрѣлковый баталіонъ, который, расположивъ роты на позиціяхъ 4-го іюня, отступалъ перекатною цѣпью. На высотѣ, надъ стрѣлковымъ баталіономъ, по горѣ Джели-дагъ, долженъ былъ слѣдовать дивизіонъ уманскаго казачьяго полка, прикрывая правый флангъ нашихъ ротъ; но, несмотря на это, послѣдняя наша рота была постоянно открыта, и партія конныхъ черкесовъ, запявъ Джели-дагъ, затѣяла перестрѣлку. Двигаясь неотступно на флангѣ, они преслѣдовали насъ до полуночи; при этомъ штабсъ-капитанъ Бабкинъ, отступая съ послѣднимъ звѣномъ своей роты, былъ раненъ на Джели-дагѣ. Имъ и ограничилась вся наша потеря въ этотъ день ([28]). Часамъ къ пяти утра баталіонъ послѣднимъ пришелъ въ Зейдеканъ, гдѣ и сталъ бивакомъ въ серединѣ колонны. Здѣсь отрядъ расположился какъ бы на стоянку. Въ Зейдеканѣ были наши склады излишнихъ тяжестей, муки и госпиталь. Не берусь рѣшать, было ли въ предположеніи здѣсь удержаться надолго, или на нѣкоторое только время—въ виду всеобщаго ропота армянскаго населенія, сѣтовавшаго, что ихъ предаютъ мщенію турокъ за оказанный намъ сердечный пріемъ. Но, изъ сдѣланныхъ распоряженій по отряду 16-го числа, можно предполагать, что не имѣлось въ виду, по крайней мѣрѣ, нѣсколько дней продолжать отступленіе. Съ приходомъ въ Зейдеканъ, по всему отряду пронесся слухъ, что баязетскій гарнизонъ уже давно безъ провіанта и воды; что вода имъ стоитъ ежедневно большихъ потерь; что крайній срокъ ихъ голоднаго и безводнаго сидѣнья предположено дотянуть до 18-го числа, и если къ этому времени они не будутъ выручены, то или умрутъ отъ голода и жажды, или полумертвые должны будутъ сдаться.

Всѣ сердца забились отъ горести, соболѣзнуя объ участи своихъ боевыхъ товарищей. Мысль о постыдной сдачѣ мучила всѣхъ въ отрядѣ, и врядъ-ли находился въ немъ хотя одинъ солдатъ, кото-

рый не былъ бы готовъ пробѣжать 130 или 140 верстъ въ Баязетъ навыручку своихъ товарищей. Мысль эта, какъ видно, была общею и у подчиненныхъ, и у начальниковъ,—и генералъ Тергукасовъ, при всемъ опасномъ своемъ положеніи, рѣшился не дать погибнуть славному баязетскому гарнизону. По обсужденіи на военномъ совѣтѣ, рѣшено было послать летучую колонну безъ всякаго обоза: изъ стрѣлковаго баталіона, 18-го переяславскаго драгунскаго полка и конной кубанской казачьей батареи (*), подъ начальствомъ генералъ-маіора князя Амилахвари, которая должна была поспѣть къ 18-му числу въ Баязетъ. Стрѣлковый баталіонъ, послѣ пятичасоваго привала, на которомъ въ первый разъ за пять дней успѣлъ подкрѣпить себя горячей пищей, часовъ въ девять утра 16-го числа, выступилъ съ облегченнымъ сердцемъ въ набѣгъ. Безсонныя ночи съ девятаго числа, отсутствіе горячей пищи, утомленіе отъ 24-хъ-часоваго отступленія съ перестрѣлкой—все было забыто при мысли о возложенной на него миссіи, и не оказалось даже ни единаго слабаго, который бы пожелалъ остаться при обозѣ. Такъ велико было желаніе нижнихъ чиновъ выручить товарищей.

Пока баталіонъ шелъ, какъ увидимъ ниже, гигантскими шагами, въ Зейдеканѣ произошелъ случай, измѣнившій всѣ рѣшенія начальника отряда.

Зейдеканъ расположенъ въ долинѣ Ефрата, которая въ этомъ мѣстѣ, заканчиваясь между двумя хребтами, получаетъ видъ узкаго рукава на полпушечнаго выстрѣла поперегъ и на дальній выстрѣлъ вдоль, а въ вершинѣ замыкается высокимъ холмомъ, командующимъ долиною. На холмѣ этомъ, еще до нашего наступленія на Дахаръ, было выстроено турками укрѣпленіе въ видѣ редута на одинъ или на два табора. Занять его, какъ передовой пунктъ, было неудобно, такъ какъ онъ былъ подъ ружейнымъ огнемъ съ ближайшихъ высотъ Дахара. Нужно предполагать, что по этой причинѣ наши казачьи аванпосты оставили холмъ вовсе безъ

(*) И еще съ двумя казачьими полками, которые, въ числѣ прочихъ упомянутыхъ войскъ, и были отправлены 16-го числа, въ 7 часовъ утра. (Офиціально).

Ред.

охраны. Часовъ въ 12-ть, совершенно неожиданно для всѣхъ, раздались пушечные выстрѣлы, и одна граната влетѣла въ коновязь уманскаго казачьяго полка, а другая легла вблизи перевязочнаго пункта. Поднялась всеобщая суматоха, войска стали въ ружье и пошли на позицію. Одна батарея съ пѣхотой переправилась чрезъ рѣку Чатъ и поднялась на лѣвый отрогъ, ограничивающій долину, другая—на правый, поставивъ такимъ образомъ долину подъ перекрестный огонь. Въ центрѣ на долинѣ стали остальныя батареи и войска, въ ожиданіи дебушированія турокъ. Между тѣмъ, отсутствіе самаго сильнаго баталіона, единственнаго вооруженнаго дальнобойнымъ оружіемъ, сильно обезпокоило начальника отряда за исходъ могущаго быть сраженія, и курьеръ поскакалъ вернуть летучую колонну назадъ, какъ можно поспѣшнѣе; для того же, чтобы не опечалить и не обезкуражить ее, ему велѣно было передать, что баязетскій гарнизонъ уже освобожденъ и не имѣется въ летучей колоннѣ болѣе надобности.

Курьеръ нагналъ летучую колонну почти подъ Кара-Килиса, верстахъ въ 30-ти, и къ закату солнца она уже была снова въ Зейдеканѣ. Такимъ образомъ, стрѣлковый баталіонъ, послѣ безсонной ночи, съ девяти часовъ утра до девяти часовъ вечера 16-го числа, подъ знойнымъ тропическимъ солнцемъ въ іюнѣ мѣсяцѣ, прошелъ шестьдесять верстъ, и явившись въ лагерь, двинулся прямо въ прикрытіе центральныхъ батарей. Тамъ онъ сталъ сомкнутою колонною и заснулъ мертвымъ сномъ, оставивъ бодрствовать однихъ часовыхъ.

Переходъ баталіона, при описанныхъ условіяхъ, былъ баснословный. Не будь выступленіе и прибытіе его сопряжено съ такими памятными событіями, можно было бы усумниться въ правильности исчисленія времени; но обстоятельства были исключительныя и хорошо памятныя. Слава о быстротѣ движеній стрѣлковаго баталіона ходила въ отрядѣ еще со времени поисковъ на Соукъ-су и на разныя рекогносцировки; но въ этотъ разъ онъ превзошелъ всякія ожиданія. Начальникъ отряда не находилъ словъ для похвалы своей гвардіи, какъ онъ величалъ стрѣлковый баталіонъ, содержавшій при немъ безсмѣнный караулъ съ самаго выхода заграницу.

Всю ночь войска спали на позиціи. Между тѣмъ, раненые и армяне нагружались на арбы—въ виду выяснившейся необходимости дальнѣйшаго отступленія, а обозъ начали облегчать отъ тяжестей, которыя вмѣстѣ съ складами готовили къ сожженію. Въ полночь, на 17-е число, подъ прикрытіемъ кавалеріи, госпиталь и жители тронулись въ путь, а за часъ до разсвѣта стали отступать войска—сначала оба фланга, а потомъ центръ. Всѣ склады были зажжены. Стрѣлковый баталіонъ шелъ въ этотъ разъ въ резервѣ арріергарда. Часамъ къ семи отрядъ уже былъ внѣ опасности сраженія въ дефиле; а за полдень, послѣ незначительной перестрѣлки съ черкесами, сталъ на отдыхъ и на ночлегъ за рѣкой Хопусъ, подлѣ зимовника Молла-Османъ. Стрѣлки, освобожденные отъ аванпостовъ, сварили горячую пищу и отдохнули.

Послѣ полуночи, съ 18-го на 19-е число, обозъ съ госпиталемъ и жителями тронулся дальше. По мѣрѣ движенія, количество жителей увеличивалось прибывающими вновь, и транспортъ растянулся на много верстъ, походя на переселеніе народовъ изъ Азіи въ Европу. Нѣкоторые, какъ напримѣръ, жители Молла-Сулеймана и другихъ, католическаго исповѣданія, относившіеся къ приходу русскихъ индиферентно, первоначально остались на своихъ мѣстахъ; но послѣ расправы, произведенной черкесами 16-го числа, которую мы слышали проходя верстахъ въ трехъ въ сторонѣ отъ деревни, уцѣлѣвшая половина жителей ночью прибѣжала къ намъ, побросавъ нетолько всѣ пожитки, но частью и семейства.

Поутру, 19-го числа, когда дали знать, что хвостъ обоза отошелъ верстъ шесть, тронулись и войска.

Часовъ въ одиннадцать отрядъ пришелъ въ Кара-Килиса и остановился. Здѣсь были уже жители, обозъ, паркъ и госпиталь. Все это сгромоздилось въ безпорядкѣ, стѣсненное болотами и непроходимыми топкими ручьями. Входъ и выходъ съ этой поляны былъ по единственной дорожкѣ, а во всѣхъ остальныхъ мѣстахъ своротить съ дороги—значило завязнуть окончательно. Впереди этихъ болотъ, за рѣкой, къ сторонѣ Зейдекана, была невысокая, довольно обширная возвышенность, обращенная отлогостью къ Зей-

декану и крутымъ скатомъ къ нашей лагерной стоянкѣ, вся обнесенная съ этой стороны бруствером, съ батареями, устроенными турками еще до начала кампаніи, такъ что лагерь былъ подъ ружейнымъ огнемъ этихъ укрѣпленій. Для защиты отъ нападенія со стороны Зейдекана, эта возвышенность не представляла никакихъ удобствъ; почему, отправляя обозъ подъ командою начальника своего штаба, начальникъ отряда поручилъ ему избрать позицію по ту сторону Кара-Килиса, на возвышенности, командующей деревней и выходами чрезъ болота. И когда, подойдя къ Кара-Килиса, всѣ увидѣли занятую позицію, то, послѣ зейдеканской катастрофы, признали ее крайне неудобною. Но дѣлать нечего, пришлось поставить тутъ же между болотами и утомленныя войска, чтобы прикрыть жителей и своихъ раненыхъ.

Причина этой ошибки въ выборѣ позиціи неизвѣстна, но послѣдствія ея не замедлили сказаться. Часу въ первомъ, съ аванпостовъ дали знать, что турки наступаютъ. Не было сомнѣнія, что это не одни черкесы, которые, въ виду нашей громадной кавалеріи, не осмѣлились бы показаться на обширной кара-килисской полянѣ. Войска были тотчасъ вызваны въ ружье, и по необходимости пришлось стать въ боевомъ порядкѣ на возвышенности впереди болотъ. Стрѣлковый баталіонъ былъ поставленъ въ первой линіи съ конной батареей кубанскаго казачьяго войска; остальная артилерія оставлена была въ лагерѣ, какъ нужно полагать, не столько по неимѣнію въ виду сраженія или съ цѣлью задержать противника, сколько по трудности потомъ отступленія чрезъ дефиле между болотами. Жителямъ же и обозу приказано было немедленно перебраться на позицію по ту сторону Кара-Килиса.

Едва войска успѣли размѣститься, какъ показались турецкія колонны, которыя, ставъ на пушечный выстрѣлъ, предприняли движеніе въ обходъ нашего праваго фланга и, окончивъ захожденіе, часу въ третьемъ, открыли артилерійскій огонь по этому флангу и открытому съ той стороны лагерю. Ужасъ жителей, не успѣвшихъ убраться, былъ невообразимый. Они тѣснили другъ друга, сбивали съ дороги, вязли съ арбами въ болотѣ, сбрасывали свои пожитки и, спасая только дѣтей, бѣжали отъ гранатъ. Пере-

вязочный пунктъ также не пощаженъ былъ турками. Но, ко всеобщему благополучію, ихъ гранаты не производили никакого вреда, увязая безъ взрыва въ болотахъ. Съ часъ еще должны были простоять войска въ ожиданіи, пока перевезли на войсковыхъ фургонахъ раненыхъ, и пока бѣжали жители. Затѣмъ, начали отступать въ боевомъ порядкѣ; но, дойдя до болотъ и увидѣвъ невозможность переправиться чрезъ нихъ, стали стягиваться къ дорогѣ и смѣшались на ней. Стрѣлковый баталіонъ, выдвинутый впередъ и сдѣлавшій съ 18-мъ переяславскимъ драгунскимъ полкомъ, по захожденіи турокъ, перемѣну фронта, отступилъ съ драгунами же самымъ послѣднимъ, имѣя за собою одинъ казачій пикетъ, оставленный на брустверѣ укрѣпленія для наблюденія за непріятелемъ. Множество тяжестей, провіантскій магазинъ съ пшеницей и мукой въ Кара-Киліса были зажженны, и брошенъ въ 60-ти войсковыхъ печахъ испеченый уже хлѣбъ. Перебравшись на позицію по ту сторону деревни, отрядъ сталъ въ боевомъ порядкѣ и, окопавшись ложементами, заночевалъ.

Съ отступленіемъ нашимъ, турки заняли редутъ, а черкесы, забравшись въ деревню, начали грабить. Неизвѣстно, почему они, во время нашего отступленія, не рѣшились напасть болѣе настойчиво. Еслибы они дѣйствовали рѣшительнѣе, то врядъ ли десятая часть изъ насъ ушла бы благополучно. Такъ или иначе, а отрядъ перебрался чрезъ дефиле, на разстояніи около четырехъ верстъ, не потерявъ ни одного человѣка.

Всѣ эти тревоги отзывались утомленіемъ и крайними неудобствами не на насъ однихъ: съ самаго Зейдекапа, съ 16-го числа, и генералъ Тергукасовъ, въ одномъ легкомъ пальто, обыкновенно располагался на землѣ, въ передней линіи, почти всегда въ средѣ стрѣлковаго баталіона. Это раздѣленіе съ войскомъ всѣхъ тягостей, недостатковъ и безсонныхъ ночей чрезвычайно влекло къ нему сердца подчиненныхъ; они видѣли его всюду въ мѣстахъ наибольшей опасности, и потому безропотно несли свой крестъ. Такъ и въ этотъ разъ, въ ночь на 20-е число, онъ отдыхалъ шагахъ въ 20-ти отъ стрѣлковъ, и, замѣтя огонекъ, прислалъ ординарца просить у офицеровъ стаканъ чаю. Всѣ засуетились согрѣть мѣд-

ные чайники; едва набрали въ складчину послѣднихъ кусочковъ пять сахару и послали съ тѣмъ же ординарцемъ. На другой день отъ отряднаго адъютанта мы узнали, что Арзасъ Артемьевичъ подѣлился съ нимъ этимъ чаемъ и пилъ его первый разъ за три дня.

Получивъ свѣдѣніе, что обозъ и жители уже на высотѣ деревни Зпро, отрядъ въ полночь тихо началъ отступать. Стрѣлки шли съ арріергардной колонной. На разсвѣтѣ, на рѣкѣ Ташлы-чай имѣли привалъ, не заставъ уже тамъ обоза, ушедшаго въ Сурпъ-Оганесъ. Нужно замѣтить, что съ Зейдекана войска уже шли безъ сухарей, и только при случаѣ солдаты варили себѣ болтушку или галушки изъ муки, которую бросали жители, а также рѣзали брошенныхъ по дорогѣ отсталыхъ телятъ и молодыхъ буйволовъ. Подкрѣпивъ себя и на этотъ разъ такимъ завтракомъ, отрядъ окончилъ переходъ въ сорокъ верстъ въ Сурпъ-Оганесъ часамъ къ четыремъ пополудни, ставъ на позицію, которую занималъ въ началѣ похода, и имѣя жителей за собою на Ефратѣ.

Отъ Сурпъ-Оганеса до Баязета оставалось верстъ шестьдесять, но никто не имѣлъ положительно никакихъ извѣстій о томъ, уцѣлѣлъ ли гарнизонъ, или погибъ, такъ какъ уже миновалъ срокъ ихъ возможной защиты. Окрестные армяне ничего не знали, а курды всѣ были на сторонѣ турокъ. Какъ только баталіонъ расположился около Сурпъ-Оганеса, къ подполковнику фонъ-Барделіусу пришелъ въ гости начальникъ эриванской куртинской сотни Эюбъ-Ага, его пріятель еще по связямъ фонъ-Барделіуса съ его отцомъ въ минувшую кампанію 1855-го года. Уже давно Эюбъ-Ага былъ заподозрѣнъ въ сношеніяхъ съ Измаилъ-пашею (Кюрдъ-паша) своимъ родственникомъ; но не имѣлось уликъ. За чаемъ, въ пріятельской бесѣдѣ, въ пылу расположенія своего къ фонъ-Барделіусу, онъ высказался ему, что по горамъ мимо насъ проѣхала турецкая почта, съ приказаніемъ баязетскому блокадному корпусу выйдти къ намъ навстрѣчу съ артилеріей на діадинскій перевалъ, а съ тыла долженъ напасть самъ Измаилъ-паша. Какъ только Эюбъ-Ага удалился, подполковникъ фонъ-Барделіусъ довелъ до свѣдѣнія начальника отряда эту новость, имѣвшую весьма важное вліяніе

на ходъ дальнѣйшихъ дѣйствій нашего отряда. Предполагалось мимоходомъ зайти въ Баязетъ и одновременно, прикрывая бѣгство жителей въ Эриванскую губернію, освободить и гарнизонъ; теперь же это оказалось совершенно невозможнымъ, и предстояло сдѣлать неожиданную диверсію—для избѣжанія столкновенія съ двухъ сторонъ. Отъ войска это было сохранено втайнѣ.

Масса армянскихъ жителей, теперь уже доходившая до трехъ тысячъ семействъ, тронулась снова въ путь часовъ въ десять вечера, 20-го числа, подъ прикрытіемъ всей кавалеріи. Отрядъ же тронулся въ полночь, давъ пройти жителямъ верстъ шесть, и на разсвѣтѣ, подойдя къ Діадину, неожиданно повернулъ влѣво на Даракъ, оставивъ діадинскій подъемъ верстахъ въ пяти вправо. Когда наше движеніе выяснилось, скрытый турецкій отрядъ высыпалъ на вершину, но, не смѣя ничего предпринять, ограничился однимъ наблюденіемъ нашего церемоніальнаго шествія.

Часа въ два пополудни, 21-го числа, отрядъ подошелъ къ долинѣ рѣки Дарака и засталъ здѣсь всѣхъ переселенцевъ съ обозомъ. Эта стоянка была новымъ сюрпризомъ, озадачившимъ нашего достойнѣйшаго начальника отряда. Долина Дарака—это небольшая котловина на подъемѣ балыхъ-гельскаго отрога агрыдагскаго хребта. Котловина эта, шириною тысячи въ двѣ шаговъ и длиною тысячи въ четыре, съ трехъ сторонъ замкнута горами, которыхъ командующія вершины значительно удалены и не представляютъ никакихъ удобствъ для защиты. Путь отступленія отсюда представляетъ чрезвычайно узкое и крутое дефиле, вначалѣ поднимающееся на Балыхъ-гель, а потомъ спускающееся съ него на протяженіи верстъ семи. Если занять хотя одну сторону высотъ, образующихъ дефиле, то не представляется никакой возможности пройти по немъ обозу и артилеріи, такъ какъ въ иныхъ мѣстахъ вершины подходятъ одна къ другой на половину дальняго ружейнаго выстрѣла. Остановка въ такой ловушкѣ нетолько съ такимъ обозомъ, какъ нашъ, но даже и съ одною артилеріею, грозила величайшею опасностью. Выбрана была эта позиція начальникомъ обоза, принявшимъ рѣку Даракъ за рѣку Балыхъ-чай, а котловину за мысунскую долину,—тогда какъ послѣдняя находится

предъ Агры-дагомъ и прилегаетъ къ нашимъ предѣламъ. Разницу въ этой мѣстности знали настолько жители, но и на пятиверстной картѣ она безошибочно обозначена. Опять дѣлать нечего: исправлять ошибку было уже поздно, потому что всѣ жители и раненые были расположены, и отряду больше ничего не оставалось, какъ стать на ночлегъ въ этой ловушкѣ.

Часовъ въ шесть вечера турки снова насъ напали. По приказанію генерала Тергукасова, часть войскъ, съ конно-казачьей батареей, вышла съ полверсты навстрѣчу непріятелю, на незначительную возвышенность, закрывающую со стороны подступа нашу котловину, набитую обозомъ, переселенцами и войсками до невѣроятія. Съ обѣихъ сторонъ открыта была артилерійская канонада, съ сумерками безвредно окончившаяся, но вынудившая войска спать на позиціи въ аммуниціи и съ ружьями.

Съ наступленіемъ темноты, тотчасъ начали снаряжать переселенцевъ и раненыхъ въ путь, отправивъ для прикрытія ихъ въ мысунскую долину драгунскій полкъ и часть казаковъ. Цѣлую ночь войска помогали имъ взбираться на подъемъ, и едва къ утру послѣднія повозки были подняты; весь же запасный паркъ и вся артилерія были еще скучены въ густой колоннѣ предъ подъемомъ. Приходилось готовиться къ сраженію на послѣдніе патроны, чтобы спасти артилерію и съ нею честь нашего отряда.

Артилерійскій паркъ и большую половину артилеріи, какъ не имѣющую ударныхъ гранатъ, втащили въ устье дефиле и помѣстили скрытно за выступомъ, предъ самымъ крутымъ и труднымъ подъемомъ, положительно колесо къ колесу. Баталіонъ или полтора пѣхоты приставили къ нимъ, чтобы втаскивать ихъ людьми на гору; затѣмъ, остальнымъ войскамъ предстояло размѣститься для отраженія непріятеля. Какъ уже упомянуто выше, предъ котловиной Дарака была небольшая возвышенность, прикрывавшая насъ отъ наблюденія противника; правый флангъ ея упирался въ очень длинный отрогъ Балыхъ-геля, способствовавшій имъ удобно обойти насъ. Въ случаѣ его занятія, туркамъ приходилось отступать чрезъ котловину подъ перекрестнымъ огнемъ и сбиться въ кучу у устья дефиле. Для рѣшенія вопроса о томъ,

гдѣ избрать позицію, собрались начальствующія лица на совѣщаніе къ начальнику отряда.

Ружейная перестрѣлка впереди на аванпостахъ уже гремѣла. Стрѣлковый баталіонъ, какъ обладающій оружіемъ, могущимъ бить чрезъ всю ширину котловины, посланъ былъ во вторую линію назадъ, на холмы, образующіе устье дефиле. Размѣщеніе ротъ по горамъ, пересѣченнымъ громадными оврагами, было поручено маіору Цезарскому. Когда поднялись на горы, гдѣ горизонтъ зрѣнія при первыхъ лучахъ солнца значительно расширился, замѣтили на дальнемъ отрогѣ праваго фланга темную, какъ будто двигавшуюся полосу. Аванпостная перестрѣлка тянулась въ центрѣ уже съ четверть часа, но безъ всякой перемѣны, такъ что дѣлалось несомнѣннымъ, что она поддерживается только, какъ демонстрація; а весь турецкій корпусъ дѣлаетъ обходъ нашего праваго фланга, чтобы напасть на обозъ и запереть намъ выходъ. Оставивъ роты, маіоръ Цезарскій тотчасъ поспѣшилъ къ начальнику отряда, котораго и засталъ на упомянутомъ выше совѣщаніи объ избраніи позиціи. Выслушавъ докладъ, генералъ Тергукасовъ вначалѣ предположилъ, что замѣченный обходъ скорѣе демонстрація, чѣмъ серьезная перемѣна фронта; но послѣ объясненія, что въ двигающейся полосѣ виднѣются промежутки съ лошадьми, какъ-бы съ вьючной артилеріей, убѣдился въ маневрѣ турокъ. Арзасъ Артемьевичъ послалъ начальника штаба полковника Филипова и командира кавказскаго казачьяго полка полковника Кирьякова для осмотра и несомнѣннаго вывода о направленіи турокъ, съ тѣмъ, чтобы полковникъ Кирьяковъ, съ своимъ полкомъ, дѣйствовалъ бы потомъ наперерѣзъ непріятелю. Когда эти лица, вмѣстѣ съ Цезарскимъ, поднялись на горы, то къ тому времени движеніе турокъ обозначилось совершенно ясно, и всѣ сомнѣнія исчезли. Тотчасъ посланъ былъ курьеръ къ князю Амплахвари, чтобы онъ, оставивъ обозъ, шелъ изъ долины Мысунъ на Балыхъ-гель навстрѣчу туркамъ,—а наперерѣзъ отсюда посланъ казачій полкъ; остальныя же войска поставлены по горамъ, прикрывающимъ устье дефиле, двѣ батареи внизу замкнули его входъ, а стрѣлковый баталіонъ—по холмамъ правой стороны его, прикрывъ правый флангъ и подступы чрезъ долину.

Въ семь часовъ турки, поставивъ батарею изъ двухъ орудій на высотѣ праваго фланга стрѣлковаго баталіона, начали осыпать его гранатами. Четыре часа длилась эта канонада совершенно безвредно, такъ какъ, по счастливому сочетанію мѣстности, роты были расположены на трехъ холмахъ, раздѣленныхъ глубокими, почти отвѣсными оврагами, невидимыми со стороны непріятеля. Большинство гранатъ, падая между ротами, разрывалось именно въ этихъ оврагахъ, и только одна изъ нихъ чуть не надѣлала бѣдъ, перелетѣвъ роты и очутившись въ дефиле, гдѣ спрятанъ былъ паркъ. Но и здѣсь дѣло обошлось счастливо. Къ полудню паркъ и артилерія были перевалены чрезъ подъемъ, и войска начали отступать уступами. Въ часъ пополудни стрѣлковый баталіонъ, оставивъ свою позицію, послѣдовалъ въ арріергардѣ, а часамъ къ тремъ спустился въ долину Мысунъ и, получивъ въ догонку одну прощальную гранату, сталъ на привалѣ на рѣкѣ Балыхъ-чай, внѣ выстрѣловъ. Тутъ баталіонъ уже вздохнулъ свободно... Позади его былъ каравансарайскій перевалъ съ родными предѣлами, а въ перспективѣ ожидались сухари, хлѣбъ, вино и патроны. Не обращая вниманія на прозѣвавшихъ насъ турокъ, солдатики запялись варкою послѣднихъ отсталыхъ телятъ и козъ и закусили мясомъ безъ соли въ первый разъ за двое сутокъ похода, тревоги и боя ([29]).

Уже ночью стрѣлковый баталіонъ, снова въ арріергардѣ, двинулся дальше и, поднявшись на Агры-дагъ, около полупочи сталъ на ночлегъ возлѣ развалинъ стараго Караванъ-Сарая, въ своихъ предѣлахъ, въ мѣстности совершенно безводной. Съ разсвѣтомъ, 23-го числа, отрядъ началъ спускаться въ долину Аракса. Послѣ горнаго воздуха на высотахъ и въ долинѣ Ефрата въ шесть тысячъ футовъ абсолютной высоты, жаръ на сѣверномъ склонѣ Агры-дага показался невыносимымъ. На всемъ переходѣ не было и капли воды; лавовые камни накалились, и ѣдкая пыль золы душила людей и животныхъ,—лошади отказывались тянуть внизъ пустые патронные ящики и даже выпряженныя останавливались; и никакіе побои не могли заставить ихъ двигаться,—онѣ положительно очумѣли. Въ полдень баталіонъ добрался до Чарухчи и въ

полномъ изнеможеніи повалился въ садахъ деревни. Куда дѣвался орлиный видъ стрѣлковъ? Все лежало изнуренное, почернѣвшее, съ запекшимися губами и закорузлымъ лицомъ... Тяжело было смотрѣть на этихъ удалыхъ, мужественныхъ, безропотныхъ людей. Вотъ только когда сказались послѣдствія того необычайнаго напряженія нравственныхъ и физическихъ силъ въ теченіи девяти дней отступленія, которое съ миновавшемъ надобности ихъ оставило, и герои превратились въ безсильныхъ дѣтей.

Здѣсь узнали мы, что наши боевые собраты еще страдаютъ въ Баязетѣ, что нужно спѣшить—спасти ихъ отъ голода и жажды. И всѣ снова воспрянули; у всѣхъ снова загорѣлось желаніе—въ Баязетъ, въ Баязетъ!...

ГЛАВА XII.

Прибытіе въ Игдырь. Движеніе къ Баязету. Подвигъ ефрейтора Михаила Злобина и унтеръ-офицера Демьяна Игнатовскаго. Пораженіе турокъ и освобожденіе Баязета отъ блокады. Отступленіе въ Игдырь. Высочайшая благодарность. Смотръ Главнокомандующаго. Награды.

24-го іюня баталіонъ съ отрядомъ перешелъ въ Игдырь.

25-го числа была дневка—для поправки силъ людей и лошадей и приведенія въ исправность матеріальной части, пополненія сухарей и огнестрѣльныхъ снарядовъ.

26-го, отрядъ безъ обоза, съ усиленной запряжкой артилеріи, поднялся на орговскій постъ, 27-го перешелъ чингильскій перевалъ, и сдѣлавъ три сигнальныхъ выстрѣла картечными гранатами, спустился къ озеру Кара-Булахъ, гдѣ ночевалъ при впаденіи рѣки Курду-гулъ.

28-го, на разсвѣтѣ, миновавъ поворотъ и оставивъ противъ діадинской дороги три баталіона пѣхоты (отъ крымскаго, ставропольскаго полковъ и мѣстнаго эриванскаго баталіона) съ 10-ю орудіями, для прикрытія своего тыла отъ атаки Измаилъ-паши,

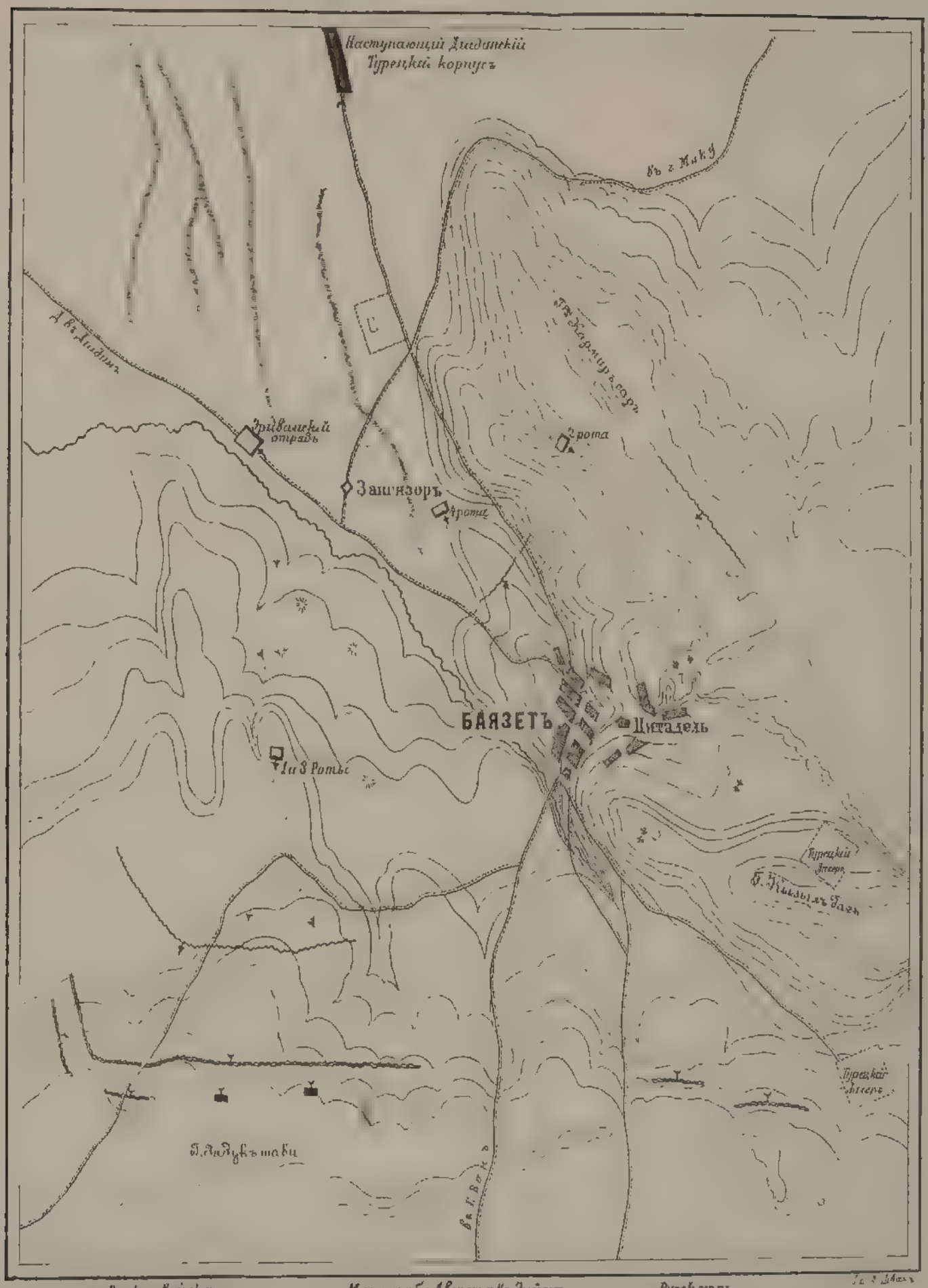
который стоялъ у Мысупа, отрядъ направился къ Баязету и часамъ къ 10-ти утра неожиданно явился предъ нимъ (*). Маневръ этотъ былъ замѣчательно рискованный, но прекрасно расчитанный по времени. Отъ поворота дороги до Мысупа было около 25-ти верстъ, а до Баязета около 15-ти; слѣдовательно, отрядъ имѣлъ время, сдѣлавъ неожиданное нападеніе на Баязетъ, возвратиться обратно къ своему арріергарду ко времени прибытія туда по тревогѣ Измаила-паши.

При первомъ подступѣ къ Баязету, стрѣлковый баталіонъ былъ оставленъ въ прикрытіи 4-й батареи 19-й артилерійской бригады, но вскорѣ, по приказанію начальника пѣхоты генералъ-маіора Броневскаго, три взвода 1-й роты и вся 3-я рота, подъ командою старшаго изъ ротныхъ командировъ капитана Сафонова, направлены были вправо для занятія высотъ, гдѣ замѣчено было движеніе турокъ въ обходъ нашего праваго флапга. Когда поднялись на первую гряду высотъ, за нею оказалась на прицѣльный ружейный выстрѣлъ другая, сю командующая, за второй третья и т. д. Переходя такимъ образомъ съ одной гряды на другую для избранія наивыгоднѣйшей позиціи, роты зашли слишкомъ далеко и совершенно потеряли связь съ остальными войсками. Видя, что впереди предстоитъ еще продолженіе подобной же мѣстности, роты наконецъ были остановлены. Турки, въ количествѣ табора или двухъ, продолжая спускаться по подобной же мѣстности, то обнаруживались на вершинахъ, то скрывались въ лощинахъ. Сознавъ крайнюю свою отдаленность, невыгоду позиціи и неравенство силъ, капитанъ Сафоновъ затруднился въ дальнѣйшемъ образѣ своихъ дѣйствій, но не рѣшался вмѣстѣ съ тѣмъ и отодвинуться назадъ. По совѣщаніи съ другимъ изъ ротныхъ командировъ, рѣшено было послать съ донесеніемъ о подкрѣпленіи, какъ вдругъ, явился сфрейторъ 3-й роты Михаилъ Злобинъ съ просьбою—разрѣшить ему пе-

(*) Для освобожденія Баязета составленъ былъ отрядъ изъ всѣхъ войскъ, за исключеніемъ эриванскаго мѣстнаго баталіона, трехъ казачьихъ и трехъ конно-иррегулярныхъ сотенъ и взвода 2-й батареи 38-й артилерійской бригады, которые остались на перевалѣ. (Официально).

Ред.

ПЛАНЪ Г. БАЯЗЕТА



ревалиться еще чрезъ одну гряду и разсмотрѣть количество наступающихъ турокъ. Давъ ему разрѣшеніе, Сафоновъ остановился въ ожиданіи результатовъ его изслѣдованія. Вскорѣ, испросивъ такое же разрѣшеніе, догналъ Злобина унтеръ-офицеръ Демьянъ Игнатовскій. Перебравшись еще чрезъ два перевала, Злобинъ захватилъ турокъ спускающимися съ третьяго гребня и, недолго думая, открылъ изъ за скалы самую частую пальбу въ колонну. Подоспѣвшій Игнатовскій помогъ товарищу. Вначалѣ турки продолжали спускаться, но, по мѣрѣ приближенія, они начали нести такія чувствительныя потери, что смѣшались, остановились и завязали перестрѣлку, а потомъ и попятились на гору обратно. Увлеченный успѣхомъ, Злобинъ не выдержалъ и поднялся, чтобы выстрѣлить стоя; но тотчасъ палъ, пораженный пулею въ лобъ отъ залпа цѣлаго табора озлобленныхъ турокъ. Полтораста патроновъ было выпущено этими двумя храбрецами въ теченіи нѣсколькихъ минутъ... И на ихъ мужественномъ сопротивленіи остановилась рѣшимость турокъ, а подоспѣвшая цѣпь ротъ окончательно ихъ отбросила. Этимъ характернымъ эпизодомъ и закончилось участіе двухъ ротъ въ баязетскомъ бою.

2-я и 4-я роты были направлены на лѣвый флангъ для дѣйствія противъ непріятеля, засѣвшаго въ старой крѣпости противъ цитадели. Крѣпость эта, построенная на выступѣ скалы, замыкающей городъ съ сѣверо-восточной стороны, представляющая собою орлиное гнѣздо надъ пропастью, имѣла сообщеніе только по одной узенькой тропинкѣ, обстрѣливаемой съ домовъ непріятелемъ, а въ центрѣ позиціи, рядомъ съ крѣпостью, находилась турецкая горная батарея.

Для облегченія войскъ, дѣйствовавшихъ противъ этой крѣпости, 2-я рота была направлена въ обходъ съ сѣверной стороны на гору Кармиръ-Саръ. По первому взгляду, она казалась вовсе недоступною, почти отвѣсною скалою; но послѣ двухъчасоваго карабканья, съ помощью рукъ и взаимныхъ подсаживаній, 2-я рота взобралась и, ставъ надъ крайней батареей, осыпала ее пулями. Послѣ четверти часа, батарея замолкла; орудія попытались увезти на мулахъ, но едва отвезли шаговъ сто, мулы были побиты, и

пушки брошены. Между тѣмъ, взводъ 4-й роты, занявшей городъ, постепенно подобравшійся къ крѣпости, руководимый въ своемъ наступленіи наставленіями гарнизона изъ цитадели, взобрался на выступъ, командующій крѣпостью, и сначала открылъ убійственный огонь сверху, а потомъ бросился поодиночкѣ въ старый проломъ стѣны въ штыки. Турки въ ужасѣ не стали и защищаться, но озлобленные стрѣлки моментально перекололи около семидесяти человѣкъ и двухъ офицеровъ. Тридцать шесть человѣкъ сдались въ плѣнъ, а остальные бѣжали.

Покончивъ дѣло въ крѣпости, собравшаяся уже вся 4-я рота направилась на центръ, гдѣ огонь 2-й роты продолжалъ производить опустошенія уже около другой центральной батареи и въ лагерѣ. Шагахъ въ двухстахъ отъ нея стояло брошенное орудіе. Поручикъ Крючковъ, придерживаясь буквы полученнаго приказанія, не разрѣшалъ своей ротѣ спуститься и овладѣть имъ; а потому, оно досталось 4-й ротѣ, которая, видя, что невдалекѣ турки собираются установить другое орудіе, бросивъ захваченное въ кучу (*), устремилась на другое. Огонь обѣихъ ротъ заставилъ турокъ оставить и это орудіе, взятое снова 4-ю ротою и сохраненное за собою.

Вслѣдствіе такого же пораженія и на другихъ пунктахъ, часовъ въ шесть пополудни сраженіе окончилось всеобщимъ бѣгствомъ блокаднаго корпуса, съ потерею четырехъ орудій и лагеря съ вещами и запасами, доставшихся побѣдителямъ.

Только по нанесеніи полнаго пораженія непріятелю, получено было извѣстіе, что со стороны Діадина турки спѣшатъ навыручку своего корпуса и открыли канонаду по выдвинутой впередъ на этой дорогѣ кавалеріи. Десять девятифунтовыхъ орудій, подъ прикрытіемъ трехъ ротъ стрѣлковаго баталіона, были отозваны назадъ и выдвинуты на высоты, замыкающія выходъ діадинской дороги. Остановивъ дальнѣйшее наступленіе турокъ, колонна эта почевала на позиціи.

4-я же рота баталіона, съ полусотнею казаковъ, была выстав-

(*) Брошенное орудіе было подобрано крымскимъ полкомъ.

Авт.

лена впредь до особаго приказанія—для прикрытія выхода нашего гарнизона изъ цитадели. По отступленіи, ей велѣно было зажечь городъ. Въ девять часовъ она отступила къ отряду, который ночевалъ верстахъ въ пяти отъ Баязета.

29-го, съ разсвѣтомъ, отрядъ благополучно отступилъ на Карабулахъ, не будучи тревожимъ Измаилъ-пашой, который, послѣ полученнаго наканунѣ разгромленія, не осмѣлился нападать.

30-го отрядъ ночевалъ на орговскомъ посту, а 1-го іюля вернулся въ Игдырь, гдѣ стрѣлковый баталіонъ былъ поставленъ въ садахъ въ резервѣ.

Этого же числа, въ приказѣ по войскамъ эриванскаго отряда, объявлена была сему послѣднему благодарность Государя Императора въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Войска эриванскаго отряда! Слишкомъ три недѣли вы провели среди лишеній, въ безпрерывныхъ трудахъ, походахъ и сраженіяхъ, и не оставили непріятелю ни одного изъ 600 раненыхъ и больныхъ, и спасли болѣе 20,000 человѣкъ тѣхъ несчастныхъ христіанъ турецкой Арменіи, которымъ угрожала смерть отъ неистовства башн-бузуковъ. Наконецъ, 23-го іюня достигли вы предѣловъ отечества, но на васъ еще лежала священная обязанность спасти своихъ товарищей, осажденныхъ въ баязетской цитадели. Въ то время, какъ вы сражались въ горахъ Драмъ-дага и на равнинахъ Алашкерта, гарнизонъ баязетской цитадели, атакованный регулярными непріятельскими войсками и огромными скопищами курдовъ и башн-бузуковъ, геройски боролся съ неравными силами, испытывая необычайныя лишенія. Томимый голодомъ и жаждой, гарнизонъ цѣною крови добывалъ себѣ воду, можно сказать, по каплѣ изъ ручья, заваленнаго гніющими трупами. Но, несмотря на всѣ страданія, гарнизонъ съ презрѣніемъ отвергалъ унизительныя для русскаго оружія неоднократныя предложенія непріятеля. Доведенный лишеніями до крайней степени изнеможенія, онъ уже рѣшился умереть со славой, но въ это время явились вы спасителями собратій.

„Войска эриванскаго отряда! Едва возвратились вы изъ труднаго похода, какъ вѣсть о несчастномъ положеніи товарищей при-

звала васъ къ новымъ подвигамъ. Я видѣлъ утомленіе моего отряда, но видѣлъ и нетерпѣніе его броситься на помощь погибавшимъ, а потому, не давъ вамъ необходимаго отдыха, я немедленно повелъ васъ къ стѣнамъ Баязета. 28-го іюня вы атаковали 13-ти тысячный непріятельскій корпусъ, при 13-ти орудіяхъ, занявшій почти недоступныя вершины скалъ, окружающихъ Баязетъ. Послѣ восьмичасовой перестрѣлки, вы взяли штурмомъ непріятельскую позицію, покрытую его тѣлами, и овладѣли четырмя орудіями, всѣмъ лагеремъ и большими военными запасами.

„Объ этихъ новыхъ подвигахъ ввѣреннаго мнѣ отряда я имѣлъ счастіе донести Его Императорскому Высочеству Августѣйшему Главнокомандующему слѣдующей телеграммой: „сегодня въ 8-мь часовъ утра войска ввѣреннаго мнѣ отряда, въ составѣ 8-ми баталіоновъ, 24-хъ орудій, 15-ти сотенъ и 4-хъ эскадроновъ атаковали непріятельскій 13-ти тысячный корпусъ, осаждавшій цитадель. Послѣ восьмичасовой перестрѣлки и канонады, войска взяли штурмомъ командующія городомъ высоты. Весь непріятельскій корпусъ наголову разбитъ и разсѣянъ. Сверхъ нанесенной ему огромной потери убитыми и ранеными, взято четыре орудія, около 80-ти плѣнныхъ, весь лагерь и много военныхъ и другихъ запасовъ. Цитадель освобождена, гарнизонъ ея и всѣ больные и раненые до послѣдняго человѣка выведены, такъ какъ городъ, разрушенный до основанія послѣдними событіями, лишился военнаго значенія. Съ нашей стороны потеря весьма незначительна, но въ точную извѣстность еще не приведена. Всѣ роды войскъ мужествомъ и братскимъ содѣйствіемъ явили себя попрежнему достойными всякой похвалы. Имѣю счастіе поздравить Ваше Высочество съ освобожденіемъ геройскаго гарнизона, бодро выдержавшаго двадцатитрехдневную осаду при чрезвычайныхъ лишеніяхъ всякаго рода“. На это донесеніе я былъ осчастливленъ слѣдующимъ отвѣтомъ Его Высочества: „Отъ всего сердца поздравляю, благодарю и обнимаю. Его Величество изволилъ приказать поздравить васъ съ Георгіемъ 3-й степени, передать свое спасибо всѣмъ начальникамъ, офицерамъ и нижнимъ чинамъ; поспѣшите представить всѣхъ отличившихся. Государь желаетъ знать, кто составлялъ

гарнизонъ баязетской цитадели, и кто имъ командовалъ. Надѣюсь, до скораго свиданія. Михаилъ".

„Войска эриванскаго отряда! Теперь вы вдвойнѣ счастливы: и доблестнымъ исполненіемъ священнѣйшихъ обязанностей воиновъ, и заслуженнымъ Царскимъ „спасибо".

„Войска бывшаго баязетскаго гарнизона! Въ этомъ приказѣ я перечислилъ лишь вкратцѣ геройскіе подвиги ваши посреди необычайныхъ лишеній и страданій, подвиги, достойные русскаго солдата, которые навсегда останутся примѣромъ вашимъ потомкамъ, и которые такъ милостиво оцѣнены Государемъ Императоромъ и нашимъ Августѣйшимъ Главнокомандующимъ. Я твердо увѣренъ, что вы всегда останетесь достойными славы, вами заслуженной, милостей возлюбленнаго Государя и благодарности отечества.

„Приказъ этотъ прочесть во всѣхъ ротахъ, эскадронахъ, сотняхъ и батареяхъ".

За баязетское сраженіе командиръ 4-й роты поручикъ Селлиненъ, по представленію, награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени, а впослѣдствіи, по рапорту, удостоенъ этого же креста и командующій 3-ю ротою поручикъ Крючковъ. Онъ же за это же сраженіе, по первоначальному представленію, получилъ и Владиміра 4-й степени съ мечами и бантомъ. Кромѣ этихъ наградъ, въ баталіонѣ получили: поручикъ Алдатовъ орденъ Владиміра 4-й степени съ мечами и бантомъ, подпоручики Хабаровъ и Черкесовъ ордена св. Станислава 3-й степени съ мечами и бантомъ, Невтоновъ и Зайцевъ ордена св. Анны 4-й степени на сабли съ надписью „за храбрость", и поручикъ Козыревъ произведенъ въ слѣдующій чинъ.

2-го іюля, послѣ благодарственнаго молебствія за дарованныя нашему оружію побѣды и за благополучное освобожденіе баязетскаго гарнизона отъ 23-хъ дневной блокады, произведена раздача достойнѣйшимъ нижнимъ чинамъ знаковъ отличія военнаго ордена—по 7-ми на роту, эскадронъ и батарею. Стрѣлковый баталіонъ при этомъ подведенъ подъ одинаковую съ прочими норму; но чрезъ нѣсколько дней начальникъ отряда выразилъ ему свое вниманіе

двукратнымъ добавленіемъ крестовъ (о чемъ будетъ упомянуто ниже).

Отдохнувъ дня два, баталіонъ началъ готовиться для встрѣчи Главнокомандующаго, такъ какъ Его Императорское Высочество извѣстилъ, что скоро изволитъ прибыть. Люди начали мыться, скоблиться, чинить свою обувь и платье. Бань не было, и грязнѣйшія, забитыя навозомъ канавы Недыря врядъ ли сдѣлали ихъ чище—развѣ только немного освѣжили... Изъ голенищъ никуда негодныхъ сапоговъ иные сдѣлали себѣ поршни. Полуистлѣвшія на тѣлѣ отъ пота рубахи были замѣнены запасными изъ складовъ, а изодранные локти полукафтановъ зачинены, заштопаны; но суконные шаровары у многихъ доведены были до такой степени, что невозможна была уже никакая починка. Кепи получили за походъ невообразимую форму и видъ: это были какія-то измятыя, грязныя, безформенныя лепешки. Но люди, выспавшись, подъѣвши, съ настроеннымъ высоко побѣдами нравственнымъ духомъ, въ сознаніи совершеннаго долга, смотрѣли весело. Всѣ недостатки костюма забывались или возбуждали только остроты и смѣхъ.

5-го числа, въ день своего баталіоннаго праздника, баталіонъ представился вмѣстѣ съ прочими войсками Его Императорскому Высочеству—для сокрытія недостатковъ своего костюма, въ гимнастическихъ рубахахъ, безъ ранцевъ. По отданіи чести, Главнокомандующій, объѣхавъ войска, передалъ имъ лично благодарность Государя Императора и при этомъ выразилъ начальнику отряда: „какой почтенный видъ имѣетъ вашъ отрядъ“. Затѣмъ, приказавъ слушать Его команды, изволилъ скомандовать: „слушай, на краулъ!“ Послѣ этого, отдалъ генералу Тергукасову честь, обнялъ его, поцѣловалъ и вручилъ орденъ св. Георгія 3-го класса.

6-го числа Августѣйшій Главнокомандующій, при раздачѣ лично передовыхъ наградъ, по предоставленной Ему Высочайшей власти, возложилъ въ стрѣлковомъ баталіонѣ на штабъ и оберъ-офицеровъ три золотыхъ оружія съ надписью „за храбрость“ и пять знаковъ ордена св. Владиміра 4-й степени съ мечами и бантомъ (30).

Кромѣ семи знаковъ отличія военнаго ордена 4-й ст. на роту,

о которыхъ сказано выше, начальникъ отряда наградилъ баталіонъ еще четырмя, а на баталіонный праздникъ далъ снова шесть знаковъ. Независимо того, возложены Главнокомандующимъ лично въ госпиталяхъ три знака военнаго ордена и дано, по представленію, именныхъ знаковъ отличія 4-й степени 42, и 3-й степени одинъ.

Такъ щедро былъ награжденъ и такъ милостиво былъ отличенъ баталіонъ среди прочихъ войскъ (31).

ГЛАВА XIII.

Стоянка на орговскомъ посту. Возвращеніе въ Игдырь. Нападеніе Измаилъ-паши. Передвиженія баталіона. Стоянка на хапаговской капавѣ. Болѣзни. Неудавшіяся попытки Измаилъ-паши. Наступленіе нашего отряда и отступленіе непріятеля. Голоданіе въ пути и надежды на интендантство соганлугскаго отряда—впрочемъ, несбывшіяся. Вступленіе въ составъ соганлугскаго отряда.

Войска Измаилъ-паши, постепенно возрастая, достигли наконецъ сорока слишкомъ таборовъ. Чтобы не допустить его прорваться въ Эриванскую губернію, отрядъ занялъ разные пункты на спускахъ горныхъ дорогъ и тропъ съ Агры-дага. Количество нашихъ войскъ къ этому времени хотя тоже увеличилось четырмя баталіонами таманскаго полка, но ихъ далеко было недостаточно для того, чтобы оказать непріятелю значительное сопротивленіе на протяженіи болѣе семидесяти верстъ, отъ орговскаго поста до Кульпъ; поэтому, резервы должны были постоянно мѣнять мѣста своего расположенія для введенія противника въ заблужденіе. Въ этихъ видахъ и стрѣлковый баталіонъ начали передвигать отъ центра то къ одному, то къ другому флангу.

16-го іюля баталіонъ былъ перемѣщенъ на орговскій постъ въ распоряженіе генералъ-маіора Бропевскаго. Стоянка эта была ужасная: почва орговскаго поста состоитъ изъ наносовъ волканическаго пепла и лавы, накаляющейся днемъ выше 40°/₀. Несмотря на близость Арарата, въ воздухѣ ни днемъ, ни ночью не было никакого движенія. Вода находилась въ оврагѣ, верстахъ въ двухъ,

такъ что люди и животныя сильно страдали отъ духоты, жары и жажды, даже лежа безъ движенія, а при работѣ скоро доходили до изнеможенія и заболѣвали. Ко всему этому, мѣстность подъ Араратомъ положительно кишѣла ядовитыми насѣкомыми, скорпіонами и фалангами. Топливо для варки пищи (кизякъ) и кормъ для лошадей войска должны были добывать покупкою сами и возить верстъ за тридцать по ужаснѣйшей горной дорогѣ.

24-го іюля баталіонъ былъ возвращенъ въ резервъ въ Игдырь.

Измаилъ-паша атаковалъ уманскій казачій полкъ на зорскихъ высотахъ и, сбивъ его, преслѣдовалъ до спуска въ деревню Халфалю, которую и занялъ частью курдовъ; но вскорѣ она была отнята переяславскимъ драгунскимъ полкомъ. Въ это время стрѣлковый баталіонъ былъ выдвинутъ въ резервъ на ханаговскую канаву, для прикрытія Игдыря, и участія въ бою не принималъ, такъ какъ съ отнятіемъ обратно деревни Халфалю сраженіе прекратилось.

Съ утвержденіемъ Измаилъ-паши на зорскихъ высотахъ по обѣимъ сторонамъ деревни Аликочакъ, орговскій постъ, потерявшій свое стратегическое значеніе, былъ очищенъ и сожженъ, а всѣ части, составлявшія эриванскій отрядъ, расположились у спусковъ съ зорскихъ высотъ, чтобы преградить дальнѣйшее движеніе въ долину. Въ особенности важна была деревня Халфалю, съ отнятіемъ которой турки получали возможность бомбардировать изъ дальнобойныхъ орудій деревню Игдырь и взорвать всѣ наши пороховые склады, которые, за неимѣніемъ помѣщенія, лежали въ ящикахъ горами на улицѣ. Надо было показать Измаилъ-пашѣ, что мы на всѣхъ спускахъ можемъ представить ему значительное сопротивленіе, и стрѣлковый баталіонъ, какъ единственную резервную часть, начали переводить съ мѣста на мѣсто.

6-го августа баталіонъ поставленъ былъ бивакомъ въ Кулюлюкѣ, 7-го въ Гулюджа на абасъ-гельскомъ спускѣ, а 17-го перешелъ въ Чарухчи на каравансарайскій спускъ; 20-го—въ Хошхабаръ, гдѣ простоялъ бивакомъ одинъ день, 21-го снова перешелъ въ Кулюлюкъ; 22-го въ Яиджи, а 23-го возвратился въ

Игдырь, обходивъ такимъ образомъ всѣ пункты предгорья, дѣлая всѣ передвиженія по ночамъ, а днемъ останавливаясь бивакомъ.

На основаніи приказанія Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго арміею (*), подполковникъ фонъ-Барделіусъ, получивъ назначеніе командира ставропольскаго пѣхотнаго полка, 27-го августа сдалъ баталіонъ на законномъ основаніи маіору Цезарскому, впредь до особаго распоряженія.

5-го сентября, на пополненіе убыли въ баталіонѣ прибыли изъ кавказскаго запаснаго стрѣлковаго баталіона 120-ть новобранцевъ призыва 1877-го года, а изъ разныхъ мѣстъ въ теченіи августа и сентября мѣсяцевъ—четыре офицера (**). Количество наличныхъ строевыхъ нижнихъ чиновъ достигло снова девятисотъ человѣкъ.

8-го сентября, во время неудачной попытки Измаилъ-паши спуститься и захватить Халфалю, стрѣлковый баталіонъ выдвинутъ былъ въ резервѣ за ханаговскую канаву; а по отбитіи турокъ таманскимъ полкомъ, смѣнилъ его, выславъ двѣ роты на аванпосты для занятія холмовъ предъ деревней Халфалю, съ овладѣніемъ которыхъ связано было и удержаніе за нами деревни. Съ этого времени лагерь баталіона былъ перенесенъ на постоянную стоянку на ханаговскую канаву, а двѣ роты посмѣнно ходили въ Халфалю на аванпосты—на помянутые холмы, чередуясь въ занятіи ихъ на день или на ночь съ баталіонами таманскаго полка.

Почти отвѣсные обрывы зорскихъ высотъ, стоящіе прямо надъ головами аванпостовъ, сильно укрѣпленные завалами, были вооружены батареями дальнобойныхъ орудій, съ которыхъ турки не только обстрѣливали всю линію расположенія нашихъ аванпостовъ, но дѣйствовали еще на версту за деревню Халфалю по нашимъ батареямъ, которыя иногда выѣзжали для обстрѣливанія турецкихъ работъ на спускахъ. Положеніе ихъ батарей было столь выгодное, что болѣе получаса наши батареи не могли удерживаться на позиціяхъ подъ навѣснымъ огнемъ съ горъ, куда наши снаряды

(*) Предп. нач. эрив. отр. 24-го авг. № 3734.

(**) Поручикъ фонъ-Бадеръ и прапорщики: Ларіоновъ, Черногоровъ и Семеновъ.

не долетали и до половины высоты. По этой причинѣ нашимъ аванпостамъ на поддержку артилеріи нечего было и расчитывать, а оставалось положиться, въ случаѣ атаки, на силу своего стрѣлковаго огня. Самое сообщеніе съ деревней Халфалю и съ аванпостами находилось подъ огнемъ турецкихъ батарей, почему смѣна стрѣлковыхъ ротъ между собою и баталіонами таманскаго полка производилась только въ сумерки и на разсвѣтѣ. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда турецкимъ цѣпямъ случалось атаковывать наши аванпосты, резервныя роты стрѣлковъ спѣшившія изъ лагеря въ Халфалю на помощь, подходили къ нему ротными колоннами въ одну линію, съ разомкнутыми шеренгами и рядами шаговъ на десять. Такимъ образомъ, онѣ, представляя собою четыре рѣдкія цѣпи, входили въ деревню подъ огнемъ гранатъ и скрывались въ садахъ. Попытки эти производились турками совершенно безнаказанно, и потому довольно часто приходилось баталіону простаивать въ Халфалю въ полномъ составѣ по цѣлымъ суткамъ и безъ сна. Это сильно изнуряло людей, но было неизбѣжно по малосилію отряда.

Положеніе наше еще болѣе ухудшалось отъ палящаго зноя и дурной воды. Въ Игдырѣ и деревняхъ, окружающихъ его по южную сторону, нѣтъ рѣкъ, а проведены канавы отъ Аракса. Проходя по полямъ и орошая ихъ, онѣ сливаются въ деревняхъ и служатъ для купанья буйволовъ, лежащихъ тамъ по цѣлымъ днямъ. Вода въ нихъ густая, илистая, съ глиною; она насыщается до такой степени навозомъ, что положительно возбуждаетъ отвращеніе. Армяне ее набираютъ почью, когда, за отсутствіемъ буйволовъ, она немного очищается, и, сохраняя въ кувшинахъ, отстаиваютъ; войска же практиковать этотъ способъ не могли и выкопали колодцы. Окрестности Игдыря всюду изобилуютъ подпочвенною водою на глубинѣ аршина или полтора—прозрачною и холодною, и недурною на вкусъ, но по дѣйствію своему губительною. Проходя по наносно-волканической почвѣ, она до такой степени насыщается различными вредными солями и щелочами, что чрезъ нѣсколько времени употребленіе ея пропзводитъ ужасныя гастрическія лихорадки и дисентерію, неуступающія никакому леченію ([32]). И вотъ, этотъ-то врагъ, закравшись въ баталіонъ, несмотря на всѣ за-

боты и улучшенія въ пищѣ, началъ выводить изъ фронта офицеровъ и нижнихъ чиновъ, доводя число больныхъ въ госпиталяхъ, кромѣ раненыхъ, до 100 человѣкъ и до 60 и 80 человѣкъ въ околодкѣ. Да и вообще, всѣ сильно исхудали, ослабѣли и отяжелѣли для ходьбы, страдая одышкою.

Не въ лучшее положеніе пришли и лошади. Стоя на жарѣ, онѣ должны были довольствоваться непривычнымъ кормомъ—*енджой* (мѣстное названіе породы клевера), соломой и ячменемъ. Первую онѣ пожирали съ жадностью, потому что она очень сладкая; въ умѣренномъ количествѣ она производила газы, а въ количествѣ фунтовъ двадцати разрывала желудокъ; ячмень же горячилъ. Да и этотъ кормъ ни за какія деньги нельзя было заставить армянъ подвозить на мѣста стоянки войскъ; а интендантство было безсильно: ни добыть фуража, ни удовлетворить имъ разбросанныя войска оно не могло, почему казенные фургоны то-и-дѣло рыскали по окрестности, скупая и подвозя кормъ и топливо (кизякъ), котораго цѣлыя горы сожигались на варку пищи и печеніе хлѣба. Цѣны на всѣ предметы достигли высоты невѣроятной, въ особенности на подковы, гвозди и желѣзо (*), столь необходимыя въ войскахъ для содержанія обоза въ исправности, который подвергался постоянной ломкѣ по горамъ и камнямъ.

Тотчасъ по возвращеніи изъ подъ Баязета, по приказанію начальника отряда, заведенъ былъ вьючный обозъ—на случай движенія летучей колонной. Баталіону пришлось выписать пятьдесятъ сѣделъ на почтовыхъ съ Кавказа, и это оказалось выгоднѣе и скорѣе, чѣмъ пріобрѣтеніе ихъ на мѣстѣ.

8-го и 15-го сентября Измаилъ-паша пытался прорваться. На аванпостахъ, усиленныхъ остальными двумя ротами, загорѣлся противъ Халфалю стрѣлковый бой. Оба раза турки не въ состояніи были сбить густой цѣпи аванпостовъ, которые оставались, какъ пригвожденные къ своимъ мѣстамъ, не имѣя даже ложементовъ, потому что на волканической почвѣ невозможно было копать, а всякіе каменные завалы тотчасъ привлекали туда навѣсный артилерійскій огонь (33).

(*) Подковы дошли до 24 руб. за пудъ, гвозди 16 руб., а желѣзо 12 руб.

Такая же попытка 24-го числа превратилась на правомъ флангѣ аванпостнаго расположенія противъ Чарухчи въ цѣлое серьезное сраженіе, въ которомъ турки были настолько отброшены, но и преслѣдуемы на протяженіи около четырехъ верстъ, потерявъ восемь рядовъ своихъ заваловъ. Но поднявшійся на гору нашъ правый флангъ ночью долженъ былъ отступить—по безводью и невозможности преодолѣть дальнѣйшія естественныя преграды. Лѣвый флангъ и центръ ограничились въ этотъ день усиленной аванпостной перестрѣлкой, въ которой принималъ участіе и стрѣлковый баталіонъ.

За всѣ два мѣсяца стоянки на аванпостахъ, въ этомъ заколдованномъ кругу баталіонъ потерялъ только одного раненаго.

20-го сентября, въ командованіе баталіономъ вступилъ, впредь до Высочайшаго утвержденія, подполковникъ навагинскаго полка Павелъ Карловичъ Крузенштернъ (*).

По мѣрѣ наступленія поздняго времени года, дневной зной ночью переходилъ въ довольно свѣжую температуру; а на горахъ у Измаилъ-паши по утрамъ мы видѣли иней и довольно замѣтный снѣгъ послѣ дождей на долинѣ. Ежедневно мы просыпались въ надеждѣ, что ночью Измаилъ-паша отступилъ, вынужденный къ тому недостатками пропитанія, топлива и холодомъ. Мы знали, что ему остается одно: или отступить вслѣдствіе суровой погоды, или рѣшиться спуститься къ намъ въ долину, гдѣ мы несомнѣнно расчитывали разбить его, такъ какъ эриванскій отрядъ еще въ августѣ усиленъ былъ цѣлою бригадою пѣхоты. Штурмовать же турокъ въ ихъ позиціи на протяженіи двадцативерстнаго подъема, укрѣпленнаго двадцатью рядами заваловъ, вооруженныхъ крупповской артилеріей, генералъ Тергукасовъ считалъ безполезною тратою людей и не рисковалъ этимъ ни въ какомъ случаѣ. Вотъ почему намъ оставалось ожидать пособія самой природы, за которою мы такъ внимательно ежедневно слѣдили.

Октября 2-го, съ разсвѣтомъ, съ аванпостовъ замѣчена была у турокъ на высотахъ какая-то суета. Въ полдень начали спу-

(*) Родной братъ прежде бывшаго командира, служившій при немъ въ баталіонѣ оберъ-офицеромъ. (Пр. по к. в. окр. № 283).

скаться небольшія пѣшія колонны противъ Чарухчи и Хошхабара и конная противъ Халфалю. Было ли это приготовленіемъ къ серьезной атакѣ, или новою безцѣльною демонстраціей—угадать было трудно. Поэтому, двѣ резервныя роты стрѣлковъ пошли въ Халфалю для поддержки своихъ аванпостовъ. Съ прибытіемъ нашимъ къ Халфалю, турки открыли огонь изъ дальнобойныхъ шестидюймовыхъ орудій, и несмотря на то, что роты скрылись въ садахъ, продолжали ощупью розыскивать насъ, направляя огонь поочередно по всѣмъ направленіямъ. На аванпостахъ загорѣлся стрѣлковый бой, поддерживаемый со стороны турокъ артилеріею (*). Цѣпь наша, во избѣжаніе обхода, вначалѣ была удлинена влѣво двумя ротами таманскаго полка, стоявшими въ резервѣ; а потомъ усилена еще полуротой стрѣлковъ 4-й роты. Огонь горячо поддерживался турками до самой ночи; но обѣ стороны неизмѣнно остались въ своихъ позиціяхъ. И въ этотъ день, какъ и въ предыдущіе, стрѣлки не имѣли никакой потери. Ночь и все 3-е число мы провели въ ожиданіи какого либо новаго предпріятія: но день прошелъ спокойно. Оставивъ двѣ очередныя роты на аванпостахъ, остальныя двѣ возвратились въ лагерь; здѣсь мы узнали о пораженіи, нанесенномъ туркамъ на аладжадагскихъ высотахъ. Тогда только сдѣлалось понятнымъ, что Измаилъ-паша, имѣя свѣдѣніе о сраженіи подъ Карсомъ раньше насъ, дѣлалъ демонстрацію въ огражденіе себя. Начали догадываться, что если онъ, подъ прикрытіемъ сдѣланной 2-го числа демонстраціи, и не началъ еще отступать, то непремѣнно отступитъ въ ночь. Дѣйствительно, 4-го числа на разсвѣтѣ замѣтили, что половина турецкаго лагеря уже убрана, и всѣ начали готовиться къ нападенію.

6-го октября, часа въ три пополудни, эриванскій отрядъ, тремя колоннами, въ трехъ разныхъ пунктахъ, сосредоточился для движенія на зорскія высоты. Стрѣлковый баталіонъ получилъ назначеніе въ центральную колонну генерала Броневскаго. Приказано

(*) Въ этотъ день дежурили тамъ 2-я и 3-я роты, подъ командою капитана Попова, который награжденъ орденомъ св. Станислава 2-й ст. съ мечами, а подпоручикъ Плющъ и прапорщикъ Ларіоновъ—орденами св. Анны 4-й ст. за храбрость на сабли. (Прик. по кавк. арм. 1878-го года за № 400).

было имѣть съ собою на людяхъ четырехдневный запасъ сухарей, патронные фургоны съ усиленною запряжкою шестерками, и аптеку съ перевязочными припасами, всего 28-мь лошадей. Остальной обозъ съ лошадьми и слабыми людьми велѣно оставить въ Игдырѣ.

Передвинувшись на разсвѣтѣ въ Чарухчи, часовъ въ шесть утра, баталіонъ, въ авангардѣ колонны, началъ подниматься на Зоры и часамъ къ 12-ти, съ сотней казаковъ, добравшись до послѣдняго ряда турецкихъ заваловъ, остановился подъ артилерійскимъ огнемъ редута и главныхъ окоповъ. Наша колонна отстала еще далеко, а обѣ боковыя, долженствовавшія слѣдовать на одной съ нею высотѣ, были даже невидны. Въ ожиданіи колонны, двѣ роты (1-я и 4-я), подъ командою маіора Цезарскаго, разсыпанныя въ цѣпь, заняли завалы. Часа въ три пополудни подошедшая часть колонны выставила батарею, которая, ставъ на позицію позади стрѣлковъ, вступила въ состязаніе съ турками; но послѣ четверти часа канонады ей положительно оказалось невозможнымъ долѣе держаться, такъ какъ всѣ турецкіе снаряды ложились между колесами орудій, поставленныхъ на тѣсныхъ интервалахъ. Часомъ или полтора позже, поднявшись по каравансарайской дорогѣ, и правая колонна генерала Девеля вступила въ артилерійское состязаніе съ редутомъ, но также съ большой невыгодой для себя, потерявъ взорваннымъ зарядный ящикъ. Желая войти въ связь съ ея цѣпью, показавшейся за оврагомъ, отъ стрѣлковаго баталіона была выдвинута еще одна рота (2-я), и какъ центральная колонна стянулась, то за наступившею ночью войска остались на позиціи.—Нужно предполагать, что причиною отчасти несостоявшейся въ этотъ день атаки было то, что лѣвая колонна, поднимавшаяся лѣвѣе аликочакскаго оврага, назначенная въ обходъ праваго фланга турокъ, не найдя на уровнѣ нашего расположенія перехода, должна была возвратиться назадъ, внизъ версты на четыре, и выйти на нашъ путь спустя три часа лишняго времени.

Глубокой ночью стрѣлковый баталіонъ былъ смѣненъ цѣпью крымскаго полка и отведенъ въ резервъ.

7-го числа утромъ, еще въ темнотѣ, войска стали готовиться

къ атакѣ. Послано было на развѣдки нѣсколько охотниковъ, которые возвратясь сообщили, что турки ночью отступили окончательно, почему стрѣлковый баталіонъ немедленно двинулся въ авангардѣ.

Въ началѣ движенія, въ тылу турецкой позиціи началась какая-то необыкновенно частая, но глухая пальба, какъ будто изъ тысячъ ружей. Всѣ были въ недоумѣніи, чтобы это было такое. Но, съ движеніемъ впередъ, разгорѣвшееся громадное зарево разъяснило, что турки зажгли свой патронный паркъ. Мѣшки съ галетами, соль и нѣсколько тысячъ ящиковъ съ патронами горѣли смѣшанные всѣ вмѣстѣ. Пройдя версть пять, у спуска въ мысунскую долину, стрѣлковый баталіонъ былъ остановленъ для прикрытія стягивавшихся войскъ; тамъ онъ простоялъ до вечера. Только въ сумерки, послѣ запроса объ образѣ дальнѣйшихъ дѣйствій баталіона, стоявшаго на безводной мѣстности, получено было приказаніе отъ начальника штаба полковника Филипова—спѣшить въ Мысунъ для соединенія съ 18-мъ переяславскимъ драгунскимъ полкомъ, куда баталіонъ пришелъ глубокою ночью, едва найдя полкъ по небольшому костру. Драгуны объяснили, что противуположный подъемъ на Даракъ занятъ и укрѣпленъ турками; но съ разсвѣтомъ онъ оказался уже очищеннымъ.

8-го октября, поутру, прибылъ въ Мысунъ съ казачьей эскортой начальникъ отряда; но войска подходили чрезвычайно медленно, и даже къ ночи не прибыло ихъ еще и половины.

9-го октября, стрѣлковый баталіонъ, въ составѣ авангардной колонны, съ 18-мъ драгунскимъ полкомъ, однимъ казачьимъ и конной батарсей кубанскаго казачьяго войска, подъ командою князя Амилахвари, часовъ въ десять утра, направленъ былъ въ Баязетъ, для овладѣнія и уничтоженія турецкихъ запасовъ, и дойдя до зимовника Кара-Кентъ, имѣлъ ночлегъ.

10-го получено свѣдѣніе, что Баязетъ уже занятъ казачьей колонной Келбали-хана. Наша колонна поворотила обратно и, возвратясь въ Мысунъ, послѣ двухчасоваго привала, присоединивъ къ себѣ тамапскій пѣхотный полкъ и составивъ авангардъ, двинулась чрезъ Даракъ для преслѣдованія Измаилъ-паши. Мино-

вавъ Діадинъ, она ночевала на рѣкѣ Бязирганѣ, сдѣлавъ въ этотъ день переходъ верстъ въ сорокъ пять.

Весь путь изображалъ изъ себя пустыню Сахару послѣ урагана: ни одного жителя во всѣхъ окрестныхъ деревняхъ; по дорогѣ непрерывная нить павшихъ лошадей и вьючныхъ катеровъ; могилы, едва прикрытыя землею; сотни разбитыхъ вьючныхъ ящиковъ съ гранатами и патронами. Непріятель былъ уже на два перехода впереди, хорошо воспользовавшись двумя днями, въ которые мы стягивали отрядъ и двигались къ Баязету.

Еще во время бивака 6-го числа на зорскихъ высотахъ, маіоръ Цезарскій, предвидя погоню, если не до Эрзерума, то никакъ не ближе Дарака, распорядился вызвать на вьюкахъ оставшійся въ Игдырѣ четырехдневный сухарный провіантъ и зерноваго фуража дня на три. Этотъ запасъ прибылъ 7-го числа въ Мысунъ и перевьюченъ на выносныхъ лошадей отъ патронныхъ ящиковъ. Такимъ образомъ баталіонъ былъ обезпеченъ еще дня на четыре. На Бязирганѣ роздана была двухдневная дача, съ приказаніемъ продлить ее на одинъ лишній день, потому что денная дача удѣлена была кубанской конной батареѣ, оставшейся уже въ этотъ день безъ сухарей.

11-го числа колонна сдѣлала переходъ до деревни Зиро, населенной персидскими выходцами, оставшимися на своихъ мѣстахъ. Здѣсь представился случай купить зерна и самана для лошадей. Переходъ этотъ былъ тоже верстъ около сорока пяти, показавшійся очень утомительнымъ баталіону—не по величинѣ, а по способу его совершенія. Обыкновенно баталіонъ во время движеній въ летучей колоннѣ дѣлалъ первую половину перехода въ двадцать верстъ, съ однимъ четверть-часовымъ приваломъ въ промежуткѣ, полнымъ, бойкимъ стрѣлковымъ шагомъ; затѣмъ, дѣлалъ большой привалъ часа на два или на три, на которомъ закусывалъ холоднымъ мясомъ и спалъ; послѣ привала совершалъ вторую половину перехода такимъ же шагомъ; и, если переходъ былъ не болѣе 35 или 40 верстъ, то приходилъ часомъ или полутора позже кавалеріи—часа въ три или четыре пополудни, имѣя возможность засвѣтло расположиться, найти топливо, сварить горячую пищу и

съ закатомъ солнца улечься спать. Въ эти же два дня баталіонъ слѣдовалъ съ тамапскимъ полкомъ значительно медленнѣе—что, впрочемъ, отъ него вовсе не зависѣло. Вслѣдствіе этихъ замедленій, онъ приходилъ на мѣсто уже ночью, въ темнотѣ, не успѣвалъ вовремя сварить горячую пищу и заснуть, копаясь съ нею до полуночи (*). Съ обѣихъ сторонъ вышли неудовольствія. Начальникъ пѣхоты выговаривалъ за поползновеніе баталіона, идя въ хвостѣ, обогнать тамапскій полкъ, и за скорость шага, когда баталіонъ шелъ въ головѣ; баталіонъ же жаловался на мучительно вялый шагъ и поминутныя остановки на каждыхъ пяти верстахъ, подъ конецъ которыхъ даже вьючныя лошади ложились подъ вьюками. Начальникъ авангарда князь Амилахвари, найдя, что баталіону, проходившему цѣлое лѣто за кавалеріей, должно быть дѣйствительно невыносимо такъ ходить, отдѣлилъ стрѣлковый баталіонъ отъ остальной пѣхоты и сталъ назначать его для слѣдованія непосредственно за конной батареей. 12-го числа переходъ былъ сдѣланъ около 50-ти верстъ до Зейдекана. При переходѣ чрезъ Кара-Килиса баталіонъ, по приказанію начальника авангарда, оставилъ тамъ 29-ть человѣкъ слабыхъ, подъ наблюденіемъ сотни казаковъ. Къ утру, въ видѣ реквизиціи, жители католическихъ деревень доставили въ Зейдеканъ пудовъ 20-ть лавашей, которые были розданы авангарду въ подспорье тощей дачи сухарей.

13-го, при проходѣ чрезъ Драмъ-дагъ и Даяръ, могилы воиновъ найдены раскопанными. Тѣла, обглоданныя птицами и звѣрями, были повсюду разбросаны и разорваны на части. Безобразіе было невыразимое и возмутительное.... Кое-какъ ихъ собрали и опять предали погребенію. Въ наказаніе же за разграбленіе могилъ, куртинскій аулъ Даяръ былъ разобранъ на топливо. Послѣ ночлега на р. Абезгяръ—бывшемъ лагерномъ мѣстѣ до сраженія 9-го іюня, авангардъ двинулся дальше.

14-го числа мы прошли знаменитый кара-дербентскій проходъ и имѣли ночлегъ на рѣкѣ Гасанъ-чай, на поворотѣ дороги отъ

(*) Этотъ способъ движенія былъ гибеленъ впослѣдствіи для тамапскаго полка. Полкъ за 13-ть дней преслѣдованія только разъ пять варилъ горячую пищу, такъ какъ вѣчно приходилъ чуть не въ полночь.

Дели-Баба къ Юзъ-Верану. Здѣсь окончательно разсѣялись наши надежды застать Измаилъ-пашу запертымъ въ кара-дербентскомъ проходѣ. Наканунѣ онъ прошелъ совершенно свободно, имѣя соганлугскій отрядъ стоящимъ на лѣвой сторонѣ рѣки Аракса, верстахъ въ четырехъ отъ дороги, у деревни Хорасанъ.

15-го авангардъ имѣлъ ночлегъ въ Юзъ-Веранѣ. На пути къ Юзъ-Верану, у моста чрезъ одинъ изъ овраговъ, оренбургскими казаками настигнуты были баши-бузуки съ тремя стами порціоннаго скота, который, послѣ незначительной перестрѣлки, былъ отбитъ и розданъ въ войска.

16-го авангардъ переправился чрезъ Араксъ у Керпи-кея, гдѣ имѣлъ ночлегъ; 17-го вступилъ въ городъ Гасанъ-Кала, гдѣ по разрѣшенію начальника соганлугскаго отряда, генералъ-лейтенанта Геймана, остался на 18-е число дневать.

Уже съ 14-го числа баталіонъ шелъ совсѣмъ безъ сухарей и крупы, питаясь однимъ бульономъ и мясомъ безъ соли, которой нигдѣ въ пути нельзя было пріобрѣсть. Здѣсь, въ городкѣ, расчитывали получить что либо изъ интендантства соганлугскаго отряда; но надежды эти оказались совершенно тщетными. Затѣмъ, желали купить въ частныхъ пекарняхъ, которыхъ тамъ было четыре или пять; но повсюду приставлены были часовые, для воспрещенія продажи войскамъ помимо интендантства соганлугскаго отряда. Такъ что, только послѣ личнаго участія князя Амилахвари, баталіону было продано сорокъ пудовъ лавашей, которые розданы стрѣлкамъ фунта по четыре на человѣка—на два дня.

Смиреніе людей предъ обстоятельствами войны было замѣчательное: ни слова ропота не было слышно въ теченіи четырехдневной голодухи; всѣ переносили молча и шли, возлагая свои надежды на соганлугскій отрядъ. Пришли—и здѣсь оказалось еще хуже... А все же терпѣніе и молчаніе! Только физіономіи стали сумрачнѣе... Вотъ, когда сказались плоды истинной дисциплины и выдержки баталіона, которой мы въ простотѣ сердечной и не подозрѣвали. Жаль было этихъ мужественныхъ людей до боли сердца, но помочь было нечѣмъ. Мясо хотя и выдавалось по два фунта, но безъ соли совсѣмъ опротивѣло. Только и слышны были разныя остроты.

19-го, приnарядившись какъ можно чище, подтянувшись, пошли мы на соединеніе съ соганлугскимъ отрядомъ, который стоялъ у деревни Куруджукъ предъ деве-бойнской позиціей. Мы расчитывали вступить церемоніаломъ, но вступленіе обошлось тихо, безъ встрѣчи, и мы прошли, по указанію начальника штаба кавалерійской дивизіи полковника Медвѣдовскаго, на правый флангъ соганлугскаго отряда. Это неожиданно-скромное соединеніе отрядовъ огорчило насъ, привыкшихъ къ обычаямъ Кавказа.

19-го числа баталіонъ снова остался безъ сухарей, и такъ какъ на 20-е число былъ отданъ приказъ, что нашъ отрядъ вступаетъ въ составъ соганлугскаго, то командиръ баталіона отправился лично ходатайствовать о сухаряхъ у начальника штаба этого отряда; но хлопоты его оказались совершенно безплодными. Непроизводительнѣе была и личная просьба самого начальника авангарда князя Амилахвари.

21-го вступила на позицію и главная колонна эриванскаго отряда; она составила правый флангъ соганлугскаго отряда, отодвинувши стрѣлковый баталіонъ на свой флангъ.

22-го числа начальникомъ соганлугскаго отряда генералъ-лейтенантомъ Гейманомъ предпринятъ былъ объѣздъ эриванскаго отряда. Подъѣхавъ къ стрѣлковому баталіону, давно извѣстному генералу по мирной службѣ во Владикавказѣ и въ учебномъ лагерѣ на маневрахъ въ укр. Воздвиженскомъ, генералъ Гейманъ сказалъ:

—Я много наслышанъ о подвигахъ 3-го кавказскаго стрѣлковаго баталіона; желаю увидѣть это на дѣлѣ... Буду надѣяться!..

А потомъ, обратясь къ офицерамъ, изъ которыхъ старшихъ генералъ зналъ лично и по фамиліямъ, сказалъ:

—Я помню, ваши георгіевскіе кресты прошли въ Думѣ!... Завтра будетъ дѣло... Надѣюсь, что покажете себя и здѣсь!

Мысль, что завтра насъ поставятъ на пробный оселокъ предъ чужими для насъ войсками—легла камнемъ на сердца всѣхъ чиновъ, и съ нею, 23-го числа, баталіонъ пошелъ въ дѣло, похлебавъ предъ боемъ бульона;—ни у одного человѣка не было въ карманѣ ни крохи сухаря.

ГЛАВА XIV.

Диспозиція на 23-е октября. Сраженіе при Деве-Бойну. Потери. Награды. Неудачное наступленіе къ Эрзеруму.

По диспозиціи на 23-е октября, весь соединенный соганлугско-эриванскій отрядъ былъ раздѣленъ на двѣ части—правый и лѣвый фланги. Первый состоялъ изъ войскъ, бывшихъ въ эриванскомъ отрядѣ, второй—изъ кавказской гренадерской дивизіи. Начальникомъ праваго фланга назначенъ генералъ Тергукасовъ. Кромѣ того, оба фланга были раздѣлены на нѣсколько колоннъ, каждая въ 6—8 баталіоновъ, съ одной или двумя батареями. Стрѣлковый баталіонъ, вмѣстѣ съ тремя баталіонами бакинскаго полка, тремя елисаветпольскаго и однимъ кубинскаго полковъ, составилъ колонну полковника князя Амираджиби. Лѣвому флангу предназначалось вести бой демонстративный; правому же—атаковать. Собственно же штурмовать деве-бойнскую позицію должна была лишь одна наша колонна князя Амираджиби; прочимъ же колоннамъ праваго фланга воспрещено было вступать въ штурмъ.

Время для штурма предоставлялось уловить самому князю Амираджиби, когда онъ увидитъ, что артилерія достаточно подготовила своимъ огнемъ позицію для штурма. Такимъ образомъ, стрѣлковому баталіону выпадалъ случай или обезславить себя, или вплести новые лавры въ свой вѣнокъ.

Часовъ въ пять, войска поднялись и подкрѣпились—чѣмъ Богъ послалъ. Въ шесть начали строиться, и разныя части пошли на соединеніе съ своими колоннами.

Съ разсвѣтомъ стрѣлковый баталіонъ сначала долго прождалъ на мѣстѣ; затѣмъ самъ отправился къ центру—искать свою колонну, и не найдя, пришелъ обратно, такъ какъ колонна кн. Амираджиби уже ушла къ правому флангу. Часовъ въ семь мы сошлись, а въ восемь стали на мѣсто—въ три линіи: въ первую линію поставлены были елисаветпольцы, во вторую бакинцы и кубинцы, а въ третью—стрѣлки. Третья линія, какъ и обѣ первыя, сразу стала въ сферѣ артилерійскаго огня, а съ лѣваго турецкаго фланга, огибающаго насъ, залетали и пули.

Какъ только артилерія развернулась на разстояніи около тысячи саженей, непріятель открылъ по насъ съ вершины Узунъ-Ахмата, съ лѣваго своего фланга, перекрестный огонь и изъ дальнихъ осадныхъ батарей, стоявшихъ вдали въ глубинѣ балки, по которой пролегала эрзерумская дорога. Такъ какъ роль папа въ третьей линіи была пассивная, то баталіонъ, стоя въ колоннѣ изъ середины, разомкнувшись по шеренгамъ шаговъ на пятнадцать и по рядамъ шаговъ на пять, легъ для уменьшенія потери, представляя собою восемь рядовъ цѣпи. Хотя мѣстность была замѣчательно ровная, но на черномъ грунтѣ и притомъ издали онъ совершенно стушевался.

Послѣ четырехчасовой непрерывной канонады двухсотъ орудій съ обѣихъ сторонъ, наши батареи подвинулись саженей на пятьсотъ и взорвали на Узунъ-Ахматѣ пороховой погребъ. Но это не измѣнило положенія обѣихъ сторонъ. Наконецъ, турки спустили съ высотъ лѣваго фланга черкесскую кавалерію, которая, запявъ подъ горой заготовленные прежде завалы, открыла намъ во флангъ ружейный огонь, а также по кавалерійской дивизіи, стоявшей уступомъ правѣе насъ и прикрывавшей нашъ флангъ. Первыми тремя пулями одновременно раненъ былъ у насъ капитанъ Поповъ.

Чтобы отвлечь этотъ опасный для штурмовой колонны анфиладный огонь, былъ передвинутъ слѣва направо отъ насъ таманскій полкъ, который, развернувшись подъ угломъ къ намъ, завязалъ перестрѣлку съ лѣвымъ турецкимъ флангомъ, постепенно отбрасывая черкесовъ.

Часовъ около двухъ пополудни пріѣхалъ къ князю Амираджиби, бывшему все время при стрѣлковомъ баталіонѣ, полковникъ Филиповъ (начальникъ штаба эриванскаго отряда) съ вопросомъ: когда-же онъ поведетъ на штурмъ? Князь объяснилъ ему, что, по смыслу диспозиціи, онъ долженъ вести на штурмъ, когда увидитъ, что артилерія достаточно подготовила къ тому позицію; а, по совѣсти говоря, онъ не видитъ, чтобы артилерійская подготовка имѣла какой либо успѣхъ и слѣдовательно, чтобы пришло время штурмовать. Если прикажутъ—онъ поведетъ; но на свою совѣсть не беретъ. Такъ мы и остались въ томъ-же выжидательномъ положе-

ніи. Чуть-ли не третью смѣну артилерійскихъ ящиковъ подвозили уже мимо насъ въ батарею полковника Мусхелова, находившуюся въ нашей колоннѣ. Солнце стало уже спускаться къ западу, и разлилось зарево, предвѣщавшее близость сумерокъ. Было часа четыре. Казалось, еще нѣсколько времени канонады—и конецъ сраженію безъ всякихъ результатовъ, такъ какъ положеніе сторонъ нисколько не измѣнилось.

Вдругъ, надъ ушами раздался сигналъ атаки.

Лежа въ третьей линіи, въ ожиданіи движенія первыхъ двухъ, баталіонъ по сигналу остался недвижимъ. Прошло минутъ пять; сигналъ повторился... Командиръ баталіона подполковникъ Крузенштернъ, видя вторую линію неподвижною и предполагая, что это можетъ продлиться, по совѣщаніи съ маіоромъ Цезарскимъ, рѣшился, не ожидая первыхъ двухъ линій, двинуться впередъ и скомандовалъ: „встать! маршъ!“ Баталіонъ, вставъ разомкнутыми линіями, пошелъ, обходя слѣва вторую линію, которая, пропустивъ баталіонъ мимо себя, поднялась и двинулась вслѣдъ за нимъ. Первая линія, бывшая на ружейный выстрѣлъ подъ Узунъ-Ахматомъ, была также обойдена. Какъ только баталіонъ сталъ выходить въ голову колонны, то и первая линія елисаветпольцевъ тронулась и вмѣшалась въ ряды стрѣлковаго баталіона. Двѣ головныя роты стрѣлковаго баталіона, часть елисаветпольцевъ и бакинцевъ, предводимыхъ цѣлою шеренгою штабъ и оберъ-офицеровъ всѣхъ трехъ частей, съ крикомъ „ура!“ ринулись на гору и ворвались въ траншеи Узунъ-Ахмата. Все пространство, около двухъ верстъ, баталіонъ прошелъ не переводя духу—безъ выстрѣла, и вздохнулъ только тогда, когда занялъ первую траншею, опоясывающую холмъ Узунъ-Ахмата.

Всѣ батареи Узунъ-Ахмата и лѣваго турецкаго фланга громили идущій на штурмъ баталіонъ всевозможными снарядами, но онъ двигался разомкнутый, какъ бы локоть къ локтю,—въ особенности 1-я и 2-я роты, руководимыя старшими офицерами. 3-я и 4-я роты, немного отставшія во время перехода, укоротивъ шагъ и попавъ подъ картечный огонь, составили какъ-бы вторую линію рот-

ныхъ колоннъ; но поручикъ Биллеръ увлекъ свой взводъ 3-й роты, напалъ 1-ю линію и втиснулся въ ряды 2-й роты. Переведя духъ минуты двѣ въ траншеѣ, эта смѣсь трехъ частей двинулась дальше, раздѣлившись на двѣ части: одна потянулась къ правому флангу холма, другая къ лѣвому, гдѣ съ обѣихъ сторонъ виднѣлись батареи съ кучками непріятельской пѣхоты. Тутъ полился убійственный свинцовый дождь. Въ нѣсколько мгновеній по направленію къ обѣимъ батареямъ дорога была устлана ранеными офицерами, стрѣлками, бакинцами, елисаветпольцами. Маіоръ Цезарскій и поручикъ Биллеръ пали ранеными на пути къ правой батареѣ; прапорщикъ Бенедиктовъ добрался уже до лѣвой батареи и вскочилъ на пушку съ крикомъ „ура!“ но тутъ же свалился съ нея, раненый пулею. Остальные, бросивъ пушки, настойчиво погнали турокъ, врѣзываясь въ ихъ позицію все глубже и глубже; прошли на пути лагерь и гнали все далѣе. Когда ворвались въ турецкій лагерь, наша штурмовая колонна порѣдѣла, потому что многіе остались здѣсь подкрѣпить свои силы; стрѣлки же цѣпью продолжали наступать... Наконецъ, они наткнулись на стройную колонну, мужественно давшую отпоръ; храбрѣйшіе передовые люди пали, и стрѣлки, тѣснимые превосходствомъ, подались назадъ и стали отступать, упорно отстрѣливаясь. Дѣло стало принимать дурной оборотъ... Вдругъ, кто-то закричалъ: „бей того, что въ шубкѣ, что командуетъ!“ Нѣсколько мгновеній—и руководителя турокъ не стало, а съ нимъ и напоръ оборвался... Между тѣмъ, стали подходить остальные, и наша колонна снова погнала турокъ, почти до эрзерумскихъ фортовъ. Уже въ темнотѣ баталіонъ остановился на эрзерумской дорогѣ, на которой, по полученному приказанію, заночевалъ на мѣстѣ тамъ, гдѣ оно его застало. Штурмовая колонна своимъ успѣхомъ много обязана той паникѣ, которая была произведена дивизіей нашей кавалеріи, примчавшейся чрезъ три четверти часа на эрзерумскую дорогу. Кавалерія неслась на поддержку намъ всею массою въ эскадронныхъ колоннахъ, имѣя въ головѣ своей генералъ-маіора Келбали-хана. Гулъ и пыль отъ ея атаки походили на страшный ураганъ, отъ нравственнаго впечатлѣнія котораго турки окончательно побѣжали. Слѣва же

штурмовая колонна вовремя была поддержана полковникомъ Юрковскимъ, съ его крымскимъ пѣхотнымъ полкомъ.

Такимъ образомъ, эриванскій отрядъ предназначенную ему по диспозиціи честь штурма деве-бойнской позиціи выполнилъ буквально и достославно, а стрѣлковый баталіонъ уничтожилъ всякія сомнѣнія относительно своей громкой боевой репутаціи, принявъ на себя инціативу быть во главѣ атакующей колонны, и увлекши ее своимъ беззавѣтнымъ, спокойнымъ и неуклоннымъ мужествомъ. Драмъ-дагскіе и даярскіе лавры зазеленѣли свѣжими листьями, сорванными на Деве-Бойну.

Однимъ изъ сторонних офицеровъ, объѣзжавшимъ на другой день по порученію поле сраженія, былъ опредѣленъ ходъ атаки такимъ образомъ: „стопло посмотрѣть на поле сраженія на Узунъ-Ахматѣ, чтобы видѣть ходъ атаки. Въ глубинѣ турецкой позиціи, далеко, далеко впереди всѣхъ лежатъ навзничь два стрѣлка, красавцы, оба георгіевскіе кавалеры (34); затѣмъ, стелется дорожка павшихъ стрѣлковъ-же все чаще и чаще; далѣе, они попадаются съ примѣсью бакинцевъ и елисаветпольцевъ,—а наконецъ, уже начинаются кучи людей всѣхъ трехъ частей". Разсказъ этотъ довольно характерно рисуетъ картину штурма.

Въ сраженіи участвовало въ баталіонѣ не болѣе 700 штыковъ. Изъ 1078 человѣкъ, состоявшихъ по списку, около 180 человѣкъ было въ госпиталяхъ раненыхъ, около 150 оставлено въ Игдырѣ лихорадочныхъ и слабыхъ, при обозѣ, и 29 оставлено въ Кара-Килиса изнуренныхъ походомъ, которыхъ оставили тамъ по распоряженію начальника авангарда, для избѣжанія задержекъ при форспированныхъ маршахъ чрезъ Дахаръ. Штабъ-офицеровъ состояло 2, оберъ-офицеровъ 19-ть (35). Изъ этого числа было убито: фельдфебель одинъ, унтеръ-офицеровъ два, стрѣлковъ 21 (36). Ранено: штабъ-офицеръ одинъ, оберъ-офицеровъ четыре, унтеръ-офицеровъ 10-ть, стрѣлковъ 60-ть, горнистъ одинъ; контуженъ офицеръ одинъ. Всего выбыло изъ строя: одинъ штабъ-офицеръ, пять оберъ-офицеровъ и 95-ть нижнихъ чиновъ (37).

За отличный подвигъ, оказанный въ деве-бойнскомъ сраженіи, баталіонъ Высочайше награжденъ георгіевскимъ серебрянымъ

рожкомъ съ надписью: „за отличіе въ сраженіи при Деве-Бойну 23-го октября 1877 года". Командиръ баталіона подполковникъ Крузенштернъ удостоенъ ордена св. Георгія 4-й степени (*).

Кромѣ того, въ баталіонѣ награждены: два офицера слѣдующими чинами, два орденами св. Станислава 2-й степени, два орденами св. Анны 3-й степени съ мечами и бантомъ, два орденами св. Станислава 3-й степени съ мечами и бантомъ и одинъ орденомъ св. Анны 4-й степени на саблю съ надписью „за храбрость" (38). Нижнимъ чинамъ роздано 40 гласныхъ знаковъ отличія воинаго ордена 4-й степени, а за разновременныя дѣла и перестрѣлки въ теченіи всего періода еще 42 знака отличія воинаго ордена 4-й степени и три знака 3-й степени, всего 85-ть знаковъ(39).

На другой день послѣ битвы, 24-го октября, баталіонъ, вмѣстѣ съ другими частями эриванскаго отряда, по приказанію генерала Тергукасова, изготовился къ наступленію на Эрзерумъ, чтобы захватить его врасплохъ и войти въ него, какъ говорится, на плечахъ бѣгущихъ турокъ; но предпріятіе это было остановлено генераломъ Гейманомъ, и баталіонъ по 28-е число простоялъ на отдыхѣ на позиціи Деве-Бойну.

27-го, къ начальнику соганлугскаго отряда генералу Гейману собраны были всѣ генералы и начальники частей для полученія приказаній къ предполагаемому на 28-е число ночному штурму эрзерумскихъ фортовъ.

Командиръ стрѣлковаго баталіона подполковникъ Крузенштернъ, въ числѣ прочихъ шести или семи человѣкъ, былъ назначенъ начальникомъ колонны. Подозвавъ его отдѣльно въ свою очередь къ столу, на которомъ лежала карта Эрзерума, генералъ, указавъ ему на форты, поименовавъ ихъ поочередно, остановился на фортѣ Ахали и прибавилъ:

— Взять вотъ этотъ фортъ предназначается вамъ. Какъ думаете, откуда вы его будете брать?

Посмотрѣвъ на карту, Крузенштернъ отвѣтилъ, что если представится возможность обойти, то онъ будетъ брать его съ горжи.

(*) Приказъ по кавказской арміи № 579.

— Ну, какъ вы его будете брать—это уже ваше дѣло.

— Въ такомъ случаѣ, я просилъ бы ваше превосходительство дать проводника, такъ какъ мѣстность мнѣ совершенно незнакома.

На это онъ получилъ отказъ...

Послѣ этого краткаго знакомства съ картою, всѣ вмѣстѣ, съ генераломъ Гейманомъ, отправились на скалистую высоту тысячъ до восьми футовъ, Деве-Бойнъ-Небн-Кей, съ которой генералъ снова поочередно указалъ каждому изъ начальниковъ колоннъ форты, поименовавъ ихъ. Этимъ бѣглымъ осмотромъ ограничилось все знакомство съ мѣстностью. Глядя на нее съ разстоянія верстъ пятишести, фортъ Ахали едва вѣдѣлялся отъ земли и представлялся, какъ будто на совершенно ровной, гладкой, какъ скатерть, мѣстности. Но то вышло на дѣлѣ.

Часовъ въ 9-ть вечера, колонны, предназначенныя для штурма, при непроницаемой темнотѣ, выступили изъ лагеря, чтобы собраться на постъ Ханы, гдѣ должны были простоять часовъ до 12-ти, и оттуда уже каждая должна была выступить съ такимъ расчетомъ времени, чтобы часамъ къ двумъ ночи все было окончено. Кто выполнитъ свою задачу—долженъ дать знать сигнальною ракетою. Первою, которая должна была начать штурмъ форта Ахали и дать сигналъ, назначалась колонна подполковника Крузенштерна, состоявшая: изъ стрѣлковаго баталіона, 4-го баталіона крымскаго полка, прислуги на четыре орудія отъ 6-й батареи кавказской гренадерской бригады и двухъ ракетныхъ станковъ для сигнальныхъ ракетъ. Выступивъ, колонна должна была вначалѣ слѣдовать по эрзерумской дорогѣ и, дойдя до фонтана, свернувъ налѣво, слѣдовать дальше до мѣста по цѣпи. Пока до фонтана колонна двигалась какъ слѣдуетъ, несмотря на темноту; но какъ только свернула, тотчасъ попала въ балку и пошла нырять изъ одной въ другую по камнямъ и оврагамъ волканической почвы, руководясь единственно едва замѣтною въ пространствѣ темною массою скалы Деве-Бойнъ-Небн-Кей. Такъ колонна шла очень долго. Наконецъ, она увидѣла сбоку себя высящіяся массы одного изъ двухъ укрѣпленій, но неизвѣстно какого: Азизіе или Меджидіе. Начали искать Ахали... Прошли дальше... Нѣтъ его, какъ нѣтъ!...

Сообразили время: уже три часа, а кругомъ гробовая тишина, нигдѣ ничего не начато. Послали двѣ пары патрулей—найти заколдованное Ахали; но и тѣ были не счастливѣе и вернулись, не найдя его. Колонна продолжала ждать и искать... Вдругъ, на нее наткнулся турецкій разъѣздъ, который, давъ выстрѣлъ, ускакалъ... На фортѣ Меджидіе тотчасъ зажгли фальшъ-фейеръ, но, не замѣтивъ колонны, умолкли. Простоявъ еще и проискавъ напрасно своего Ахали, видя кругомъ тишину и молчаніе, боясь быть застигнутымъ разсвѣтомъ, подполковникъ Крузенштернъ повелъ свою колонну обратно. Выйдя опять на дорогу, онъ встрѣтился уже часа въ четыре съ частью колонны князя Ампрадзиби, двумя баталіонами Скосаревскаго, и на вопросъ: „куда вы идете?“ получилъ отвѣтъ: „а чортъ его знаетъ куда!“ Разойдясь съ нимъ, онъ продолжалъ отступать... На разсвѣтѣ уже, дойдя до поста Ханы, подполковникъ Крузенштернъ встрѣтилъ тамъ колонну генерала фонъ-Шака и обратился съ вопросомъ: „что дѣлать?“ Но въ это время раздалась на фортахъ стрѣльба, и показалась какая-то масса въ фескахъ. Принявъ ее за наступающихъ турокъ, стрѣлковый баталіонъ, тотчасъ разсыпавъ двѣ роты, открылъ пальбу, которую едва могли остановить, узнавъ что это плѣнные, сопровождаемые незамѣтнымъ среди турокъ прикрытіемъ бакинскаго полка. Вскорѣ затѣмъ показались и разстроенные бакинцы, преслѣдуемые колоннами турокъ. По приказанію генерала Тергукасова, прибывшаго въ это время и принявшаго на себя распоряженіе прикрытіемъ отступленія, двѣ роты стрѣлковъ (2-я и 3-я) высланы были въ цѣпь на высоты противъ Меджидіе, имѣя за собою, въ резервѣ, остальныя двѣ роты. Но когда турки предприняли обходъ, то онѣ посланы были на лѣвый флангъ для предупрежденія его. Къ этому времени изъ лагеря прибыла артилерія, и разгорѣлось сраженіе, продолжавшееся до 12-ти часовъ, превратившееся подъ конецъ въ артилерійскую канонаду.

Часовъ въ 12-ть, канонада замолкла, и войска начали отступать перекатными цѣпями до поста Ханы, начавъ со 2-й и 3-й ротъ баталіона; 1-я же и 4-я роты отступили только къ вечеру.

Такъ неудачно окончился ночной штурмъ эрзерумскихъ ук-

рѣпленій. Только одна изъ шести колоннъ, бакинская, попала куда слѣдовало и, ворвавшись въ укрѣпленіе, захватила его, взявъ въ плѣнъ и гарнизонъ; но, не будучи никѣмъ поддержана, на разсвѣтѣ была вытѣснена и преслѣдуема турецкими резервами съ тяжкими потерями.

Неудача эта произошла, какъ видно изъ хода дѣла, потому, что никто не былъ знакомъ съ мѣстностью; дѣйствительно ли виноватъ въ этой неудачѣ подполковникъ Крузенштернъ, котораго обвинилъ генералъ Гейманъ въ томъ, что онъ ничего не предпринялъ — можетъ рѣшить только исторія по всесторонпемъ разборѣ фактовъ этого предпріятія. Въ предѣлахъ же нашей задачи, мы имѣли въ виду изложить только поведеніе баталіона, дабы снять всякую тѣнь, могущую пасть на него.

Въ этомъ сраженіи баталіонъ потерялъ убитыми нижнихъ чиновъ три, пропавшими безъ вѣсти двухъ, ранеными: оберъ-офицера одного и нижнихъ чиновъ 12-ть; всего выбыло изъ строя 17-ть человѣкъ (40).

ГЛАВА XV.

Отступленіе къ Баязету. Столпка. 1878-й годъ и тифъ въ баталіонѣ. Отступленіе въ Эриванскую губернію. Прощальный приказъ генерала Тергукасова. Хозяйственныя заботы. Баталіонъ въ Вагаршапатѣ. Лѣтняя стоянка въ Мысунѣ. Выступленіе въ штабъ-квартиру. Смотръ баталіона на маршѣ, въ Тифлисѣ, и еще награды. Георгіевское знамя.

1-го и 2-го ноября баталіонъ, въ авангардѣ эриванскаго отряда, бывшаго въ первоначальномъ составѣ его, подъ командою полковника Парчевскаго, выступилъ обратно въ Баязетъ обыкновеннымъ походнымъ порядкомъ. Прибывъ туда 18-го ноября, баталіонъ вначалѣ расположился лагеремъ; но какъ въ это время наступила зима, то, по очисткѣ уцѣлѣвшихъ отъ разрушенія домовъ, перешелъ на квартиры по правую сторону цитадели въ куртинскій

кварталъ. Пришедшій же въ Баязетъ еще до прибытія стрѣлковъ таманскій полкъ сталъ лѣвѣе и выше цитадели. Въ экономическомъ и санитарномъ отношеніяхъ стоянка эта не представляла никакихъ удобствъ. Жители еще во время турецкой блокады частью были вырѣзаны, частью разбѣжались. Ни фуража, ни топлива не было, а дома всѣ были заражены тифомъ отъ бывшихъ турецкихъ госпиталей, въ которыхъ, во время погони за Измаилъ-пашей, намъ досталось около двухъ тысячъ оставленныхъ ими больныхъ. Для добыванія продовольствія должны были прибѣгнуть къ помощи персіянъ, которымъ открытъ былъ свободный рынокъ въ Баязетѣ. Они подвозили намъ вьюками, вмѣсто сѣна, молодой камышъ и ячмень для лошадей, и хворостъ для топлива, по цѣнамъ чуть-ли не на вѣсъ золота. Но и при этомъ пришлось терпѣть во всѣхъ этихъ продуктахъ большой недостатокъ; такъ что, для облегченія довольствія лошадей, должны были часть ихъ отправить въ Эриванскую губернію, оставивъ при себѣ только количество необходимое для патронныхъ ящиковъ. Для топлива же и печенія хлѣба разбирали пустые дома, и тѣмъ кое-какъ перебивались.

Отъ тифа наши стрѣлки были спачала какъ-бы застрахованы. Какъ ни тяжела была наша погоня къ Эрзеруму за турками, и какія при этомъ ни терпѣли лишенія, но силы нашихъ стрѣлковъ были настолько поддержаны постоянной горячей пищей въ походѣ, большой мясной порціей и водкой, что долго они не поддавались заболѣваніямъ. Появился было 18-го ноября единичный случай тифа и скрылся. Но въ таманскомъ полку, стоявшемъ рядомъ, тифъ водворился сразу.

Мѣсяца полтора стрѣлковый баталіонъ боролся противъ заразы, тогда какъ таманцевъ уже схоронена была добрая рота.

Узнавъ о тифозной заразѣ, начальникъ отряда, желая спасти свой любимый баталіонъ, предписалъ полковнику Самойлову, начальнику баязетскаго военнаго раіона, выслать стрѣлковый баталіонъ въ Эриванскую губернію, если въ немъ не имѣется особенной надобности. Но полковникъ Самойловъ отвѣтилъ, что не можетъ отпустить стрѣлковый баталіонъ по случаю броженія умовъ среди курдовъ за Аладагомъ, и такимъ образомъ отговаривался

трижды, слагая, въ противномъ случаѣ, съ себя отвѣтственность за безопасность; а въ это время грозный и неотразимый врагъ забрался въ началѣ января и въ ряды стрѣлковъ. Въ половинѣ января полковникъ Самойловъ самъ сдѣлался жертвою тифа. Послѣ смерти его, для осмотра баязетской стоянки пріѣхалъ новый начальникъ штаба эриванскаго отряда, полковникъ Малама. Найдя донесенія полковника Самойлова о смутахъ среди курдовъ преувеличенными, полковникъ Малама предписалъ стрѣлковому баталіону выступить въ Эриванскую губернію.

25-го января 1878-го года баталіонъ выступилъ изъ Баязета въ Арзабъ, имѣя съ собою на фургонахъ 46-ть человѣкъ тифозныхъ, которыхъ желалъ сдать въ военно-временный № 11-го госпиталь; но, за неимѣніемъ тамъ мѣстъ, не могъ. Зима въ это время уже стояла суровая; снѣга лежали въ аршинъ и болѣе; а сообщеніе чрезъ ближайшій чингильскій перевалъ и вовсе прекратилось за постоянными мятелями и непроходимыми снѣгами.

26-го, баталіонъ дневалъ въ Арзабѣ вслѣдствіе сильной мятели; 27-го числа, безъ всякой дороги, по поясъ въ снѣгу, пробивая себѣ тропу гуськомъ верблюдами, которые едва вытаскивали ноги, баталіонъ вступилъ въ деревню Мысунъ и шелъ 15-ть верстъ съ утра до почи; 28-го января перевалилъ чрезъ Агры-дагъ по каравансарайскому перевалу—совершено благополучно, ознобивъ ноги только одному больному. Спустившись, онъ сталъ въ Али-Камарлю.

7-го февраля, по предписанію начальника отряда, баталіонъ перешелъ для продолженія зимней стоянки въ Вагаршапатъ, гдѣ сталъ по квартирамъ взводами и полувзводами.

Разъ заручившись тифомъ, баталіонъ никакъ уже не могъ отъ него отдѣлаться. Помѣщенія для нижнихъ чиновъ были свободныя, хорошо вентилировались, отапливались, окуривались, людямъ ежедневно давали водку; но все это нисколько не гарантировало отъ заразы. Заболѣванія ежедневно стали увеличиваться. Чтобы спасти людей отъ госпиталей, которые были переполнены тифозными и гангренозными, при баталіонѣ открыты были частно два отдѣленія—одно для заболѣвающихъ, другое для тифозныхъ, въ которыхъ

пользовали людей не съ столь сильными припадками тифа, часто отъ 20-ти до 40-а человѣкъ. И несмотря на это, число больныхъ въ госпиталяхъ достигло до 250-ти человѣкъ. Почти большая половина людей переболѣла, и нѣкоторые раза по два и по три. Только въ маѣ мѣсяцѣ болѣзнь начала ослабѣвать.

Между тѣмъ, столь заботившійся о спасеніи баталіона отъ заразы незабвенный начальникъ отряда Арзасъ Артемьевичъ Тергукасовъ, получивъ другое назначеніе, уѣхалъ 10-го января, еще до прихода баталіона въ Вагаршапатъ. Отъѣзжая, онъ отдалъ приказъ по отряду, слова котораго навсегда запечатлѣлись въ сердцахъ его подчиненныхъ:

„Волею Его Императорскаго Высочества нашего Августѣйшаго Главнокомандующаго, призванный на другую должность, я прощаюсь съ вами, войска эриванскаго отряда!

„Много разъ я васъ благодарилъ за ваши славные подвиги; теперь, прощаясь, еще разъ объявляю вамъ мое спасибо отъ всего сердца, преисполненнаго привязанностью къ вамъ и гордостью командовать такими войсками.

„Побѣды 4-го и 9-го іюня на Драмъ-дагѣ и у Даяра, образцовое восьмидневное отступленіе въ виду многочисленнаго непріятеля, съ выдержаніемъ упорныхъ битвъ при Зейдеканѣ, Кара-Килиса и Даракѣ, гдѣ вы своею грудью охраняли болѣе 600 своихъ раненыхъ и защищали двѣ тысячи семействъ несчастныхъ переселенцевъ, штурмъ Баязета, пораженіе корпуса Измаилъ-паши 15-го августа, 8-го и 15-го сентября, 2-го и 6-го октября и штурмъ Деве-Бойну, всѣ эти доблестные подвиги ваши, не омраченные ни одной неудачей, навсегда останутся лучшими воспоминаніями моей жизни.

„Товарищи мои, гг. генералы, штабъ и оберъ-офицеры эриванскаго отряда! Вашему мужеству, распорядительности и заботливости о нижнихъ чинахъ я обязанъ всѣми успѣхами ввѣренныхъ мнѣ войскъ; эти же высокія доблести ваши служатъ залогомъ новыхъ побѣдъ, вѣсть о которыхъ будетъ мнѣ утѣшеніемъ въ разлукѣ съ моими сподвижниками славныхъ дней Даяра и Баязета“.

12-го января, въ командованіе войсками эриванскаго отряда

вступилъ генералъ-лейтенантъ Иванъ Давыдовичъ Лазаревъ, пробывшій съ нами недолго, и замѣненный генералъ-лейтенантомъ Дмитріемъ Виссаріоновичемъ Комаровымъ, апрѣля 21-го дня.

Во время стоянки баталіона въ Вагаршапатѣ, дѣятельность его ограничивалась приведеніемъ въ порядокъ своей матеріальной части: обмундированіемъ, обувью, исправленіемъ обоза и оружія, котораго набиралось иногда въ складахъ до 400 штукъ. Уже въ маѣ люди были болѣе или менѣе исправно одѣты и обуты, а оружіе и обозъ снова готовы на службу; такъ что въ концѣ мѣсяца, на инспекторскомъ смотру начальника кавказской стрѣлковой бригады свиты Его Величества генералъ-маіора Гурчина, баталіонъ найденъ былъ сравнительно съ обстоятельствами въ блистательномъ видѣ—въ строевомъ, санитарномъ и матеріальномъ отношеніяхъ, о чемъ впослѣдствіи доложено было Его Императорскому Высочеству Главнокомандующему кавказскою арміею.

5-го іюня баталіонъ выступилъ изъ Вагаршапата на лѣтнюю стоянку въ Турцію, въ долину Мысунъ, куда прибывъ 9-го числа, сталъ отъ деревни верстахъ въ двухъ выше по теченію Балыхъ-чая.

Здѣсь баталіонъ занимался обыкновенными въ мирное время упражненіями и стрѣльбой.

1-го сентября баталіонъ былъ отпущенъ изъ лагеря въ предѣлы Эриванской губерніи, 7-го числа прибылъ въ Эривань и исключенъ изъ состава эриванскаго отряда, а 11-го двинулся въ свою штабъ-квартиру.

26-го сентября, при проходѣ чрезъ городъ Тифлисъ, баталіонъ имѣлъ счастіе представиться Его Императорскому Высочеству. Августѣйшій Главнокомандующій удостоилъ награжденіемъ восемь человѣкъ нижнихъ чиновъ знаками отличія военнаго ордена: одного знакомъ 2-й степени, трехъ знаками 3-й степени и четырехъ знаками 4-й степени (41).

5-го октября баталіонъ возвратился на свое старое пепелище, въ г. Владикавказъ, также радушно встрѣченный гражданами города, какъ былъ провожаемъ два года тому назадъ.

Приказомъ отъ 13-го октября 1878-го года, въ воздаяніе отличныхъ заслугъ въ турецкую кампанію, баталіонъ Высочайше

награжденъ георгіевскимъ знаменемъ съ надписью: „за отличіе въ турецкую войну 1877—1878 годовъ.“

Такимъ образомъ, за двухлѣтнее участіе баталіона въ кампаніи, онъ удостоился двухъ почетнѣйшихъ наградъ: георгіевскаго знамени и серебряныхъ рожковъ. Составъ офицеровъ получилъ 45-ть наградъ, а именно: семь офицеровъ—георгіевскіе кресты 4-й степени, шесть—ордена Владиміра 4-й степени съ мечами и бантомъ, трое—золотое оружіе, трое—ордена Станислава 2-й степени съ мечами, восемь—3-й степени съ мечами и бантомъ, пять—ордена Анны 3-й степени съ мечами и бантомъ и девять—4-й степени на сабли съ надписью „за храбрость“; наконецъ, четверо получили слѣдующіе чины.

Нижніе чины получили знаки отличія военнаго ордена: 2-й степени—одинъ, 3-й степени—семь и 4-й степени—сто семьдесять три, всего 181 знакъ отличія военнаго ордена.

Конецъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

КЪ ГЛАВѢ I-й.

(1)—Составъ офицеровъ баталіона былъ слѣдующій: 1-й роты командиръ капитанъ Журавлевъ, субалтернъ-офицеры—поручикъ Мейстаръ, подпоручики Хомицкій и Зенковичъ, прапорщики Любимовъ и Пожерскій; 2-й роты командиръ капитанъ Тюриковъ, субалтернъ-офицеры—поручикъ Вороновъ 2-й, подпоручики Радіоновъ и Руничъ 1-й, прапорщики Руничъ 2-й и Яковенко-Маришичъ; 3-й роты командиръ штабсъ-капитанъ Педченко-Андрейченко, ветеранъ куринскаго полка, считавшійся въ плеядѣ наихрабрѣйшихъ офицеровъ; субалтернъ-офицеры—поручики Латынинъ и Леусъ 1-й, прапорщики Леусъ 2-й и Ромарино; 4-й роты командиръ штабсъ-капитанъ Иванъ Тромбецкій; субалтернъ-офицеры—поручикъ П. Вороновъ 1-й, подпоручикъ Сальковъ, прапорщики Тургеневъ и Синицкій.

(2)—Маіоръ Коноплянскій былъ переведенъ изъ лейбъ-гвардіи 2-го стрѣлковаго баталіона.

(3)—Ранены: въ 1-й ротѣ два рядовыхъ, въ 3-й ротѣ одинъ унтеръ-офицеръ и три рядовыхъ, въ 4-й ротѣ одинъ унтеръ-офицеръ и четыре рядовыхъ и 4-й же контужено четверо.

(4)—Въ 1857-мъ году чины баталіона удостоились слѣдующихъ наградъ: за дѣло 17-го іюня штабсъ-капитанъ Андрейченко—ордена св. Станислава 2-й степени съ мечами, рядовой Денисъ Кваша—знака отличія военнаго ордена св. Георгія; за зимнюю экспедицію (*), знаковъ отличія военнаго ордена: 1-й роты унтеръ-офицеръ Николай Косыхъ; 2-й роты рядовой Казиміръ Мазурчикъ; 3-й роты рядовые М. Лукинъ, Е. Григорьевъ, И. Шабаевъ, горнистъ Д. Костылевичъ; 4-й

(*) Отз. нач. шт. чеченск. отр. отъ 31-го декабря № 434; отз. командк. куринск. пол. № 8812 и отз. шт. чеченск. отр. отъ 31-го января 1858-го года № 77.

роты унтеръ-офицеръ Полуэктовъ, рядовые С. Сергѣенко и Я. Палкинъ.

(*)—Въ этихъ дѣлахъ ранены: 1-й роты рядовой Авдѣевъ, 2-й роты пять человѣкъ; 4-й роты два рядовыхъ и одинъ фельдшеръ; убитъ 2-й роты рядовой Корниловъ и контуженъ 4-й роты одинъ стрѣлокъ.

(*)—Въ дѣлѣ 28-го апрѣля убитъ 1-й роты рядовой Я. Дождь. За зимнюю экспедицію 1857-го и 1858-го годовъ разрѣшено было представить къ наградамъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ и удостоены ихъ (уже въ 1859-мъ году) слѣдующія лица: маіоръ Конопліянскій—ордена св. Анны 3-й степени съ мечами и бантомъ, капитанъ Журавлевъ—чина маіора; поручикъ Ольшевскій, командовавшій 2-ю ротою со 2-го февраля 1858-го года, чина штабсъ-капитана; поручикъ А. Вороновъ 2-й (*), подпоручикъ Радіоновъ, прапорщикъ Любимовъ—орденовъ св. Станислава 3-й степени съ мечами и бантомъ; поручики Корнѣевъ, Кулешъ, подпоручикъ Зенковичъ и прапорщикъ Ромарино—орденовъ св. Анны 4-й степени на шашки съ надписью „за храбрость“. Нижнимъ чинамъ еще пожаловано девять знаковъ военнаго ордена св. Георгія, и всѣ они безъ исключенія Высочайше награждены каждый по одному рублю (**), а за дѣла со 2-го по 19-е апрѣля 2-й и 4-й ротамъ баталіона еще по четверти рубля. Награжденія знакомъ отличія военнаго ордена св. Георгія 4-й степени удостоены слѣдующіе нижніе чины: и. д. штатнаго фельдфебеля 2-й роты юнкеръ изъ дворянъ Николай Муратовъ, унтеръ-офицеры изъ дворянъ: Авраамъ Алдатовъ и Александръ Лебедевъ, изъ вольноопредѣляющихся—Емельянъ Кравченко; унтеръ-офицеръ Р. Коваленко, стрѣлки: К. Добчинскій, Ф. Шендерюкъ, З. Нуждинъ, Ф. Руденко.

(*) Поручикъ Александръ Вороновъ 2-й былъ однофамильцемъ Николая Ив. Воронова, который, въ отличіе, будетъ нами называемъ 1-мъ.

(**) Прик. по батал. 2-го февраля 1858 г. № 10.

КЪ ГЛАВѢ II-й.

([7])—Были убиты стрѣлки: 1-й роты Василій Уланцевъ и 2-й роты Калинникъ Сапунъ.

([8])—За это дѣло, при предписаніи команд. в. отъ 21-го августа № 264, были присланы два знака отличія, которые и возложены на стрѣлковъ: 2-й роты Артема Петренко и 3-й роты Дениса Аниlова. Юнкеръ Муратовъ (фельдфебель 2-й роты) за лѣтнюю экспедицію 1858-го года произведенъ въ прапорщики.

([9])—За лѣтнюю экспедицію 1858-го года, въ добавленіе къ двумъ знакамъ отличія военнаго ордена, о которыхъ сказано выше, были высланы въ баталіонъ еще пять (*), которые и возложены на стрѣлковъ: 1-й роты—Никиту Лобака, Оспина Иванова, Наума Шулика; 2-й роты—Ивана Бузовича и Степана Лазаревича.

КЪ ГЛАВѢ III-й.

([10])—1-я рота: командиръ штабсъ-капитанъ Вороновъ 1-й, 3-я рота: командиры—поручикъ Вороновъ 2-й и затѣмъ капитанъ Кокушкинъ и 4-я рота—штабсъ-капитанъ Погорѣловъ.

([11])—Маіоръ Конопляпскій во время лѣтней экспедиціи 1858-го года былъ переведенъ на службу по военно-народному управленію.

([12]) Въ 3-й ротѣ одинъ стрѣлокъ; въ 4-й—три стрѣлка.

([13]) На штурмѣ былъ раненъ командующій ротами флигель-адъютантъ баронъ Корфъ, вынесенный изъ боя своими ординарцами, юнкерами: Алдатовымъ (**) и Габаевымъ, и три стрѣл-

---

(*) Отз. шт. в. лѣв. кр. № 2611.

(**) Старшимъ братомъ извѣстнаго Соломона (въ народѣ Магомета) Алдатова, штабсъ-ротмистра конвоя Его Императорскаго Величества, который послѣ санъ-стефанскаго договора самъ-другъ пробрался изъ Батума по лѣсамъ и горамъ лѣваго берега Чороха, для разсмотрѣнія предполагаемой пограничной линіи до Карса, задолго до того времени, когда Батумъ былъ сданъ.

Авт.

ка (*). Баронъ Корфъ долгое время былъ въ самой теплой дружеской перепискѣ съ своими охранителями.

За дѣла съ 20-го декабря 1858-го года по 8-е февраля 1859-го года, при предписаніи штаба войскъ лѣваго крыла за № 2239, присланъ одинъ знакъ отличія военнаго ордена, а за штурмъ завалова и крѣпости Ведени—10-ть знаковъ того же ордена, для возложенія на наиболѣе отличившихся (**); за всю зимнюю экспедицію $^{57}/_{58}$ годовъ разрѣшено графомъ Евдокимовымъ сдѣлать представленіе: о всѣхъ штабъ-офицерахъ, изъ оберъ-офицеровъ $^{2}/_{3}$ (***), унтеръ-офицеровъ $^{1}/_{10}$ (три знака военнаго ордена 3-й степени и два знака 4-й степени (****) и стрѣлковъ $^{1}/_{50}$ часть (12-ть знаковъ военнаго ордена 4-й степени) (*****).

(*) 1-й роты два стрѣлка и 4-й одинъ.

(**) 1-й роты стрѣлковъ: Леонтія Трухачова, Бориса Касаткина, Алексѣя Чаусова, Тимофѣя Андреева.

3-й роты стрѣлковъ: Филиппа Емельянова, Карпѣя Каберюка; унт. офиц. Мартына Мозоля, Федота Ильина.

4-й роты унт. офиц. Егора Кузмина, стрѣлковъ: Ивана Фролова. Евстафія Филипченко.

(***) Впослѣдствіи, въ 1860-мъ году, вышли слѣдующія награды: капитану Кокушкину чинъ маіора; штабсъ-капитану Погорѣлову, штабсъ-капитану Ник. Ив. Воронову 1-му—ордена св. Анны 4-й степени съ надписью „за храбрость“; поручику Алекс. Иван. Воронову 2-му чинъ штабсъ-капитана; подпоручику Любимову—Анны 3-й степени съ мечами и бантомъ; подпоручику Зенковичу—чинъ поручика; прапорщикамъ Ромарино и Эллизену чины подпоручиковъ; прапорщику Моренцу орденъ св. Станислава 3-й степени съ мечами и бантомъ.

(****) Вольноопредѣляющіеся унтеръ-офицеры: 1-й роты Емельянъ Кравченко, 2-й роты Авраамъ Алдатовъ, 3-й роты Михаилъ Погожевъ—знаки отличія военнаго ордена 3-й степени съ бантомъ. Вольноопредѣляющіеся унтеръ-офицеры: 1-й роты Семенъ Габаевъ, 2-й роты Эдуардъ Козловскій—знаки отличія военнаго ордена 4-й степени.

(*****) Стрѣлки, 1-й роты: Федоръ Глушковъ, Поликарпъ Евиловъ, Николай Савчукъ, Игнатій Лукьянецъ; 3-й роты: Терентій Раскошинъ, Корнилій Безсмертный, Петръ Летка, Лазарь Карповъ, Мазитъ Абдурахмановъ; 4-й роты: Иванъ Зубковъ, Леонтій Юпусъ, Кузьма Головкинъ.

([14])—Маіоръ князь Николай Ивановичъ Святополкъ-Мирскій, назначенный командиромъ баталіона Высочайшимъ приказомъ, послѣдовавшимъ 12-го апрѣля 1859-го года, вступилъ въ командованіе 3-го мая. Подполковникъ Клингеръ, произведенный въ полковники, назначенъ командиромъ кабардинскаго № 80-го пѣхотнаго полка.

([15])—Командиръ баталіона маіоръ князь Святополкъ-Мирскій былъ произведенъ въ подполковники и назначенъ флигель-адъютантомъ Его Императорскаго Величества; пять офицеровъ получили слѣдующіе чины (*), семь офицеровъ получили ордена (**); два юнкера произведены въ прапорщики, одинъ получилъ знакъ отличія военнаго ордена 3-й степени, четверо получили знаки отличія военнаго ордена 4-й степени (***); 37-ми нижнимъ чинамъ также пожалованы знаки отличія военнаго ордена 4-й степени (****) и одному знакъ

(*) Штабсъ-капитанъ Погорѣловъ—чинъ капитана, подпоручики Ризенкампфъ 2-й, Любимовъ, Рушичъ 2-й—чины поручиковъ, прапорщикъ Евдокимовъ—чинъ подпоручика.

(**) Капитанъ Антоновъ—св. Станислава 2-й степени съ мечами; штабсъ-капитанъ Ольшевскій, поручики: Кулешъ, Зенковичъ, подпоручики: Михельсонъ, Ромарино, прапорщикъ Муратовъ—ордена св. Станислава 3-й степени съ мечами и бантомъ.

(***) Юнкера: Лебедевъ, Цезарскій въ прапорщики; Габаевъ знакъ отличія военнаго ордена 3-й степени съ бантомъ; Ольденбургъ, Киссель, Калининъ, Жулинскій—знаки отличія военнаго ордена 4-й степени.

(****) Фельдфебеля: Андрей Лебедевъ, Василій Болговъ; унтеръ-офицеры: Никита Галушкинъ, Никита Тимофѣевъ, Іосифъ Козыревъ, Ксенофонтъ Дятловъ, Ларіонъ Мигрышка, Иванъ Ханчевскій; рядовые: Петръ Дерлицкій, Степанъ Горошко, Никифоръ Карашъ, Денисъ Дерябкинъ, Павелъ Сокодомъ, Тихонъ Борисовъ, Степанъ Александровъ, Тимофѣй Кравчукъ, Дорофей Лутниковъ, Петръ Федоровъ, Ламинидъ Шамневъ, Федоръ Борисовъ, Василій Бирюковъ, Архипъ Парамоновъ, Моисей Мазановъ, Василій Вепленко, Иванъ Дорогинъ, Тимофѣй Скворцовъ, Иванъ Ивановъ, Іоакимъ Евсѣевъ, Іосифъ Завацкій, Андрей Осиповъ, Іосифъ Невликъ, Пимонъ Ющикъ, Карпъ Данаковъ, Илья Тихоновъ, Федоръ Любезный, Абдулъ Назыровъ, Гольманъ Рахматулинъ—знаки отличія военнаго ордена 4-й степени.

отличія военнаго ордена 3-й степени (*). (Приказы по баталіону 1860-го года февраля 3-го и 17-го, марта 3-го и мая 16-го).

КЪ ГЛАВѢ IV-й.

([16])—4-й роты убиты: Яковъ Бреусъ и Матвѣй Борткевичъ. Ранены: 1-й роты—двое, 2-й—одинъ, 3-й—три, 4-й—четыре.

([17])—Прапорщикъ Черницкій умеръ отъ раны. Общая потеря баталіона въ теченіи всей ичкерипской экспедиціи распредѣляется слѣдующимъ образомъ: раненыхъ оберъ-офицеровъ—два; въ 1-й ротѣ ранено пять стрѣлковъ, во 2-й—девять, въ 3-й—четырнадцать, въ 4-й—убито пять и ранено пятнадцать.

([18]) Капитаны: Кубатіевъ и Черевинъ—въ маіоры, штабсъ-капитанъ Ольшевскій—въ капитаны, подпоручикъ Ромарино въ поручики. Капитаны: графъ Орловъ-Давыдовъ 1-й и графъ Орловъ-Давыдовъ 2-й—ордена св. Владиміра 4-й степени съ мечами и бантомъ. Юнкера: Мальціадъ Кацверъ, Авраамъ Алдатовъ, Михаилъ Эрпстовъ, Иванъ Мелпковъ и Федоръ Сафоновъ—въ прапорщики. Унтеръ-офицеры: Михайло Погожевъ и Петръ Курскій—знаки отличія военнаго ордена 3-й степени съ бантомъ. Фельдфебель Григорій Скульбада, юнкеръ Александръ Сепюковъ, унтеръ-офицеры: Осипъ Щепанскій, Илья Терещенко, Карпѣй Апанасюкъ, стрѣлки: Митрофанъ Кузнецовъ и Антонъ Ковбаса—знаки отличія военнаго ордена 4-й степени.

КЪ ГЛАВѢ VI-й.

([19])—Подполковникъ Батьяновъ, съ производствомъ въ полковники, назначенъ командиромъ кабардинскаго № 80-го полка.

(*) Унтеръ-офицеръ Федоръ Молодцовъ—знакъ отличія военнаго ордена 3-й степени.

КЪ ГЛАВѢ VII-й.

([20])—Командиръ баталіона подполковникъ Бардель-фонъ-Барделіусъ, за младшаго штабъ-офицера прикомандированный къ баталіону подполковникъ Ленцъ, капитанъ Федоръ Сафоновъ—командиръ 1-й роты, штабсъ-капитанъ Михаилъ Поповъ—командиръ 2-й роты, штабсъ-капитанъ Николай Бабкинъ—3-й роты и поручикъ Степанъ Папалекси командиръ 4-й роты; субалтернъ-офицеры: поручикъ Александръ Селлинепъ, подпоручикъ Александръ Алдатовъ и прапорщики: Евгеній Бржезовскій, Илларіонъ Хабаровъ, Владиміръ Невтоновъ и Гордѣй Плющъ.

([21])—Завѣдывающіе: хозяйствомъ—капитанъ Цезарскій, штабъ-квартирою—капитанъ Ослоповъ. Въ учебномъ баталіонѣ подпоручикъ Биллеръ, въ кавказской учебной ротѣ подпоручикъ Крючковъ; въ командировкѣ—завѣдывающій оружіемъ подпоручикъ Зайцевъ.

КЪ ГЛАВѢ VIII-й.

([23])—Баталіонъ перешелъ границу въ составѣ: штабъ-офицеровъ 2-хъ, оберъ-офицеровъ 13-ти, унтеръ-офицеровъ 113-ти и рядовыхъ 899-ти, 38-ми нестроевыхъ, 11-ти деньщиковъ, 76-ти казенно-подъемныхъ лошадей, 16-ти артельныхъ и 8-ми верховыхъ.

Командиръ баталіона подполковникъ фонъ-Барделіусъ, младшій штабъ-офицеръ и завѣдывающій хозяйствомъ маіоръ Цезарскій, командиры ротъ: 1-й—капитанъ Федоръ Сафоновъ, 2-й—штабсъ-капитанъ Михаилъ Поповъ, 3-й—штабсъ-капитанъ Николай Бабкинъ, 4-й—поручикъ Александръ Селлинепъ; субалтернъ-офицеры: поручикъ Тембулатъ Козыревъ—квартирмейстеръ; подпоручики: Владиміръ Зайцевъ—казначей, Александръ Алдатовъ; прапорщики: Евгеній Бржезовскій, Владиміръ Невтоновъ—адъютантъ, Гордѣй Плющъ, Константинъ Унковскій, Василій Черкезовъ, Алексѣй Бенедиктовъ; подпоручикъ Хабаровъ въ госпиталѣ.

([23])—Въ стрѣлковомъ баталіонѣ въ строю находились: командующій баталіономъ маіоръ Цезарскій; командиры ротъ: 1-й капитанъ Сафоновъ, 2-й штабсъ-капитанъ Поповъ, 3-й штабсъ-капитанъ Бабкинъ, 4-й поручикъ Селлинепъ; за адъютанта у начальника колонны прапорщикъ Невтоновъ; за баталіоннаго адъютанта подпоручикъ Зайцевъ; за квартирмейстера поручикъ Козыревъ; субалтерн-офицеры: подпоручики Алдатовъ, Крючковъ; прапорщики Бржезовскій, Плющъ, Черкезовъ, Бенедиктовъ; за дѣлопроизводителя Унковскій; сто одинъ унтеръ-офицеръ, 16-ть музыкантовъ, 797-мь строевыхъ рядовыхъ, всего 898-мь штыковъ (*).

КЪ ГЛАВѢ IX-й.

([24])—Убиты: 1-й роты Е. Боцаровъ, 4-й роты Л. Климовичъ и Н. Скорпченко; ранены: въ 1-й ротѣ унтеръ-офицеровъ два, рядовыхъ семь, во 2-й ротѣ унтеръ-офицеръ одинъ, рядовой одинъ; въ 3-й ротѣ унтеръ-офицеровъ два, рядовыхъ десять, въ 4-й ротѣ рядовыхъ шесть.

([25])—Св. Владиміра 4-й степени—капитанъ Сафоновъ и поручикъ Селлинепъ; св. Анны 3-й степени—штабсъ-капитаны: Бабкинъ и Поповъ; св. Анны 4-й степени—поручикъ Алдатовъ, прапорщикъ Бенедиктовъ; св. Станислава 3-й степени—поручикъ Зайцевъ. (Приказы по кавк. арм. 1877-го года №№ 234 и 478, 1878-го года № 20; прик. по баталіону 1878-го года № 64).

КЪ ГЛАВѢ X-й.

([26]) Въ числѣ непайденныхъ было тѣло фельдшера Агафонова (юноши лѣтъ 17-ти). Въ первомъ дѣлѣ 4-го числа, когда онъ слѣдовалъ за баталіономъ съ своимъ сотоварищемъ Абаевымъ, то во время адскаго огня на поляпѣ смерти—отсталъ. 9-го же числа, слѣдуя славному подвигу Абаева, онъ неот-

---

(*) Численность баталіоновъ въ полкахъ не превышала 600 человѣкъ.

ступно находился при двухъ первыхъ ротахъ и началъ перевязывать раненаго на мѣстѣ, для чего присѣлъ возлѣ него на корточки: тутъ онъ былъ пораженъ пулею въ темя. Тѣло этого славнаго юноши долго искали, но никакъ не могли найти.

([37])—Убиты, 1-й роты: рядовые Трофимъ Курбатовъ, Михаилъ Андрунайтисъ, Василій Пастушенко, Тимофѣй Авидковъ, Иванъ Трубниковъ, Тимофѣй Игнатовъ, Петръ Масловъ, Григорій Владиміровъ, Василій Илѣшаковъ.

2-й роты: унтеръ-офицеръ Филиппъ Киселевъ; рядовые: Дмитрій Токаревъ, Никита Ляшенко, Федоръ Чепурный, Дмитрій Назинъ, Яковъ Даниловъ, Федотъ Духонинъ, Ефимъ Корепьевъ, Федоръ Назаровъ, Василій Зиль, Егоръ Шевцовъ, Егоръ Перочкинъ, Тихонъ Мельниковъ, Антонъ Домбровскій, Андрей Кондрашкинъ, и фельдшеръ Александръ Агафоновъ, а всего 25-ть.

Ранены:	фельдфеб.	унт. офицер.	рядов.	итого.
1-й роты.	2	2	24	28
2-й роты.	»	2	31	33
3-й роты.	»	»	1	1
4-й роты.	»	»	1	1
	2	4	57	63.

КЪ ГЛАВѢ XI-й

([38])—Штабсъ-капитанъ Бабкинъ награжденъ за это отступленіе золотымъ оружіемъ, а подпоручикъ Плющъ орденомъ св. Станислава 3-й степени съ мечами и бантомъ. (Приказъ по кавказской арміи 1877-го года № 232).

([39])—За распорядительность въ этомъ сраженіи и указаніе обхода турецкаго корпуса маіоръ Цезарскій награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени съ мечами и бантомъ. (Приказъ по кавказской арміи 1877-го года № 232).

КЪ ГЛАВѢ XII-й

([30])—Командиру баталіона подполковнику фонъ-Барделіусу, штабсъ-капитанамъ Бабкину и Попову—золотое оружіе; маіору Цезарскому, капитану Сафонову, поручикамъ Селлинену, Крючкову и Лидатову—ордена св. Владиміра 4-й степени съ мечами и бантомъ. (Приказъ по кавказской арміи 1877-го года № 232).

([31]) Знаки отличія возложены на слѣдующихъ нижнихъ чиновъ:

1-й роты.

Портупей-юнкера
Елизара Хадарцева.

Фельдфебелей:
Гаврiила Статюху.
Игната Игнатковскаго.

Унтеръ-офицеровъ:
Ивана Скворцова.
Сергѣя Иванова.

Рядовыхъ:
Никиту Федюхина.
Григорія Чюдинова.
Ивана Алферова.
Аьерьяна Маслова.
Сергѣя Слюнчина.

2-й роты.

Фельдфебелей:
Якова Ледяева.
Якова Сѣряка.

Унтеръ-офицеровъ:
Ивана Сухицкаго.
Ефима Кладова.

Рядовыхъ:
Константина Сощенко.
Петра Куранова.
Прокофія Чураева.
Михаила Пялисова.

3-й роты.

Фельдфебеля
Ермолая Плетнева.

Унтеръ-офицеровъ:
Ивана Рекутина.
Демьяна Игнатовскаго.
Ивана Шаманова.

Рядовыхъ:
Андрея Попырку.
Алексѣя Чекалина.
Михаила Мозголика.
Алексѣя Гончарова.
Капріеля Халіева.

4-й роты.

Фельдфебеля
Василія Иванова.

Унтеръ-офицеровъ:
Данiила Кичкина.
Ѳому Воловина.
Леонтія Воронцова.

Рядовыхъ:
Василія Драчева.
Василія Сарычева.
Григорія Потапова.
Прохора Катова.
Ивана Горѣлкина.
Никиту Савочкина.

Степана Зубкова. Семена Гончарова.

Итого 39.

(Приказъ по кавказской арміи 1877-го года за № 486).

Приказомъ по кавказской арміи 1878-го года за № 382 пожалованъ фельдфебелю Ермолаю Плетневу знакъ 3-й степени.

Знаки 4-й степени:

1-й роты.

Рядовымъ:

Павлу Ловягину.
Осипу Лажуповскому.
Николаю Иванову.
Науму Суворову.
Емельяну Хицко.
Василію Симонову.
Самойлу Савченкѣ.
Радіону Шевченкѣ.
Казиміру Густайкису.

2-й роты.

Портупей-юнкеру

Михаилу Поспѣлову.

Унтеръ-офицерамъ:

Алексѣю Никифорову.
Нестору Федоренкѣ.
Михаилу Казаченкѣ.

Рядовымъ:

Демьяну Хлапонину.
Андрею Копылову.
Фролу Богомоленкѣ.
Ларіону Афанасенкѣ.
Михаилу Зайчику.
Григорію Дудкину.

3-й роты.

Унтеръ-офицеру

Никитѣ Пивоварову.

Рядовымъ:

Степану Асачу.
Григорію Легаеву.
Самуилу Спопоку.
Федору Пономареву.
Никитѣ Юдапову.
Тарасу Прудкому.
Ѳокѣ Кулешу.

4-й роты.

Портупей-юнкерамъ:

Николаю Федотову.
Давыду Хахапову.
Василію Иванову.

Унтеръ-офицеру

Федоту Ветошкину.

Рядовымъ:

Леонтію Пимонову.
Евдокиму Сиволобову.
Антону Волосевичу.
Степану Нестерову.
Алексѣю Горбунову.
Вильгельму Прэмкэ.
Ефрему Шиховцеву.
Василію Сидоренкѣ.

Нестроевымъ:

Капгепармусу

Алексѣю Ларину.

Унтеръ-офицеру

Степану Бѣлохвостову.

Обозному рядовому Семену Филипову.

Итого 43.

КЪ ГЛАВѢ XIII-й.

(32)—14-го сентября одинъ изъ больныхъ, Степанъ Филиповъ, рапортовавшійся дня два лихорадкой, послѣ часовой острой боли въ животѣ, до такой степени разстроился нервами, что не выдержалъ и застрѣлился. По вскрытіи оказалось, что онъ непремѣнно умеръ бы чрезъ сутки или двое, такъ какъ вся печень обратилась въ какой-то кровяной сгустокъ, разлазившійся въ рукахъ при желаніи взять, а селезенка ломалась, какъ сургучъ.

(33)—За отличіе въ дѣлѣ 15-го сентября, прапорщики Невтоновъ и Хадарцевъ награждены орденами св. Станислава 3-й степени съ мечами и бантомъ, а нижнимъ чинамъ выданы четыре знака отличія военнаго ордена 4-й степени: унтеръ-офицеру Назаренкѣ, рядовымъ—Василію Щербинскому, Алексѣю Соченкѣ, Дмитрію Воробьеву.

КЪ ГЛАВѢ XIV.

(34)—Однимъ изъ нихъ былъ унтеръ-офицеръ 4-й роты Данило Кичкинъ, молодой, высокій, стройный блондинъ, замѣчательно представительной наружности, съ небольшой бѣлокурой, кудрявой бородкой, пораженный въ грудь пулею въ то время, когда турки сдѣлали контръ-атаку.

(35)—Подполковникъ Крузенштернъ, маіоръ Цезарскій. Капитаны: Сафоновъ—командиръ 1-й роты, Поповъ—командиръ 2-й роты; штабсъ-капитанъ Кольчевскій—командиръ 3-й роты; поручики: Селлинскъ—командующій 4-ю ротою, фонъ-Бадеръ, Биллеръ, Козыревъ; подпоручики: Зайцевъ, Невтоновъ, Плющъ; прапорщики: Черкезовъ, Бенедиктовъ, Федотовъ, Хахановъ, Хадарцевъ, Поспѣловъ, Черногоровъ, Ларіоновъ и Семеновъ.

([36])—Убиты:

1-й роты.

Михаилъ Шершовъ.
Комаладдинъ Латиповъ.
Егоръ Кучовъ.
Степанъ Дуванов.
Василій Хахловъ.
Петръ Яковлевъ.

2-й роты.

Карпѣй Савельевъ.
Михаилъ Ялисовъ.
Степанъ Андреевъ.

3-й роты.

Фельдфебель
Трофимъ Зимоглядовъ.

Унтеръ-офицеръ

Иванъ Городниченко.

Рядовые.

Алексѣй Соченко.
Тимофѣй Никифоровъ.
Алексѣй Суровцевъ.
Иванъ Волковъ.
Яковъ Сальниковъ.
Илья Стрепковъ.
Иванъ Овчаровъ.

4-й роты.

Унтеръ-офицеръ

Даніилъ Кичкинъ.

Рядовые:

Андрей Бухаленко.
Федотъ Филиповъ.
Иванъ Тарасовъ.
Фролъ Семинъ.

Итого 23.

([37])—Ранены: маіоръ Цезарскій, капитанъ Поповъ, поручикъ Биллеръ, прапорщики Бенедиктовъ и Хадарцевъ.

Ранены:	унт. офиц.	стрѣл.	горн.
1-й роты.	4	20	„
2-й роты.	4	19	„
3-й роты.	1	12	1
4-й роты.	1	9	„
	10	60	1, а всего 71.

([38])—Приказами по кавказской арміи за №№ 400 и 445 1878-го года произведены: Кольчевскій въ капитаны, Сафоновъ въ маіоры.

Маіоръ Цезарскій и поручикъ Козыревъ—св. Станислава 2-й степени съ мечами.

Поручикъ Биллеръ и прапорщикъ Хадарцевъ—св. Анны 3-й степени съ мечами и бантомъ.

Поручикъ фонъ-Бадеръ и прапорщикъ Поспѣловъ—св. Стани-

слава 3-й степени съ мечами и бантомъ.

Прапорщикъ Черногоровъ — св. Анны 4-й степени на саблю.

([39]) — Приказъ по кавказской арміи 1877-го года № 303.

Штабъ-горнистъ
Осипъ Походинъ.

Унтеръ-офицеры:
Сергѣй Спасибуховъ.
Иванъ Гринъковъ.
Агафонъ Лукьяновъ.
Артемъ Вербинъ.
Леопардъ Демиткевичъ.
Иванъ Петровъ.
Макаръ Шулякъ.
Григорій Олешка.
Федоръ Кобяковъ.

Рядовые:
Алексѣй Поповъ.
Филиппъ Сивый.
Дмитрій Микуличевъ.
Никита Чебановъ.
Акимъ Бурмистровъ.
Андрей Бойченко.
Иванъ Арефьевъ.
Павелъ Савченко.
Данилъ Кривопустъ.
Семенъ Гончаровъ.
Петръ Чистяковъ.
Абрамъ Вальковъ.
Трофимъ Савченко.
Тимофѣй Бондаревъ.
Иванъ Шкурка.
Тимофѣй Пильщиковъ.
Андрей Душенко.
Илья Тумасовъ.
Платонъ Семинъ.
Владиміръ Алмзяковъ.
Егоръ Ковбаса.
Игнатъ Кузменко.
Михаилъ Синаревскій.
Тимофѣй Бей.
Александръ Васильевъ.
Михаилъ Грунтовскій.
Афанасій Атоевъ.
Петръ Соколовъ.
Иванъ Андреевъ.
Василій Жельнинъ.

Итого 40.

Приказъ по кавказской арміи 1877-го года № 426.

Рядовой Иванъ Тихоновъ.

Приказы по кавказской арміи 1878-го года за №№ 340 и 537.

Унтеръ-офицеры:
Никита Гончарюкъ.
Антонъ Сердюковъ.

Рядовые:
Яковъ Полтавскій.
Семенъ Ирхинъ.
Иванъ Мѣшковъ.
Горнистъ Андрей Кулигинъ.

Итого 6.

Приказы по кавказской арміи 1878-го г. за №№ 13, 62, 185 и 239.

Унтеръ-офицеры:
Гордѣй Коцарь.
Гавріилъ Вербицкій.
Ульянъ Борисевичъ.
Петръ Павлычевъ.

Рядовые:
Кузьма Огрызковъ.
Игнатъ Кузменко.
Янъ Матулайтисъ.

Итого 7.

Приказы по кавказской арміи 1878-го г. № № 302 и 486.

Унтеръ-офицеры:
Василій Перченко.
Иванъ Весторобскій.
Алексѣй Уразовъ.
Василій Грибоѣдовъ.
Яковъ Хомяковъ.
Василій Назаренко.
Алексѣй Хрущовъ.

Рядовые:
Егоръ Доронкинъ.
Фролъ Богомоловъ.
Василій Свистуновъ.
Фридрихъ Крамъ.
Сергѣй Порталовъ.
Степанъ Попамаревъ.
Тихонъ Бѣлицкій.
Семенъ Долбня.
Игнатъ Квитка.
Вакулъ Ковалевъ.
Михаилъ Камышевъ.
Ефимъ Авдѣевъ.
Сергѣй Чуриковъ.
Федоръ Чужиновъ.
Петръ Чигрей.
Павелъ Бабіевъ.
Иванъ Кострица.
Афанасій Калашниковъ.
Арсеній Гвозденко.
Михаилъ Васильевъ.
Степанъ Пономаревъ.

Итого 28.

Приказъ по кавказской арміи 1879-го года № 148.

Старшимъ унтеръ-офицерамъ:

Сергѣю Иванову. . . .
Никитѣ Пивоварову. . .
Ивану Сухицкому. . .

} 3-й степени.

(40)—Убиты: 3-й роты Семенъ Тараскинъ, 4-й роты Иванъ Астановичъ, Василій Дергачъ.

Пропали безъ вѣсти: Францъ Садовскій и Прокофій Дѣевъ.

Ранены: подпоручикъ Плющъ.

	Унт. офиц.	Рядов.
1-й роты. .	» . .	6.
2-й роты. .	» . .	2.
3-й роты. .	» . .	2.

4-й роты. . 1 . . 2.

1 12.

(41)—Унтеръ-офицеръ Василій Назаренко 2-й степени.

Фельдфебеля:

Гаврила Статюха. . . . . } 3-й степени.
Василій Перченко . . . . . }
Василій Ивановъ. . . . . }

Унт. офицеръ

Михаилъ Толочка . . . . . }

Рядовые:

Иванъ Шестопаловъ . . . . } 4-й степени.
Маргосъ Качеджіевъ . . . . }
Федоръ Чириченко . . . . . }

(Приказъ по кавказской арміи 1878-го года № 583).

Командиры бывшаго 20-го, нынѣ 3-го стрѣлковаго баталіона:

1) Подполковникъ князь *Голицынъ*, съ 1-го января 1857 года.
2) Подполковникъ *Клингеръ*, съ 15-го ноября 1857 года.
3) Маіоръ князь *Святополкъ-Мирскій*, съ 12-го апрѣля 1859 года.
4) Маіоръ *Крузенштернъ*, съ 13-го мая 1861 года.
5) Полковникъ Иванъ Даниловичъ *Ковалевъ*, съ 10-го мая 1863 года.
6) Подполковникъ Михаилъ Ивановичъ *Батьяновъ*, съ 10-го іюня 1865 года.
7) Маіоръ Евгеній Вильгельмовичъ *Бардель-фонъ-Барделіусъ*, съ 23-го декабря 1867 года.
8) Маіоръ *Цезарскій* (временно-командующій), съ 27-го августа 1877 года.
9) Подполковникъ Павелъ Карловичъ *Крузенштернъ*, съ 20-го сентября 1877 года.